

ISSN 0207-3676

ОБЩЕСТВО ЭКОНОМИКА

7
2023

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№7, 2023

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор журнала –
Е.Б. Ленчук, доктор экономических наук

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси
Е. Бабосов, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**,
д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**,
академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н.
С. Калашников, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**,
академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П.Кохно** –
зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**,
академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**,
академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы
А. Рошка, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**,
д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**,
д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Сухарев. О сбалансированности федерального бюджета: концептуальные представления и опыт России	5
Свирина Людмила. Росимущество: анализ ключевых задач и целевых индикаторов деятельности на современном этапе.....	12
Ашхен Нанавян. Оценка экономической нагрузки на население и занятость в регионах России	22
Эдуард Вафин, Сергей Киселев. Ресурсный потенциал государственной системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг как объект исследования	37
Ирина Морозова, Алексей Дмитриев. Оптимизация управления обеспечением социально ориентированных некоммерческих организаций в России	47
Роман Кузнецов, Татьяна Тумарова. Прогнозирование котировок акций ПАО НОВАТЭК с использованием моделей дерева решений и линейной регрессии	56
Лейла Абдуллина, Татьяна Романишина, Алиса Бобовникова, Владислав Смирнов, Дарья Никитина, Александр Блинов. Актуальные векторы трансформации российского бизнеса в русле «стратегии устойчивого развития» (ESG).....	71
Константин Павлов, Владимир Жданович. Проблемы и направления развития химической промышленности Республики Беларусь в условиях усиления санкционного давления	83
Фируза Байбобоева. О факторах, угрожающих экономической безопасности предприятий легкой промышленности	99
Екатерина Романчук. Деятельность международной ассоциации развития на постсоветском пространстве (на примере Центрально-Азиатских государств	106

CONTENTS

A. Sukharev. On the balance of the federal budget: conceptual ideas and Russian experience	5
L. Svirina. Federal Property Management Agency: analysis of current key tasks and target performance indicators	12
A. Nanavyan. Economic inactivity and assessment of the economic burden of the population in the regions of Russia	22
E. Vafin, S. Kiselev. The resource potential of the state pension system and related social services as an object of research	37
I. Morozova, A. Dmitriev. Optimizing provision management for socially oriented non-profit organizations in Russia	47
R. Kuznetsov, T. Tumarova. Predicting NOVATEK share prices using the models of decision tree and linear regression	56
L. Abdullina, T. Romanishina, A. Bobovnikova, V. Smirnov, D. Nikitina, A. Blinov. Actual vectors of the transfoemation of Russian businesses within the framework of sustainable development strategy (ESG standards)	71
K. Pavlov, V. Zhdanovich. Development trends and problems in the chemical industry of the Republic of Belarus under increased sanction pressure	83
F. Bayboboeva. On factors threatening the economic security of light industry enterprises	99
Ekaterina Romanchuk. On the working practices of the International Development Association in the post-soviet states of Central Asia	106

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);
- 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2023

Александр Сухарев

доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права

Тверского государственного университета (г. Тверь, Российская Федерация)

(e-mail: su500005@yandex.ru)

О СБАЛАНСИРОВАННОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОПЫТ РОССИИ

Рассмотрены модели сбалансирования федерального бюджета в рамках изменения внешнеэкономической конъюнктуры и опыт его реализации в России. Показаны подходы к оценке платежеспособности государства по выполнению им денежных обязательств.

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы бюджета, расходы бюджета, бюджетная сбалансированность, платежеспособность государства, встроенный стабилизатор, ответственная финансовая политика.

DOI: 10.31857/S020736760026569-4

Для обеспечения макроэкономической стабильности и устойчивости социально-экономического развития необходимым условием является сбалансированность федерального бюджета. В соответствии с Бюджетным кодексом РФ принцип сбалансированности бюджета означает равенство его расходов сумме доходов и источников финансирования дефицита [1, ст. 33]. При составлении бюджета уполномоченные органы должны исходить из минимума дефицита бюджета. Рост бюджетного дефицита может привести к лавинообразному росту государственного долга и не позволить государству его в будущем исполнять.

Доходы федерального бюджета Российской Федерации сильно изменяются в зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры цен на нефть (цена на природный газ имеет схожую динамику с динамикой цен на нефть). Так, объем нефтегазовых доходов федерального бюджета на 2023 г. запланирован в объеме 6,94 трлн руб. (из них 6 трлн руб. — базовые нефтегазовые доходы, 0,94 трлн руб. — дополнительные нефтегазовые доходы), что составляет 26,8% от общей величины доходов федерального бюджета. В действительности влияние цены на нефть на доходы федерального бюджета может быть более значительным с учетом мультипликативного эффекта нефтегазовых доходов на российскую экономику, приводящее к увеличению совокупного спроса и в нефтегазовых секторах экономики, созданию добавленной стоимости от ввозимых иностранных товаров в рамках их доставки по территории страны до конечного потребителя и проч. Таким образом, совокупный вклад нефтегазового сектора в доходах федерального бюджета с учетом такого мультипликативного эффекта может достигать 35–50%.

Колебания цен на нефть не должны приводить к соответствующим изменениям в расходах федерального бюджета. В противном случае пришлось бы в 1,5–2 раза, например, сокращать заработную плату работникам бюджетной сферы или увеличивать бюджетные расходы в период роста цен, которые привели бы к росту уровня инфляции или неэффективному использованию бюджетных средств. Иными словами, несмотря на колебания бюджетных доходов, бюджетные расходы должны быть относительно стабильны, а точнее — плавно из года в год даже расти. Все это потребовало с 2002 г. накопления конъюнктурных доходов федерального бюджета на счете Федерального казначейства в виде остатков денежных средств, а с 2004 г. — создания Стабилизационного фонда РФ, и в дальнейшем — иных специальных фондов государственного финансового резервирования.

По сути, можно выделить три возможные модели сбалансирования федерального бюджета в условиях колебаний цен на нефть на мировом рынке:

1) с ориентацией на государственный долг — предполагает государственные заимствования в период падения цен на нефть и их погашение, когда цена на нефть достигнет необходимого уровня. Недостаток такой модели состоит в том, что при падении цен на нефть в стране возникает проблема не только с поступлением экспортных доходов, но и с притоком капитала вообще. В таких условиях возрастает трудность государственного заимствования, а ставки такого заимствования бывают достаточно велики. При росте цен на нефть государство обычно лишено возможности быстро погасить свои обязательства, так как заемные финансовые ресурсы взяты на определенный срок;

2) с ориентацией на государственные финансовые резервы — предполагает формирование государственных финансовых резервов в период высоких цен на нефть и их расходование — при падении цен на нефть. Такая модель позволяет увеличивать объем бюджетных доходов в будущем за счет получения инвестиционного дохода от размещения государственных финансовых резервов;

3) комбинированная — с одновременным использованием механизма государственных заимствований и формированием государственных финансовых резервов. Государство при росте цен на нефть может одновременно формировать государственные резервы и воздержаться от государственных заимствований, а при падении цен на нефть — расходовать государственные финансовые резервы и увеличить объем государственных заимствований. В России, по сути, создана комбинированная модель, но с большим преобладанием в ней элемента государственного финансового резервирования. Комбинированная модель помогает защитить государственные финансовые резервы от исчерпания и предоставляет возможность для финансового сектора получить высоконадежные и ликвидные финансовые инструменты в виде государственных ценных бумаг. Так, например, по состоянию на 1 декабря 2022 г. объем Фонда национального благосостояния составлял 11,4 трлн руб. [3], верхний предел

государственного внутреннего долга Российской Федерации на конец 2023 г. утвержден в размере 20,7 трлн руб., а внешнего – 66,6 млрд долл. (эквивалентно 5–6 трлн руб. в зависимости от курса национальной валюты).

Использование в России механизма стабилизационных финансов, основанного на государственных финансовых резервах, является гарантией устойчивости социально-экономического развития.

Несмотря на сложную геополитическую ситуацию, санкций в отношении отраслей российской экономики, в том числе и нефтегазового сектора, сохраняется устойчивость федерального бюджета. В рамках ближайших трех лет (2023–2025 гг.) на низком уровне будет поддерживаться дефицит федерального бюджета, который в 2023 г. должен составить 2,9 трлн руб., или 1,9% к ВВП; в целом за три эти года дефицит федерального бюджета составит 1,3% к ВВП (табл. 1 и 2).

Таблица 1

**Основные параметры федерального бюджета на 2023–2025 гг.
(в абсолютном выражении)**

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Доходы (трлн руб.)	26,1	27,3	28,0
Расходы (трлн руб.)	29,0	29,4	29,2
Дефицит (трлн руб.)	2,9	2,1	1,2
ВВП (трлн руб.)	150,0	159,7	170,6
Верхний предел государственного внутреннего долга (трлн руб.)	20,7	22,8	25,0
Верхний предел государственного внешнего долга (млрд долл.)	66,6	68,1	68,0

Источник: составлено по [2].

Таблица 2

**Основные параметры федерального бюджета на 2023–2025 гг.
(% к ВВП)**

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Доходы	17,4	17,1	16,4
Расходы	19,3	18,4	17,1
Дефицит	1,9	1,3	0,7
Верхний предел государственного внутреннего долга	13,8	14,3	14,7
Верхний предел государственного внешнего долга (по курсу: 1 долл. США = 75 руб.)	3,1	3,2	3,0
Общий государственный долг	16,9	17,5	17,7

Источник: рассчитано по [2].

На низком уровне сохраняется верхний предел государственного долга. Так, верхний предел государственного внутреннего долга не должен превышать 15% к ВВП, а государственного внешнего долга — 3% к ВВП (при курсе национальной валюты, равной 75 руб. за доллар США). Даже при неблагоприятной внешнеэкономической ситуации, которая приведет к большей девальвации национальной валюты, общий объем государственного долга скорее не превысит 20%.

По расчетам автора, сегодня только восемь стран в мире имеют объем долга по отношению к ВВП меньше, чем Россия. Это свидетельствует не только о получении страной конъюнктурных доходов в предшествующие годы, но и о качестве российских государственных финансов и управлении ими. Долгосрочная сбалансированность федерального бюджета может быть обеспечена за счет ответственности финансовых властей, которая сегодня сформировалась в России и является элементом финансовой идеологии в общественном секторе.

Отметим, что курс национальной валюты является дополнительным финансовым, но уже встроенным стабилизатором для федерального бюджета. В период снижения мировых цен на нефть курс национальной валюты ослабевает и федеральный бюджет частично компенсирует падение доходов от нефтегазового сектора из-за получения большего количества рублей от каждого доллара, евро или юаня. Данный механизм хотя и является встроенным финансовым стабилизатором, но не способен полностью компенсировать выпадающие доходы федерального бюджета при падении цен на нефть, а в случае их роста — стерилизовать. Несмотря на это, он вносит некоторый, иногда значимый, эффект в стабилизацию государственных финансов и сбалансирование федерального бюджета.

Государство теоретически могло бы повысить степень эффективности такого механизма путем сознательного управления курсом национальной валюты. Однако при этом оно столкнулось бы со следующими проблемами.

Первое — переход от рыночного к административному курсообразованию является менее эффективным в преодолении внешних экономических шоков.

Второе — значительное колебание курса национальной валюты, создающее неудобство для экспортеров и импортеров. Это вызвало бы нестабильность трансграничных товарных потоков, а также привело бы к усилению спекуляции на валютном рынке России.

Третье — необходимость иметь большой объем высоколиквидных валютных резервов, чтобы проводить интервенции на валютном рынке.

Четвертое — необходимость большего согласования мер между денежными властями и Правительством РФ.

В современной макроэкономике и науке о финансах принято использовать следующие два показателя оценки платежеспособности государства по долгу: по государственному внутреннему долгу и по государственному внешнему долгу [см.: 4, 5].

Условием платежеспособности государства по государственному внутреннему долгу является наличие следующего условия:

Средние долгосрочные темпы роста экономики + Средний долгосрочный уровень инфляции > Среднее долгосрочное значение дефицита бюджета (по отношению к ВВП) + Средняя долгосрочная номинальная ставка процента по государственному долгу.

Достижение данного неравенства приводит к тому, что отношение государственного внутреннего долга к ВВП не будет постоянно расти, что в конечном счете приведет к неплатежеспособности государства. Рост экономики и инфляция увеличивают номинальный ВВП, снижая отношение государственного долга к ВВП, а дефицит бюджета и стоимость обслуживания государственного долга, наоборот, увеличивают это отношение. Долгосрочность значений означает, что в рамках текущей экономической конъюнктуры государственный бюджет может сводиться с профицитом или дефицитом, а также может изменяться стоимость обслуживания государственного долга вследствие непостоянства ставки процента и изменений темпов инфляции.

Рассмотрим это на следующем примере. Пусть прогнозируемые темпы экономического роста в стране составляют 4%, темпы инфляции – 3%, хронический дефицит бюджета – 2%, ставка процента по государственному долгу – 4,5% годовых. В этом случае среднегодовые темпы роста ВВП составят 7% (4% – за счет роста экономики, 3% – за счет роста уровня цен, т.е. инфляции), а темпы роста государственного долга – 6,5% (2% – за счет хронического дефицита бюджета, 4,5% – за счет начисления процентов по государственным денежным обязательствам). Превышение темпов роста ВВП над темпами роста государственного долга приводит к постепенному сокращению соотношения «государственный долг / ВВП».

Из рассмотренного примера видно, что государство может иметь хронический дефицит бюджета и быть платежеспособным по государственному долгу на бесконечном горизонте. Это лежит в основе теоретических представлений о допустимости хронического дефицита бюджета и наличия государственного долга у современных государств.

Рассмотренное выше условие платежеспособности, используя реальные величины, можно представить и иначе:

Средние долгосрочные темпы роста экономики > Среднее долгосрочное значение дефицита бюджета (по отношению к ВВП) + Средняя долгосрочная реальная ставка процента по государственному долгу.

Это уравнение показывает, что в долгосрочном периоде темпы роста экономики должны превышать в сумме значение дефицита бюджета по отношению к ВВП и реальную ставку процента.

Заметим, что хронический бюджетный дефицит в рассмотренном выше неравенстве зависит от условий государственного заимствования отдельных

стран, определяющегося их кредитными рейтингами. Так, например, в развивающихся странах традиционно высока «страновая надбавка» за риск, что делает практически невозможным хронический бюджетный дефицит, а в наименее развитых странах эта надбавка еще больше.

Условием платежеспособности государства по внешнему долгу является превышение дисконтированного сальдо текущего платежного баланса над величиной государственного внешнего долга [см.: 4, 5]. Для России текущий платежный баланс является хронически профицитным и не несет угрозы неплатежеспособности государства по государственному внешнему долгу. Кроме того, на величину профицита текущего платежного баланса оказывает влияние курс национальной валюты. При снижении курса национальной валюты профицит текущего платежного баланса автоматически вырастает.

В России официальные органы не используют вышеприведенных условий при оценке платежеспособности государства по долгу. Это связано с низким уровнем государственного долга и ориентацией при долгосрочном сбалансировании федерального бюджета на создание государственных финансовых резервов. В России не стоит проблемы огромного государственного долга из-за проведения политики финансового резервирования.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что государство должно иметь эффективную систему стабилизации государственных финансов и долгосрочной сбалансированности федерального бюджета. В России такая система создана и функционирует последние двадцать лет и показала свое преимущество в обеспечении устойчивости социально-экономического развития. Россия имеет низкое соотношение между государственным долгом и ВВП. Все это было достигнуто не только за счет получения конъюнктурных доходов федеральным бюджетом, но и за счет ответственности финансовых властей, которая сегодня является элементом финансовой идеологии в общественном секторе.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2022). ст. 33.
2. О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: Федеральный закон от 05.12.2022. № 466-ФЗ.
3. Объем Фонда национального благосостояния // Официальный сайт Министерства финансов РФ // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya.
4. Сухарев А.Н. Финансовая устойчивость и платежеспособность государства // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 31 (196). С. 8–15.
5. Туманова Е.А., Шагас Н.Л. Макроэкономика // М.: ИНФРА-М, 2004. Главы 5 и 6.

Alexander Sukharev (e-mail: su500005@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor of the Chair of Constitutional,
Administrative and Customs Law, Tver State University (Tver, Russian Federation)
(e-mail: su500005@yandex.ru)

ON THE BALANCE OF THE FEDERAL BUDGET: CONCEPTUAL IDEAS AND RUSSIAN EXPERIENCE

The models of balancing the federal budget within the framework of changes in the external economic situation and the experience of its implementation in Russia are considered. Approaches to assessing the solvency of the state to fulfill its monetary obligations are shown.

Keywords: federal budget, budget revenues, budget expenditures, budget balance, state solvency, built-in stabilizer, responsible financial policy.

DOI: 10.31857/S020736760026569-4

© 2023

Свирина Людмила

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра исследований проблем государственного управления
Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: ludasvirina@mail.ru)

РОСИМУЩЕСТВО: АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЗАДАЧ И ЦЕЛЕВЫХ ИНДИКАТОРОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются практические вопросы оценки деятельности Росимущества как организационного института управления федеральным имуществом, являющегося важной частью ресурсов государства; особое внимание уделено оценке деятельности в сфере исполнения федерального бюджета в части поступлений доходов от управления федеральным имуществом. На основании материалов проверок Счетной палатой работы Росимущества и его Территориального управления в г. Москве за 2017–2021 годы анализируются негативные результаты его деятельности. Оцениваются результаты деятельности Росимущества в 2022 году, анализируются цели и задачи работы Агентства на современном этапе.

Ключевые слова: Росимущество, управление федеральным имуществом, ключевые задачи, целевые индикаторы.

DOI: 10.31857/S020736760026570-6

Введение. Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) в 2020 году перешло из ведения Минэкономразвития России в ведение Министерства финансов Российской Федерации (Минфин РФ) согласно Указу Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [1]. Цели, задачи и результаты деятельности Росимущества формируются и оцениваются в соответствии с принципами программно-целевого планирования и управления в рамках утверждаемого Правительством РФ Минфину РФ документа стратегического планирования — Государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», в состав которой под шестым номером входит Подпрограмма «Управление федеральным имуществом» [2].

В первоначальном варианте Цель 6 Государственной программы «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», утвержденной в 2021 году на основании Постановления Правительства РФ от 25 сентября 2021 г. № 1613 «О внесении изменений в Государственную программу Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» представлена в такой формулировке: «Обеспечение к 2030 году роста доходов от дивидендных выплат хозяйственных

обществ, права акционера (участника) в которых осуществляет Росимущество, не менее, чем в 2,5 раза (к уровню 2021 года)» [3].

Выполнение бюджетного задания Росимуществом осуществляется не только за счет дивидендов компаний с государственным участием, поэтому, на наш взгляд, декларирование Цели 6 в разрезе только этой статьи доходов в бюджет не способствовало бы реализации стратегического подхода к управлению всеми объектами собственности, принадлежащими государству, а также законодательному закреплению за ними целевых индикаторов. В связи с этим, считаем правомерным внесение новых изменений в редакцию Цели 6 Государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» в Постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 320 (ред. от 31.12.2022), утвержденной на сегодняшний день в следующей формулировке: «Обеспечение к 2030 году роста доходов от управления федеральным имуществом не менее, чем в 2 раза (к уровню 2021 года)». Таким образом, институциональный статус Росимущества в сфере увеличения ресурсной базы государства за счет роста доходов от управления всем федеральным имуществом закрепляется на долгосрочную перспективу.

Повышение качества управления федеральным имуществом и максимизация доходов от использования федерального имущества заявлены в Подпрограмме 6 «Управление федеральным имуществом» в качестве приоритетных задач, реализация которых будет осуществляться по следующим направлениям: цифровая трансформация процесса учета федерального имущества, а также имущества со специальными режимами обращения; формирование оптимального состава федерального недвижимого имущества; обеспечение долгосрочного устойчивого роста стоимости активов и доходов от управления государственными компаниями, сокращение участия государства в деятельности компаний на конкурентных рынках.

Исполнение федерального бюджета в части поступлений доходов от управления федеральным имуществом. В качестве доказательной базы стремительного роста поступления в бюджет дивидендов компаний с государственным участием приведем данные Счетной палаты и Росимущества за 2021–2022 годы. Счетная палата констатировала, что в результате проверки исполнения бюджета за 2021 год в Росимуществе общий объем доходов составил **361,1** млрд руб.; в общей структуре доходов Росимущества основная доля приходится на дивиденды по акциям, принадлежащим Российской Федерации, это почти 94%, или **340** млрд руб. Основной объем поступлений обеспечивают 13 крупнейших акционерных обществ с государственным участием [4].

Данные о выполнении бюджетного задания в 2022 году были оглашены в докладе руководителя Федерального агентства по управлению государственным имуществом В.В. Яковенко на расширенном заседании итоговой коллегии

14 марта 2023 года [5]. В 2022 году агентством обеспечено поступление в федеральный бюджет **784** млрд руб., в том числе дивиденды компаний с госучастием составили **753** млрд руб., рост относительно 2021 года составил **414** млрд руб. Доходы от сдачи в аренду федерального имущества и продажи земли в целом составили порядка 17 млрд руб. Поступления от продажи акций и объектов имущества казны составили 8,7 млрд руб. Таким образом, в 2022 году доля поступлений от дивидендов компаний с государственным участием в общей структуре доходов увеличилась с 94 до 96%, а доля совокупных поступлений из других источников финансирования в общей структуре доходов уменьшилась с 5,8 до 4%.

О сохраняющейся тенденции превалирования в структуре общего объема поступлений в федеральный бюджет дивидендов АО с государственным участием свидетельствуют данные из Бюллетеня Счетной палаты РФ № 8 (273) 2020 «Управление федеральным имуществом» за 2017–2019 годы: доходы бюджета от поступлений дивидендных платежей составили в общем объеме более 1 трлн руб., причем 97% этой суммы поступило в виде дивидендов от 20 крупнейших акционерных обществ с государственным участием, составляющих лишь чуть более 2% от их общего количества; более 500 из 850 обществ с госучастием вообще не перечисляли дивиденды в доход бюджета. В то же время Минэкономразвития РФ в свои отчеты для Правительства РФ включает сведения только о деятельности 10 крупнейших АО, что составляет всего 1% от их общего количества [6].

На наш взгляд, используемый в течение последних лет подход к оценке результативности исполнения бюджета Росимуществом на основе ограниченного круга данных о деятельности только 20, 10 или 13 крупнейших АО с государственным участием чрезмерно упрощает ситуацию в стратегическом видении влияния таких организаций на российскую экономику в целом.

Анализ результатов проверок Счетной палатой деятельности Росимущества и его территориального управления в г. Москва. В общих чертах деятельность Росимущества за 2017–2020 гг. признана неудовлетворительной на основе анализа результатов проверок Счетной палатой. Отсутствие на протяжении многих лет полноценной оценки и классификации всех движимых и недвижимых объектов государственной собственности, которые должны быть максимально результативно вовлечены в хозяйственный оборот, признано Счетной Палатой серьезной проблемой неэффективного и непрозрачного управления государственным имуществом. «Данные Счетной палаты РФ показывают, что, по состоянию на начало 2020 г., накопилось критическое количество проблем в области управления государственным имуществом, которые, если их не разрешать, могут перерасти в качественное ухудшение государственного управления. А это уже является угрозой экономической безопасности страны» [7. С. 38].

В перечень основных, существенных недостатков по управлению государственной собственностью, выявленных Счетной палатой в ходе проверок деятельности Росимущества, авторы статьи «Трансформация государственной

программы «Управление федеральным имуществом» д.э.н. С.В. Козлова, к.э.н. П.С. Звягинцев (Институт экономики РАН) включают: «1. Отсутствие достоверной информации о количестве АО и ФГУП, подконтрольных государству: сведения не совпадают с аналогичными данными других информационных ресурсов (Росстат и ФНС России). 2. Нет полноценной информации и о результатах финансовой деятельности организаций с госучастием. В результате более 90% АО находятся в «серой зоне» и их деятельность никак не анализируется. При этом выборочный анализ материалов показал, что многие из них нестабильны или имеют отрицательную динамику. 3. Большую часть поступлений дивидендов (97% совокупного размера) обеспечивают только двадцать наиболее крупных АО (примерно 2% от их общего количества). В то же время свыше 500 компаний в 2017–2019 гг. вообще не перечисляли дивиденды в доход бюджета. 4. АО недостаточно вовлечены в достижение стратегических целей, а документы средне- и долгосрочного планирования их деятельности носят во многом формальный характер. 5. Что касается приватизационной деятельности, то, согласно отчету Счетной палаты РФ от 2021 г., «Прогнозные планы (программы) приватизации федерального имущества, которые регулярно утверждает Правительство РФ, перестали выполнять роль основного инструмента отчуждения государственных активов и на практике не выполняются» [8. С. 95–96].

Этот перечень негативных оценок Счетной палатой деятельности Росимущества по итогам 2019 года следует дополнить следующими выводами: после проведенной Росимуществом инвентаризации госаудиторами выявлено 18 тыс. объектов, не состоящих в реестре ведомства; консолидированная бюджетная отчетность признана недостоверной из-за искажения показателей на общую сумму 1,3 млрд руб.; выявлено несовпадение данных бюджетного учета и реестра федерального имущества по объектам казны РФ приблизительно на 6,7 трлн руб. [9]. На наш взгляд, негативные результаты деятельности Росимущества в 2017–2019 годах послужили, среди прочего, основанием для его перевода в ведение Минфина РФ.

За первые два года (2020–2021 гг) Росимущество, осуществляя свою деятельность под контролем Минфина РФ, не смогло в полной мере решить проблемы неэффективного и непрозрачного управления государственным имуществом, чему, в частности, во многом способствовало отсутствие надлежащей достоверной информации. Вопросы учета федерального имущества и администрирование доходов от его использования находились в центре внимания Счетной палаты при осуществлении проверки результатов реализации Территориальным управлением Росимущества в г. Москва (далее – Управление) полномочий администратора доходов федерального бюджета от управления имуществом РФ (исследуемый период 2020–2021 годы) [10].

Ключевые выводы, содержащиеся в отчете о результатах проверки осуществления Управлением полномочий по управлению федеральным имуществом, в том числе – его учета, а также поступления доходов в федеральный

бюджет за 2020–2021 годы — свидетельствуют о сохранении большинства нерешенных проблем и сводятся к следующим:

- отсутствие надлежащего учета и контроля вверенных Управлению объектов федерального имущества и достоверной информации об их количестве и стоимости;

- непоступление в полном объеме средств в федеральный бюджет, в том числе по причине использования в качестве приоритетного способа управления имуществом передачи его в хозяйственное ведение или оперативное управление;

- отсутствие пообъектного учета имущества государственной казны РФ ввиду отсутствия мероприятий по инвентаризации объектов казны, и, как следствие, низкое качество бюджетного учета ее имущества;

- количественные и стоимостные показатели объектов федерального имущества, отраженные в балансе Управления, не совпадают с данными бюджетного учета и расходятся с данными Реестра федерального имущества (РФИ) и других учетных информационных систем (так, например, выявлено, что на 1 января 2022 года расхождения по стоимостной оценке объектов в РФИ и в отчетах Управления Росимущества составляют приблизительно около 1 трлн руб., а по численности объектов недвижимого имущества казны — более 200);

- отсутствие мероприятий по достижению цели управления федеральным имуществом — увеличению доходов за счет эффективного управления путем максимального вовлечения имущества в хозяйственный оборот — и по обеспечению надлежащего контроля за его использованием.

Не до конца решенная проблема некорректного учета государственного имущества на сегодняшний день продолжает оставаться препятствием для построения полной и достоверной информационной базы о количестве и финансовом состоянии объектов собственности, принадлежащей государству и, как следствие, эффективной системы управления госимуществом.

Анализ ключевых задач, целевых и результирующих индикаторов деятельности Росимущества на современном этапе. После получения полномочий в сфере управления госимуществом Минфин РФ совместно с Росимуществом обозначили в качестве приоритетной цели — создание универсальной цифровой системы учета и управления федеральным имуществом для максимального предотвращения и, в конечном итоге, исключения возможных нарушений в системе учета и контроля за его использованием. В соответствии с планом мероприятий программы цифровой трансформации Росимущества до 2024 года, к середине 2022 года уже осуществлена интеграция данных ведомства с информационными системами Федерального казначейства, Федеральной налоговой службы, Федеральной таможенной службы в части конфискованного в пользу государства имущества. В ближайшее время «... такая работа запланирована еще с восьмью министерствами и ведомствами, чтобы иметь полное и правдивое представление обо всем федеральном имуществе», — заявил руководитель Росимущества В.В. Яковенко в интервью «Российской газете» [11].

На расширенном заседании итоговой Коллегии Росимущества, состоявшемся 14.03.2023, было отмечено, что 2022 год стал для Росимущества прорывным в плане цифровизации, и по достигнутым результатам это ведомство вошло в число ведущих федеральных министерств и ведомств по цифровизации и реализации мероприятий национальной программы «Цифровая экономика». Значимым событием в октябре 2022 года явился запуск на платформе «ГосТех» первой государственной информационной системы – сервиса Росимущества «Федеральное имущество онлайн» [5].

Подводя итоги деятельности Росимущества за 2022 год в целом, глава ведомства В. Яковенко отметил, что за прошедший год цели, поставленные перед Росимуществом, были достигнуты и значения фактически исполненных пяти целевых индикаторов превысили плановые [5]. В табл. 1. приведены отчетные данные исполнения целевых индикаторов подпрограммы «Управление Федеральным имуществом» в 2022 году и публично декларируемые значения целевых показателей на 2023 год.

Таблица 1

Целевые индикаторы подпрограммы «Управление Федеральным имуществом»

№	Наименования целевых индикаторов	План, 2022 г., %	Факт, 2022 г., %	Проект, 2023 г., %
Показатели ведомственного проекта Минфина РФ «Государство как эффективный собственник»				
1	Совпадение сведений реестра федерального имущества и иных государственных систем, содержащих сведения об объектах федерального имущества	73	74,8	80
2	Доля госкомпаний, уровень рентабельности активов которых составляет не менее 100 процентов среднеотраслевого уровня	20	25,3	26
Показатели комплекса процессных мероприятий «Управление федеральным имуществом»				
3	Доля объектов имущества казны, вовлеченных в хозяйственный оборот (аренда, безвозмездное пользование, доверительное управление, иные договоры и соглашения)	20	37,7	30
4	Поступления в федеральный бюджет от приватизации федерального имущества	100	213,5	100
5	Доля прибыльных акционерных обществ	60	66	66

Источник: «О результатах деятельности Росимущества за 2022 год и ключевых задачах на 2023 год» [12].

Следует отметить наметившуюся динамику роста значения целевого индикатора по такому важному направлению процесса цифровизации, как увеличение процента верификации сведений реестра федерального имущества (совпадение сведений реестра федерального имущества и иных государственных информационных систем, содержащих сведения об объектах федерального имущества, учтенных в реестре). В 2022 году фактическое исполнение целевого показателя — 74,8% превышает изначально запланированное значение — 73%, и в плане на 2023 г. установлен его рост до 80% [12].

В Документе «План деятельности Федерального агентства по управлению государственным имуществом на 2022 год и плановый период 2023—2027 годов» (утв. Минфином РФ) определен срок первого этапа достижения цели 6 государственной программы «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков»: «Обеспечение к 2024 году роста доходов от управления федеральным имуществом не менее, чем в 1,4 раза (к уровню 2021 года)» [13].

В отчет о деятельности Росимущества в 2022 году включен только результирующий индикатор фактического поступления совокупного дохода от управления федеральным имуществом в бюджет с детализацией его значения по основным видам и источникам финансирования дефицита федерального бюджета: всего — 783,6 млрд руб., в том числе: дивиденды госкомпаний — 752,9 млрд руб.; аренда и продажа земли — 13,4 млрд руб.; аренда объектов казны — 3,5 млрд руб.; средства от приватизации — 8,7 млрд руб.

При сопоставлении данных (табл. 2) о поступлении доходов в федеральный бюджет от управления федеральным имуществом в 2022 году и данных об ожидаемых поступлениях в 2023 году наблюдается предстоящее значительное уменьшение размеров поступлений в бюджет из таких источников, как дивиденды госкомпаний (на 322,6 млрд руб.), аренда и продажа земли (на 10,2 млрд руб.), средства от приватизации (на 6,9 млрд руб.).

Таблица 2

Поступления в бюджет от управления федеральным имуществом

Основные доходы и источники финансирования дефицита федерального бюджета	Фактические поступления от управления федеральным имуществом в 2022 году, млрд руб.	Ожидаемые поступления от управления федеральным имуществом в 2023 году, млрд руб.
Всего:	783,6	461,3
Дивиденды госкомпаний	752,9	442,4
Аренда и продажа земли	13,4	3,2
Аренда объектов казны	3,5	3,2
Средства от приватизации	8,7	1,8

Источник: «О результатах деятельности Росимущества за 2022 год и ключевых задачах на 2023 год» [12].

Уменьшение доходности от управления государственной собственностью определяется в основном ситуацией, складывающейся с дивидендами от госактивов. Комментарии по этому поводу прозвучали в интервью Главы Росимущества В.В. Яковенко «Российской газете»: «В настоящее время в связи с возросшей санкционной нагрузкой компании вынуждены пересмотреть инвестиционные программы, логистические и производственные цепочки. В том числе по этой причине Правительством принимаются решения об освобождении ряда компаний от выплаты дивидендов» [14]. Если в зависимости от экономической и политической ситуации сохранится тенденция падения уровня бюджетных доходов от управления государственным имуществом, то уместно, на наш взгляд, предположить, что цель по «Обеспечению к 2024 году роста доходов от управления федеральным имуществом не менее чем в 1,4 раза (к уровню 2021 года)» может быть скорректирована.

Заключение. Подводя итоги совместной работы Росимущества с Минфином России в 2022 году, министр финансов Антон Силуанов, выступая на итоговой коллегии Росимущества, подвел итоги серьезной совместной работы Росимущества с Минфином России по повышению качества управления федеральной собственностью: упрощен порядок приватизации не востребовавшего имущества госказны, введена в эксплуатацию новая система ГИС Торги, модернизирован реестр федерального имущества с целью интеграции его с Электронным бюджетом, проведена инвентаризация не востребовавших объектов казны [4].

В ближайшие годы перед Росимуществом стоит задача проработки и внедрения новых подходов к управлению федеральным имуществом, реализация которых, прежде всего, предполагает ускорение цифровизации всего комплекса процессных мероприятий с целью повышения качества управления, прозрачности учета и контроля. В частности, Росимущество определилось с решением создания на Платформе ГосТех сервисов по управлению имуществом государственной казны, проведению проверок и приватизации. С помощью цифровых сервисов гражданам и организациям будет обеспечен свободный доступ к информации об объектах казны, автоматизированы процессы проведения ревизии ранее заключенных договоров аренды и безвозмездного пользования, что в конечном итоге активизирует процесс приватизации имущества казны и будет способствовать решению проблемного вопроса о достоверности учета имущества казны.

Дальнейшее расширение реестра учета всего федерального имущества должно осуществляться, в том числе во взаимосвязи с решением задач по увеличению темпов вовлечения неиспользованного имущества в хозяйственный оборот, закреплению федерального имущества в новых регионах, взятия под контроль Росимущества процесса вовлечения в оборот неиспользованных федеральных земельных участков. Предстоящее важное направление работы Росимущества будет связано также с созданием отдельного реестра зарубежного имущества.

В утвержденном Министерством финансов РФ документе «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [15. С. 58] определены основные направления деятельности Росимущества, обеспечивающие повышение качества управления компаниями с государственным участием: продолжение работы над внедрением единого подхода к дивидендной политике всех акционерных обществ в федеральной собственности; сокращение участия государства в хозяйственных обществах; реорганизация (ликвидация) Федеральных государственных унитарных предприятий.

Литература

1. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001210023>.
2. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 320 (ред. от 31.12.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-15042014-n-320/>.
3. Постановление Правительства РФ от 25 сентября 2021 г. № 1613 «О внесении изменений в Государственную программу Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков». URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/10/main/Postanovlenie_Pravitelstva_ot_25.09.2021_N_1613.pdf.
4. Счетная палата проверила исполнение бюджета за 2021 год в Росимуществе. URL: <https://ach.gov.ru/checks/rosimushchestvo-2021>.
5. Коллегия Росимущества подвела итоги 2022. URL: <https://tu77.rosim.gov.ru/press/446963>.
6. Бюллетень Счетной палаты РФ № 8 (273) 2020. URL: <https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-8-273-2020-g>.
7. *С.В. Козлова, С.В. Братченко, Л.Н. Свирина, О.М.Грибанова.* Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей. // Вестник ИЭ РАН. № 5. 2021. С. 31–56.
8. *Козлова С.В., Звягинцев П.С.* Трансформация государственной программы «Управление федеральным имуществом» // Вестник ИЭ РАН. № 1. 2023. С. 90–105.
9. Счетная палата признала работу Росимущества неудовлетворительной. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/08/24/837517-schetnaya-palata-priznala-deyatelnost-rosimushchestva-v-2019-godu-neudovletvoritelnoi>.
10. Бюллетень Счетной палаты РФ «Федеральное имущество в Москве». №1 (302) 2023. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/79a/6zj9hi1xtolv8k2ettbmr9p7j0mswbd6.pdf>.
11. Все федеральное имущество внесут в цифровую систему. URL: <https://rg.ru/2020/09/20/vse-federalnoe-imushchestvo-vnesut-v-cifrovuiu-sistemu.html>.
12. О результатах деятельности Росимущества за 2022 год и ключевых задачах на 2023 год. URL: rosim.gov.ru
13. План деятельности Федерального агентства по управлению государственным имуществом на 2022 год и плановый период 2023–2027 годов» (утв. Минфином России). URL: https://e-ecolog.ru/docs/Qln_ruvahfzN_BYJUCq0b/full.
14. Глава Росимущества рассказал о доходности госактивов. URL: <https://rg.ru/2022/06/17/glava-rosimushchestva-rasskazal-o-dohodnosti-gosaktivov.html>.
15. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (утв. Минфином России). URL: minfin.gov.ru

Lyudmila Svirina (e-mail: ludasvirina@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,
Center for Public Administration Research,
Institute of Economics (Russian Academy of Sciences)
(Moscow, Russian Federation)

FEDERAL PROPERTY MANAGEMENT AGENCY: ANALYSIS OF CURRENT KEY TASKS AND TARGET PERFORMANCE INDICATORS

The article deals with practical issues of assessing the performance of the Federal Property Management Agency as an organizational institution for managing federal property, which is an important part of the state's resources; special attention is paid to the assessment of the execution of the federal budget in terms of revenues from the management of federal property. Based on the materials of inspections by the Accounts Chamber of the work of the Federal Property Management Agency and its Territorial Administration in Moscow for 2017–2021, the negative results of the latter's performance are analyzed. The results of the Federal Property Management Agency performance in 2022 are assessed, the current goals and objectives of the Agency's work are analyzed.

Keywords: Federal Property Management Agency, federal property management, key tasks, target indicators.

DOI: 10.31857/S020736760026570-6

© 2023

Ашхен Нанавян

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центрального экономико-математического института
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: ashchenn@mail.ru)

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ НА НАСЕЛЕНИЕ И ЗАНЯТОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ

В статье представлен анализ динамики численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, рассчитана экономическая нагрузка на население и экономическая нагрузка на занятых в некоторых странах СНГ и в регионах РФ. В странах СНГ наибольшее значение экономической нагрузки ранее наблюдалось в Армении, хотя в последующие годы отмечено его существенное снижение, определяемое в основном сокращением уровня безработицы. Отмечается тенденция снижения экономической нагрузки в Узбекистане и относительно стабильная ситуация в Казахстане. В Российской Федерации экономическая нагрузка на население снижалась, но сохраняется значительная региональная дифференциация. Минимальные значения экономической нагрузки отмечены в Чукотском и Ямало-Ненецком округах и в Магаданской области, а максимальные — в Республике Адыгея и в Курганской области.

Ключевые слова: экономическая неактивность, уровень участия в рабочей силе, занятое население, экономическая нагрузка, страны СНГ, регионы России.

DOI: 10.31857/S020736760026571-7

Реализация программ инновационного развития экономики требует решения комплекса проблем на рынке труда, и, в частности, обеспеченности необходимыми кадрами, рационального использования и развития трудового потенциала населения. В связи с этим в литературе уделяется большое внимание анализу экономической активности населения (участия в рабочей силе) и проблемам занятости. Однако необходимо отметить, что этот показатель имеет определенные ограничения и не может увеличиваться постоянно, что связано как с демографическим фактором, так и с рядом других социально-экономических параметров.

Во многих странах мира уровень участия в рабочей силе сокращается и, соответственно, увеличивается уровень экономической неактивности населения. Так, в Китае в 2012 г. уровень участия в рабочей силе составлял 70,8%, а в 2021 г. — 68,1%, во Франции — 56,1 и 55,9%, в США — 62,7 и 61,7% (в 2022 г. — 62,2%), в Швеции — 72,0 и 66,7%, в Италии — 49,1 и 48,4% соответственно [14].

В докладе Международной организации труда (МОТ) отмечалось, что в основе этой тенденции лежат многие факторы, в том числе тот факт, что сегодня продолжительность обучения молодежи дольше, и ее вхождение в состав рабочей силы откладывается; играют свою роль и трудности, с которыми молодежь сталкивается при доступе к рынку труда. Кроме того, с 1991 года наблюдается ускоренный рост численности самых старших возрастных групп населения.

При этом у лиц в возрасте 65 лет и старше уровень неактивности значительно выше, чем у любой другой возрастной группы, существенных изменений нет, и ожидается, что эта тенденция сохранится. Однако уровень неактивности лиц в возрасте от 55 до 64 лет имеет тенденцию к снижению, что, по всей видимости, связано с повышением пенсионного возраста [15]. Отметим также, что рост уровня экономической активности лиц старших возрастных групп лишь в определенной степени позволяет говорить о некотором замещении труда молодежи.

Экономической пассивности части трудоспособного населения способствуют и факторы материальной обеспеченности, приоритетности воспитания детей и ведения домашнего хозяйства. Необходимо также учитывать особенности поведения на рынке труда, связанные с уровнем образования человека, его национальными, возрастными, профессионально-квалификационными характеристиками.

Тем не менее, как отмечается в докладе МОТ, лица, не входящие в состав рабочей силы, могут иметь определенную привязанность к рынку труда и было бы неверно предполагать, что все они неактивны. Они могут быть вовлечены в различную производственную деятельность, не связанную с рабочей силой — например, участвуя в волонтерской работе, неоплачиваемой стажировке или в производстве материальных благ для собственного использования. Также неверно предполагать, что никто из незанятых не заинтересован в присоединении к рабочей силе [15]. Наиболее вероятно возвращение на рынок труда и в сферу занятости тех, кто пока не готов приступить к работе, но ищет ее, а также тех, кто отчаялся найти подходящее рабочее место. Но численность данной категории невелика. Сложность же привлечения пенсионеров оценивается как умеренная, что связано как с состоянием здоровья лиц старших возрастных групп, так и с востребованностью их профессиональных навыков. Кроме того, высокий уровень занятости лиц старших возрастных групп не всегда имеет положительный эффект, поскольку они могут привести к обострению проблемы безработицы других возрастных когорт, увеличить напряженность на рынке труда.

Следует отметить, что в некоторых странах мира в 2022 г., когда рынок труда восстанавливался после пандемии, наблюдался рост уровня участия в рабочей силе. Например, в Австралии с 2015 г. по 2022 г. прирост был довольно существенным и составил 1,6 процентных пункта (65,0 и 66,6% соответственно), в Германии — на 0,4 процентных пункта (60,2 и 60,6% соответственно) [14].

Однако, по прогнозу МОТ, к 2030 г. уровень экономической активности населения снизится, причем как в странах с высоким уровнем доходов, так и с низким [15].

Таким образом, именно экономически неактивное население является внутренним резервом увеличения численности рабочей силы и может дополнить ее естественную, т. е. демографическую составляющую. Поэтому необходимо учитывать возможности экономически неактивного населения, а также

определять условия его перехода в экономически активное и пополнения трудовых ресурсов страны за счет внутренних источников [3; 4; 5]. Подробный анализ уровня и динамики экономической неактивности в России в 2000-е годы, основные социально-демографические характеристики экономически неактивного населения и причины его неучастия в рабочей силе были представлены в [2]. Авторы также указывают, что эта социальная группа не изолирована от рынка труда и может рассматриваться как резерв потенциальных работников, хотя их трудовой потенциал невысок. Экономическая неактивность зависит от множества факторов, главными из которых являются демографические характеристики: старение населения, демографические изменения в сочетании с социальными изменениями (большая длительность обучения молодежи и пр.), гендерная зависимость, доходы населения [7]. В публикациях также отмечается, что «...возросший курс доллара, а затем и закрытие границ в связи с пандемией COVID-19, существенно сократили поток трудовых мигрантов в страну: в 2020 г. их число только из стран ЕАЭС снизилось более чем в два раза, составив 405 тыс. человек. Представляется, что в ближайшие годы этот внешний источник рабочей силы перестанет иметь особенное значение для нашей экономики не только из-за низкой вероятности возвращения к пиковым значениям числа трудовых мигрантов, но и из-за изменения российской оценки их вклада в экономическое развитие страны и национального рынка труда» [1].

Увеличение численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, можно оценивать, с одной стороны, как отражение роста уровня жизни населения (например, респонденты заявляют, что «нет необходимости работать»), но, с другой стороны, помимо прочего — это ограничение притока в категорию занятых, а также дополнительная нагрузка на институты социальной поддержки населения.

Очевидно, что для оценки сложившейся ситуации и перспектив развития рынка труда анализ абсолютных значений этого показателя необходимо дополнить относительными величинами. И, поскольку статус человека на рынке труда может меняться и нередко меняется в течение жизни, можно рассчитать коэффициенты, показывающие соотношение различных категорий населения (занятые, безработные или экономически неактивное население), что позволит более обоснованно оценивать состояние рынка труда.

В связи с этим, целью исследования является анализ нагрузки на экономически активное население в регионах России и в некоторых странах СНГ.

Анализ произведен по данным обследований рабочей силы, Федеральной службы государственной статистики РФ и национальных статистических служб, а также по данным МОТ.

Динамика численности рабочей силы и лиц, не входящих в её состав. Для измерения уровня экономической активности населения Международной организацией труда установлен минимальный возраст участия в рабочей силе, который в большинстве стран составляет 14-15 лет (максимальный возраст не

установлен). В России обследования рабочей силы учитывали лиц в возрасте от 15 до 72 лет (в некоторых странах СНГ – 74 года), но с 2017 г. верхний возрастной предел отменен: учитываются лица в возрасте 70 лет и старше [9].

На рис. 1 представлена динамика численности занятых, безработных и лиц, не входящих в состав рабочей силы, за 2000–2022 г.

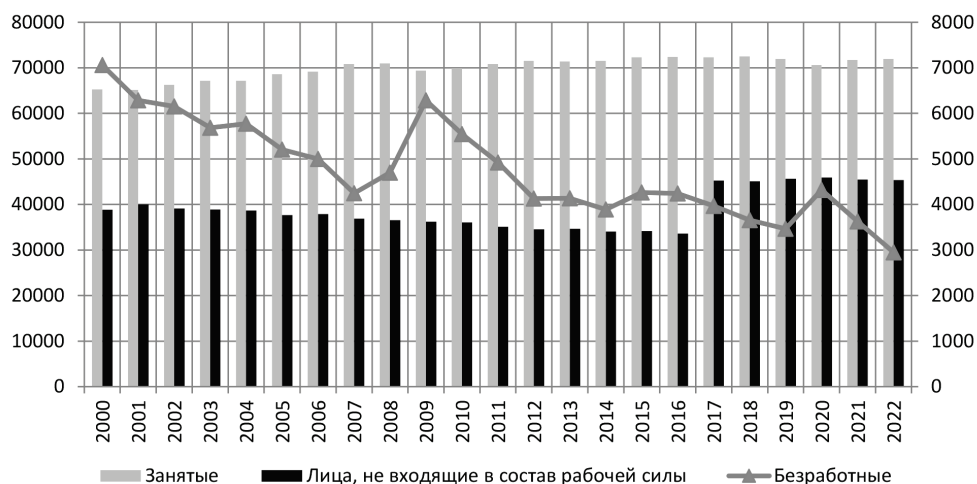

Рис. 1. Численность лиц, не входящих в состав рабочей силы, занятых и безработных в России, 2000–2022 г., тыс. человек

Источник: [9].

За рассматриваемый период численность лиц, не входящих в состав рабочей силы, уменьшалась. Так, по сравнению с предыдущим годом наибольшие темпы сокращения составляли 2,3–2,5% и были отмечены в 2002 г. (на 2,3%, или на 901 тыс. человек), в 2005 г. (на 2,5%, или на 984 тыс. человек), в 2007 г. (на 2,6%, или на 968 тыс. человек) и в 2011 г. (на 2,5%, или 918 тыс. человек). Отметим, что связано это было с увеличением численности занятых и соответственно – снижением численности безработных, т. е. в определенной степени прирост численности рабочей силы обеспечивался и переходом экономически неактивного населения в категорию занятых.

Наибольшее же увеличение численности неактивного населения наблюдалось в 2001 г. (на 3%, или на 1190 тыс. человек), когда существенно уменьшилась численность безработных (на 771 тыс. человек) и незначительно – численность занятых (на 149 тыс. человек). Такая же тенденция была характерна и для 2019 г.: прирост численности неактивного населения на 599 тыс. человек сопровождался снижением и численности занятых, и численности безработных. В следующем, 2020 г., также наблюдался прирост численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, но это происходило уже в условиях пандемии, когда

занятость сократилась более чем на 1 млн человек, и работники не только переходили в категорию безработных, но и прекращали поиски работы. Это позволяет сделать вывод о некоторой противоречивости движения потоков различных категорий населения на российском рынке труда, хотя, как правило, увеличение численности занятых определяется масштабами снижения численности безработных и, наоборот — численность безработных увеличивается, в первую очередь, за счет занятых. Потоки же неактивного населения не оказывают значимого влияния на занятость, хотя сокращение безработицы в определенной степени связано с переходом в категорию неактивного населения.

Сравнительный анализ динамики численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, в странах СНГ позволяет говорить о незначительных изменениях (табл. 1).

Таблица 1
Динамика численности лиц, не входящих в состав рабочей силы, млн человек

Страна/год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Темпы роста, в среднем за 2015–2021 гг., в %
РФ	34,18	33,57	45,27	45,03	45,74	46,06	45,54	104,9
Армения	0,794	0,790	0,792	0,682	0,641	0,783	0,784	100,1
Беларусь	2,061	2,127	2,095	2,108	2,126	2,151	2,159	100,6
Казахстан	3,640	3,801	3,917	3,877	3,928	4,077	4,093	101,9
Кыргызстан	1,419	1,455	1,546	1,522	1,533	1,523	1,557	101,4
Узбекистан	5,381	5,319	5,176	5,065	4,959	4,956	5,236	99,5

Источник: [10, 11; 12; 13, 14].

За рассматриваемый период в наиболее значительной степени численность лиц, не входящих в состав рабочей силы, увеличилась в России. Это отчасти связано с изменением максимального возраста обследуемого населения. Соответственно, темпы роста этого показателя с 2017 г. по 2021 г. в нашей стране составили 100,6%. Средние же темпы роста численности неактивного населения свидетельствуют о некоторой стабилизации ситуации во всех рассмотренных странах.

Экономическая нагрузка населения. Для дальнейшего анализа рассчитаны следующие показатели:

- коэффициент нагрузки на экономически активное население ($K_{\text{нагрузки ЭАН}}$) — соотношение численности экономически неактивного и экономически активного населения на 1000 человек:

$$K_{\text{экон. нагрузки}} = (N/A) * 1000, \quad (1)$$

где

N – численность экономически неактивного населения,

A – численность экономически активного населения (рабочей силы);

• коэффициент экономической нагрузки занятых в двух вариантах: во-первых, как соотношение численности экономически неактивного населения и численности занятых ($K_{\text{экон. нагрузки занятых}}$); во-вторых, как отношение численности экономически неактивного населения и безработных к численности занятых, на 1000 человек ($K_{\text{экон. нагрузки занятых с учетом безр.}}$)¹.

$$K_{\text{экон. нагрузки занятых}} = (N/E) * 1000 \quad (2)$$

где

N – численность экономически неактивного населения,

E – численность занятых;

$$K_{\text{экон. нагрузки занятых с учетом безр.}} = ((N+U)/E) * 1000 \quad (3)$$

где

N – численность экономически неактивного населения,

U – численность безработных,

E – численность занятых.

Количественная оценка коэффициента нагрузки на экономически активное население не столь однозначна, как оценка демографической нагрузки (преобладание численности пожилых граждан над численностью младших возрастных групп с демографической точки зрения отражает ухудшение ситуации).

В данном случае необходимо учитывать, что результаты могут свидетельствовать и о положительной динамике и об отрицательных последствиях для экономики и, в частности, для рынка труда. Например, динамику можно считать положительной, если рост нагрузки связан с увеличением доходов населения и численности лиц, которые заявляют, что у них нет необходимости работать, но при этом уровень безработицы не превышает естественный и не ограничивает экономический рост. Однако большое значение коэффициента может быть связано и с напряженностью на рынке труда и со значительной продолжительностью безработицы, когда безработные прекращают поиски работы и переходят в категорию экономически неактивного населения. Этот поток несколько смягчает ситуацию на рынке труда, но увеличивает долю лиц с низкими доходами и соответственно – социальную напряженность. Определенная

¹ Расчет этих коэффициентов был предложен в [6].

часть «бывших» безработных, отчаявшихся искать работу, возможно, получает проценты по вкладам или ценным бумагам, а также пенсию, стипендию и другие социальные выплаты. Тем не менее, это не означает, что человек удовлетворен уровнем своих доходов и возможностями реализации своего трудового потенциала. Поэтому смягчение ситуации на рынке труда может наблюдаться лишь в краткосрочной перспективе.

На рис. 2, 3, 4 и 5 представлены значения коэффициента нагрузки на экономически активное население в России и в нескольких странах СНГ.

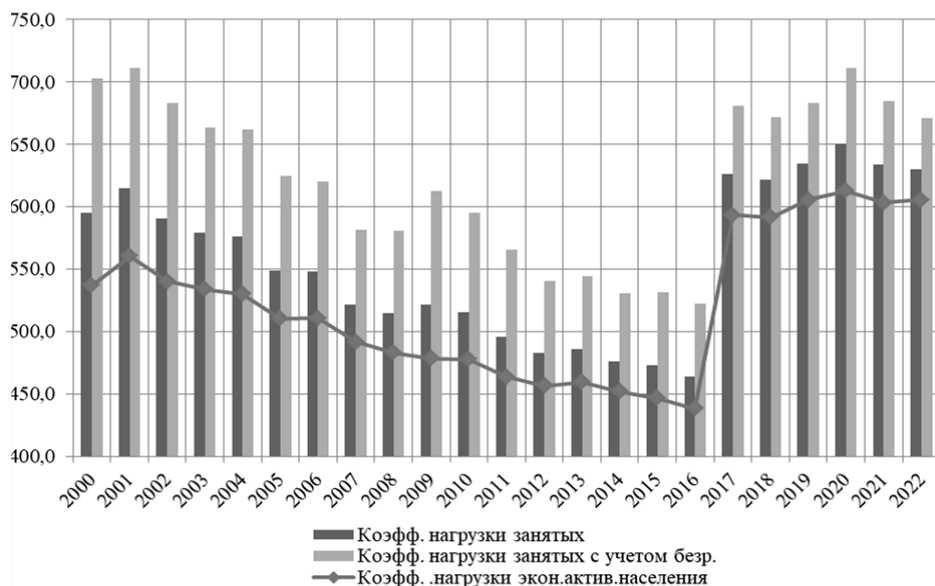

Рис. 2. Коэффициент нагрузки на экономически активное население в России, 2000–2022 гг., на 1000 человек

Источник: рассчитано автором по [9].

За рассматриваемый период в Российской Федерации нагрузка на экономически активное население снижалась, но следует отметить увеличение нагрузки в 2019 г. в условиях роста занятости и сокращения безработицы в нашей стране.

Изменение учета лиц старших возрастных групп в 2017 г. (обследование лиц старше 70 лет) привело к заметному росту значения этого коэффициента: нагрузка на экономически активное население, рассчитанная по численности лиц в возрасте от 15 до 72 лет, равна 447,5 (меньше на 146 ед.), коэффициент нагрузки занятых – соответственно равен 472,1 и 527,1 (меньше на 154 ед.).

Таким образом, с 2018 г. значение коэффициента нагрузки на экономически активное население в России значительно превышает показатели стран СНГ, хотя в предыдущие периоды, до 2018 г., наибольшее значение наблюдалось в Армении, где в последующие годы снижалась экономическая нагрузка, определяемая в основном сокращением уровня безработицы (рис. 3).

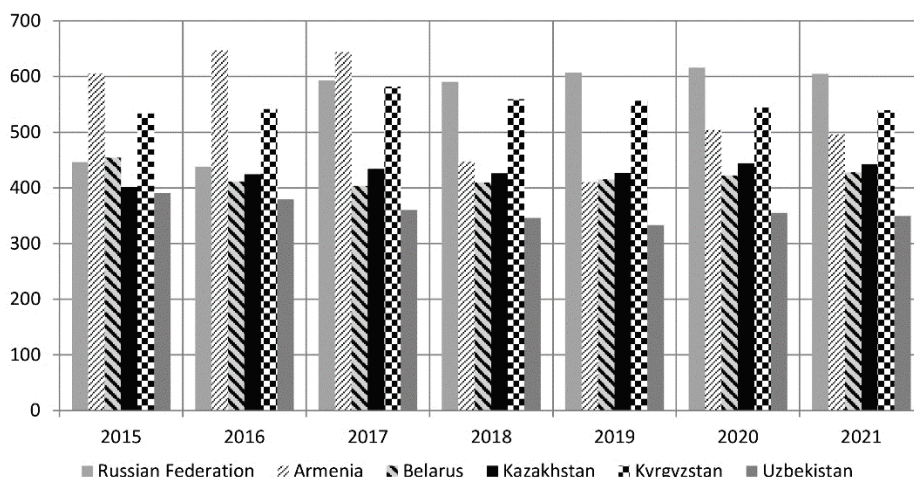

Рис. 3. Коэффициент нагрузки на экономически активное население в России и в странах СНГ, 2015–2021 гг., на 1000 человек

Источник: рассчитано автором по [10, 11; 12; 13, 14].

Следует также отметить тенденцию к снижению нагрузки на экономически активное население в Узбекистане и относительно стабильную ситуацию в Казахстане.

По сравнению с нагрузкой на экономически активное население нагрузка занятого населения больше (рис. 5), а в Армении в 2015–2017 гг. значение этого коэффициента, рассчитанного с учетом численности безработных, составляло почти 1000 человек (рис. 5).

В Белоруссии же и в Казахстане эти отклонения менее значительны.

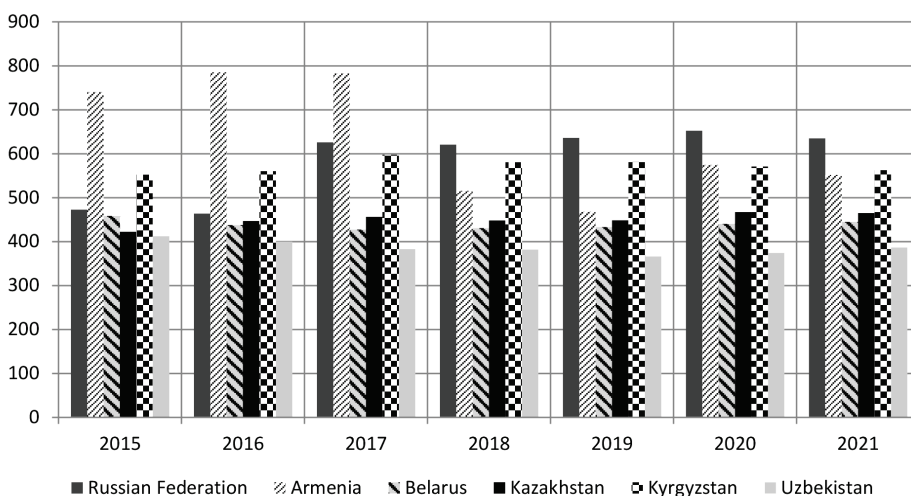

Рис. 4. Коэффициент нагрузки занятого населения в России и в странах СНГ, 2015–2021 гг., на 1000 человек

Источник: рассчитано автором по: [10, 11; 12; 13, 14].

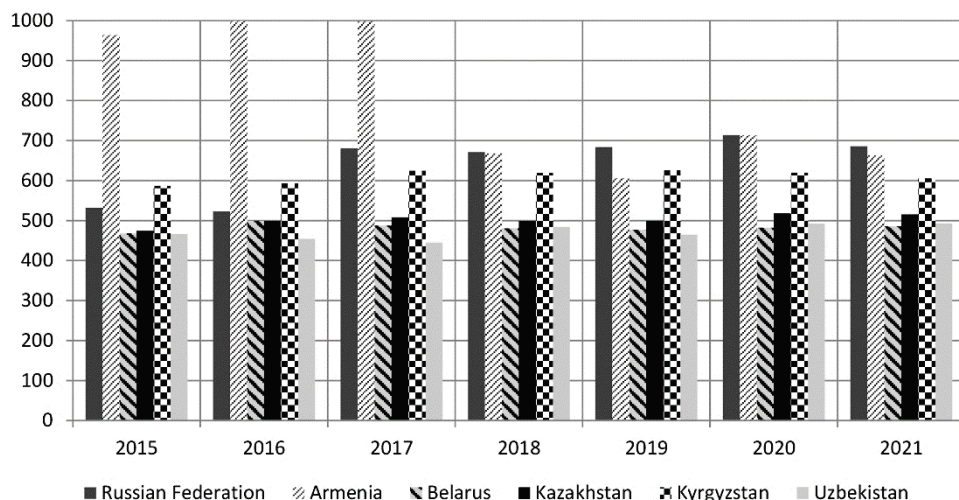

Рис. 5. Коэффициент нагрузки занятого населения с учетом безработных в России и в странах СНГ, 2015–2022 гг., на 1000 человек

Источник: рассчитано автором по: [10, 11; 12; 13, 14].

Следует также отметить, что нагрузка в значительной степени зависит от безработицы, хотя для рассматриваемого периода характерно было сокращение уровня безработицы. В частности, в 2019 г. безработица увеличила нагрузку занятых в Армении на 139 пунктов, в Узбекистане — на 98,6, а в России — на 48,2 пункта. Поэтому переход безработных в категорию неактивного населения несколько смягчал напряженность на рынке труда.

Нагрузка на экономически активное население в регионах России. Анализ нагрузки на экономически активное население в регионах России свидетельствует о довольно значительной дифференциации. Если в 2018 г. коэффициент вариации составлял 562, то в 2022 г. — 548.

Наименьшее значение коэффициента нагрузки на экономически активное население отмечено в Чукотском автономном округе, а наибольшее — в Республике Адыгея (табл. 2; ранжирование произведено по значениям коэффициента нагрузки на экономически активное население). В 2022 г. большинство регионов сохранили свои позиции как в группе с минимальными, так и в группе с максимальными значениями коэффициента экономической нагрузки. Кроме того, следует отметить увеличение нагрузки на экономически активное население, особенно в группе регионов с наименьшими значениями этого коэффициента.

За период с 2018 г. по 2022 г. наибольший рост нагрузки на экономически активное население отмечен в Республике Северная Осетия-Алания, в Республике Бурятия и в Оренбургской области: на 135,9; 114,0 и 104,9 пунктов соответственно.

При этом в Республике Северная Осетия-Алания наблюдается также и существенный прирост нагрузки занятых, в том числе и с учетом безработных,

тогда как в Бурятии и в Оренбургской области нагрузка занятых с учетом безработных снизилась.

Таблица 2

**Нагрузка на экономически активное население в регионах России,
на 1000 человек**

РФ и реги- оны	2018 г.			РФ и регионы	2022 г.		
	К нагрузки ЭАН	К нагрузки занятых	К нагрузки за- нятых с учетом безр.		К нагрузки ЭАН	К нагрузки занятых	К нагрузки занятых с учетом безр.
Минимальное значение							
РФ	591,5	621,3	671,8	РФ	605,4	630,2	671,2
Чукотский АО	285,9	294,9	326,5	Чукотский АО	311,2	317,4	337,1
Ямало-Нен. АО	313,8	320,5	341,7	Ямало-Нен. АО	345,2	351,0	368,0
Магаданская обл.	362,3	381,5	434,6	Магаданская обл.	372,0	387,8	430,3
Респ. Ингу- шетия	372,0	504,5	860,7	Респ. Ингу- шетия	372,8	521,5	920,6
Хант-Манс. АО	401,6	411,9	437,3	<i>Ненецкий АО</i>	403,7	436,2	516,6
Сахалинская обл	439,3	464,0	520,3	Сахалинская обл	438,9	458,3	502,3
Камчатский край	443,7	466,5	517,9	Камчатский край	442,8	456,2	486,4
г. Москва	465,3	471,1	483,7	Ханты- Манс. АО	450,7	460,0	480,7
<i>Тюменская обл.</i>	470,1	485,3	517,8	<i>г. Санкт-Пе- тербург</i>	468,4	477,1	495,8
<i>Р. Саха (Яку- тия)</i>	471,4	506,5	580,9	г. Москва	485,7	496,6	519,1
Максимальное значение							
Ульяновская обл	693,7	720,6	759,5	Республика Тыва	725,2	801,5	906,8
Псковская обл.	699,5	741,7	802,0	Кемеровская обл.	727,3	758,6	801,7
Орловская обл.	727,5	765,2	816,9	Респ. Сев. Осетия-Ала- ния	728,6	826,6	961,1
К.-Черкесс Респ.	742,2	843,6	980,2	К.-Черкесс. Респ.	734,3	814,4	923,6
Саратовская обл.	746,5	786,2	839,3	Пензенская обл	739,3	767,8	806,4

Респ. Крым	761,1	809,3	872,6	Рязанская обл.	768,9	791,9	821,8
Тамбовская обл.	761,7	793,9	836,1	Респ. Бурятия	775,9	837,7	917,3
Рязанская обл.	815,2	850,6	893,9	Орловская обл.	783,3	815,6	856,8
Курганская обл.	816,1	886,8	973,4	Курганская обл.	837,7	895,4	964,4
Респ. Адыгея	848,2	928,0	1022,2	Респ. Адыгея	859,3	925,4	1002,3

Источник: рассчитано автором по [10].

Это указывает на то, что увеличение нагрузки определялось переходом безработных в занятые и, в большей степени, в категорию экономически неактивного населения. Наоборот, в Республике Мордовия и в Ненецком автономном округе отмечено значительное снижение нагрузки на экономически активное население и нагрузки на занятое население за счет, в первую очередь, снижения нагрузки занятых с учетом безработных.

Значение коэффициента нагрузки занятых превышает значение коэффициента нагрузки на экономически активное население, вариационный размах также больше, хотя и сокращается: 633,2 и 608,1 в 2018 г. и в 2022 г. соответственно.

В таблице 3 представлены регионы с минимальными и максимальными значениями коэффициента нагрузки занятых (ранжирование произведено по коэффициенту нагрузки занятых).

Таблица 3

Экономическая нагрузка занятых в регионах России, на 1000 человек

РФ и регионы	2018 г.		РФ и регионы	2022 г.	
	Кэкон. нагрузки занятых	Кэкон. нагрузки занятых с учетом безр.		Кэкон. нагрузки занятых	Кэкон. нагрузки занятых с учетом безр.
РФ	621,3	671,8	РФ	630,2	671,2
Минимальное значение					
Чукотский АО	294,9	326,5	Чукотский АО	317,4	337,1
Ямало-Ненецкий АО	320,5	341,7	Ямало-Ненецкий АО	351,0	368,0
Магаданская область	381,5	434,6	Магаданская область	387,8	430,3
Ханты-Манс. АО	411,9	437,3	Ненецкий АО	436,2	516,6
Сахалинская область	464,0	520,3	Камчатский край	456,2	486,4
Камчатский край	466,5	517,9	Сахалинская область	458,3	502,3

г. Москва	471,1	483,7	Ханты-Манс. АО	460,0	480,7
Тюменская область	485,3	517,8	г. Санкт- Петербург	477,1	495,8
г. Санкт- Петербург	485,9	500,7	г. Москва	496,6	519,1
Респ. Ингушетия	504,5	860,7	Хабаровский край	519,2	546,1
Максимальное значение					
Псковская область	741,7	802,0	Пензенская область	767,8	806,4
Орловская область	765,2	816,9	Рязанская область	791,9	821,8
Саратовская область	786,2	839,3	Республика Алтай	797,9	906,6
Тамбовская область	793,9	836,1	Республика Тыва	801,5	906,8
Республика Тыва	795,6	969,0	Карачаево- Черк. Респ.	814,4	923,6
Республика Крым	809,3	872,6	Орловская область	815,6	856,8
Карачаево- Черк. Респ.	843,6	980,2	Р. Сев. Осетия- Алания	826,6	961,1
Рязанская область	850,6	893,9	Республика Бурятия	837,7	917,3
Курганская область	886,8	973,4	Курганская область	895,4	964,4
Республика Адыгея	928,0	1022,2	Республика Адыгея	925,4	1002,3

Источник: рассчитано автором по [10].

Минимальные значения коэффициента нагрузки занятых также отмечены в Чукотском и Ямало-Ненецком округах, в Магаданской области, а максимальные — в Республике Адыгея и в Курганской области.

Следует отметить, что за период с 2018 г. по 2022 г. только в 31 регионе РФ экономическая нагрузка рабочей силы и нагрузка на занятых снизилась (соответственно, уровень участия в рабочей силе увеличился). Относительно стабильной можно назвать ситуацию в Республиках Калмыкия и Ингушетия, хотя в Ингушетии сохраняется довольно значительная нагрузка занятых (особенно с учетом безработицы).

Абсолютные значения темпов изменения нагрузки на экономически активное население и нагрузки занятого населения в регионах России за 2018–2022 годы представлены в табл. 4.

Таблица 4

Темпы роста нагрузки на экономически активное население и нагрузки на занятое население в регионах России, 2018–2022 гг., в процентных пунктах

Регионы	Уровень участия в рабочей силе	К нагрузки ЭАН	К нагрузки занятых	К нагрузки занятых с учетом безр.
Минимальные значения				
Ненецкий автономный округ	5,4	–114,8	–128,0	–135,7
Республика Мордовия	4,2	–105,1	–113,4	–120,1
Тамбовская область	2,1	–63,7	–72,2	–80,6
Алтайский край	2,1	–57,1	–77,1	–103,3
Ленинградская область	2,2	–54,0	–60,8	–69,4
Тульская область	2,0	–51,0	–54,8	–57,8
Саратовская область	1,7	–49,1	–64,2	–82,2
Рязанская область	1,4	–46,3	–58,7	–72,1
Республика Крым	1,3	–40,4	–50,6	–61,1
г. Севастополь	1,5	–40,4	–44,2	–47,6
Максимальные значения				
Кировская область	–2,5	66,2	59,7	44,9
Удмуртская Республика	–2,6	66,4	56,8	36,1
Республика Алтай	–2,5	72,0	68,4	50,7
Пензенская область	–2,6	74,1	71,7	63,9
Новгородская область	–2,6	74,2	69,1	57,5
Красноярский край	–2,9	75,1	63,8	40,1
Республика Коми	–3,3	85,6	88,2	81,9
Оренбургская область	–3,9	104,9	102,7	92,7
Республика Бурятия	–3,9	114,0	108,2	85,7
Респ. Северная Осетия-Алания	–4,9	135,9	165,7	185,2

Источник: рассчитано автором по [10].

Таким образом, в регионах России не только сохраняется значительная дифференциация нагрузки на экономически активное население, но и темпы ее изменения также разные. Медианное же значение нагрузки на экономически активное население и нагрузки занятых в 2022 г. по сравнению с 2018 г. увеличилось на 16,6 и 7 процентных пунктов соответственно (медиана нагрузки на экономически активное население составляла в 2018 г. и в 2022 г., соответственно, 618,7 и 635,3; нагрузки занятых – 659,7 и 666,7 соответственно). Значение ме-

дианы по нагрузке на занятых с учетом безработных немного снизилось и составляло в 2018 г. и 2022 г. — 718,2 и 714,0, соответственно, но этого оказалось недостаточно для снижения нагрузки на экономически активное население.

Следует также учитывать, что в России численность занятых, приходящаяся на одного пенсионера, с 2000 г. до 2011 г. увеличивалась и составляла в среднем за этот период 1,74 человека. В последующие годы значение этого коэффициента, представленного Федеральной службой государственной статистики России, снижалось (с 2011 по 2020 годы — в среднем было равно 1,70), и, хотя в 2021 г. отмечен небольшой прирост на 0,06 пункта, он не достиг уровня 2000 г. и был ниже максимального значения на рассматриваемый период — 1,81 в 2010 году [8. С. 157].

Повышение уровня занятости и участия в рабочей силе, снижение нагрузки на экономически активное население, и особенно нагрузки на занятых, предполагает активные меры на рынке труда. Дефицит рабочей силы был и остается многолетней проблемой российской экономики. При этом сложившийся уровень экономической активности населения свидетельствует о том, что возможности его повышения пока не исчерпаны, и это актуализирует поиск внутренних резервов рабочей силы [1]. Однако необходимо учитывать ограниченность этих возможностей. Поэтому представляется, что в центре внимания должны быть проблемы инновационного развития экономики, создания достойных рабочих мест и рост производительности труда.

Литература

1. Баскакова М.Е. Потенциальная рабочая сила современной России: социально-демографический портрет и уровень образования / Социально-трудовые исследования. 2022;48(3):105-117. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-105-117.
2. Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. Экономически неактивное население России: численность, динамика, характеристики // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 42—51.
3. Колесникова О.А., Маслова Е.В., Окольных И.В. Проблемы трудовых ресурсов: дефицит, сдвиги в структуре, парадоксы старения / Социально-трудовые исследования. 2022; 47(2): 42—55. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-47-2-42-55.
4. Ляшок В.Ю. Неиспользование трудовых ресурсов: рост потенциальной рабочей силы / Экономическое развитие России. 2020; (3): С. 62—65.
5. Нанавян А.М. Безработица в России: риски и экономические последствия / Экономическая наука современной России. № 4 (39), 2007. С. 70—78.
6. Нанавян А.М. Экономически активное население: оценка экономической нагрузки / Концепции. №1-2 (28-29), 2012. С. 45—51.
7. Перова М.Б. Экономически неактивное население / Социальные и экономические системы. Экономика. 2021. № 2. С. 140—154.
8. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб./Росстат. // М., 2022. — 691 с.
9. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022 / Стат.сб./Росстат // М., 2022. — 151 с.
10. Обследование рабочей силы (обследование по проблемам занятости населения). Федеральная служба государственной статистики России, 2000-2022 годы — gks.ru.

11. Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
12. URL: <https://www.belstat.gov.by/>.
13. Национальное статистическое бюро, Республика Казахстан. URL: <https://www.stat.gov.kz/>.
14. Статистическое агентство при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://stat.uz/en/>.
15. International Labour Organization. ILOSTAT [Электронный ресурс]. URL: <https://ilostat.ilo.org/>.
16. Persons outside the labour force: How inactive are they really? / URL https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/publications/WCMS_714359/lang--en/index.htm.

Ashkhen Nanavyan (e-mail: ashchenn@mail.ru)

Ph. D. in Economics, Leading Researcher,

Central Economic and Mathematical Institute Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russian Federation)

ECONOMIC INACTIVITY AND ASSESSMENT OF THE ECONOMIC BURDEN OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA

The article presents an analysis of the dynamics of the number of persons outside the labour force, the calculated economic burden of the population and the economic burden of the employed in some CIS countries and in the regions of the Russian Federation. In the CIS countries, the greatest economic burden was once observed in Armenia, although in subsequent years it significantly decreased, as a result of reduction in the unemployment rate. The trend of reducing the economic burden in Uzbekistan and the relatively stable situation in Kazakhstan are noted. In the Russian Federation, the economic burden of the population has been decreasing, but significant regional differentiation remains. The minimum values of the economic burden are noted in the Chukotka and Yamalo-Nenets districts, in the Magadan region, and the maximum values are in the Republic of Adygea and in the Kurgan region.

Keywords: economic inactivity, level of labor force participation, employed population, economic burden, CIS countries, regions of Russia.

DOI: 10.31857/S020736760026571-7

© 2023

Эдуард Вафин

кандидат экономических наук, доцент, управляющий отделением Пенсионного фонда России по Республике Татарстан (г. Казань, Российская Федерация)
(e-mail: tatarstan@013.pfr.ru)

Сергей Киселев

доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы экономики ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (г. Казань, Российская Федерация)
(e-mail: ksv1002@mail.ru)

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПЕНСИОННЫХ УСЛУГ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье исследованы теоретические основы формирования ресурсного потенциала и дана его характеристика как объекта исследования. Отмечено, что функционирование действующей пенсионной системы имеет своим следствием дефицит финансовых ресурсов, существенно сокращает возможности развития рынка качественных пенсионно-социальных услуг. Раскрыто правовое, социальное и экономическое содержание понятия «ресурсный потенциал пенсионной системы». Рассмотрена структура ресурсного потенциала и его вероятностная природа. Обоснована необходимость использования системного и комплексного подходов в исследовании финансового потенциала системы пенсионного обеспечения. Предложены рекомендации по совершенствованию использования ресурсного потенциала.

Ключевые слова: ресурсный потенциал пенсионной системы, пенсионное обеспечение, государственная система пенсионного обеспечения, система пенсионных услуг, распределительно-накопительная пенсионная система, пенсионное страхование, солидарная ответственность, вероятностная природа.

DOI: 10.31857/S020736760026572-8

В последние десятилетия исследование систем пенсионного обеспечения приобретает все большую актуальность. Это объясняется тем, что действующая система пенсионных выплат в недостаточной степени обеспечивает достойный уровень жизни для граждан, завершивших свою трудовую деятельность. Поэтому ключевая задача реформирования пенсионной системы состоит в том, чтобы обеспечить достаточно высокие стандарты потребления и уровня жизни в целом для людей, имеющих пенсионный статус.

В развитых странах это обеспечивается за счет активов, накопленных во время периода трудовой активности, а также за счет мер дополнительной социальной поддержки пенсионеров, в то время как в России — преимущественно за счет распределительно-страхового механизма и принципов солидарности между поколениями, всеобщности и добровольности [1. С. 54]. Качество жизни пожилого человека в значительной степени определяется размером пенсии,

хотя немаловажное значение имеют и медицинская помощь, и социальное обслуживание. Так, в странах ОЭСР на пенсионное обеспечение граждан в начале XXI века приходилось в среднем 10–12% ВВП, в России это составляет 6,5% ВВП. Доля пенсионеров в этих странах и в России примерно одинаковая и составляет одну пятую от всего населения. При этом на каждый процент пожилых людей в структуре населения в индустриально развитых странах приходится 1% ВВП, а в России около 0,4% ВВП, что в два с лишним раза меньше стандартов экономически развитых стран [2. С. 28–29]. Это объясняется, в первую очередь, тем, что пенсионная система России прошла незначительный по времени этап своего развития на рыночных основах.

Исходя из цели исследования, представляется необходимым рассматривать пенсионное обеспечение в широком и в узком смыслах. В широком смысле — это совокупность правовых, экономических и организационных мер, проводимых государством по материальной компенсации гражданам их дохода, в связи с его утратой в установленных законом случаях. В широком смысле в пенсионном обеспечении выделяют пенсионное обеспечение по обязательному пенсионному страхованию, пенсии по государственному пенсионному обеспечению для отдельных категорий граждан и накопительное пенсионное обеспечение. Механизмом реализации пенсионного обеспечения, охватывающим все три его вида, являются услуги по администрированию и предоставлению пенсий в соответствии с Распоряжением Правления ПФР¹.

В понятие пенсионного обеспечения в узком смысле разные авторы вкладывают различное содержание. В связи с задачами нашего исследования, мы будем использовать трактовку пенсионного обеспечения в узком смысле, предполагающую исключение из него пенсионных услуг с целью их более детального изучения. Так, под пенсионными услугами будем понимать деятельность по администрированию пенсий и предоставлению гражданам возможности получения денежных средств в качестве материального возмещения части утраченных трудовых доходов в результате прекращения трудовой деятельности по старости, инвалидности, потере кормильца, а также информационно-консультационную деятельность, сопровождающую этот процесс. Оказание пенсионной услуги можно подразделить на отдельные этапы: обеспечение необходимыми ресурсами, технологический процесс исполнения, контроль, процесс обслуживания. Исходным процессом в оказании пенсионных услуг является ресурсное обеспечение, и в первую очередь его финансовой составляющей. Причем в каждом секторе финансовый потенциал имеет свой основной источник.

Соответственно проведенной классификации видов пенсионного обеспечения, можно систематизировать составные части ресурсного потенциала следующим образом. Так, ресурсный потенциал пенсионного страхования — это

¹ Перечень государственных услуг, предоставляемых Пенсионным фондом Российской Федерации. Распоряжение Правления ПФР от 12 июля 2018 г. № 352р.

совокупность имеющихся возможностей, то есть денежных средств, для осуществления ежемесячных выплат гражданам, достигшим пенсионного возраста, — средств, аккумулированных в целевом пенсионном фонде за счет доходов от инвестиционного размещения временно свободных средств и бюджетных трансфертов из федерального бюджета. а также за счет страховых взносов, взимаемых с работодателей; с граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью и с других категорий работающих.

Государственное пенсионное обеспечение базируется на материальных ресурсах, формируемых за счет бюджетных средств, а также добровольных взносов физических и юридических лиц, что создает возможности для государственного обеспечения отдельных категорий граждан денежными средствами. При этом ресурсный потенциал услуг пенсионного обеспечения представляется как часть общего ресурсного потенциала, которая расходуется на администрирование пенсионных услуг и их реализацию, содержит в себе возможности повышения эффективности процесса оказания услуг, их администрирования, и создает возможности поступательного развития всех видов пенсионного обеспечения.

В настоящее время российская система пенсионного обеспечения и пенсионных услуг функционирует на основе распределительно-накопительных принципов и ориентирована в основном на страховую составляющую. Об этом свидетельствуют меры, предпринимаемые реформаторами в последние годы. Одновременно это сокращает возможности развития рынка качественных пенсионных и социальных услуг для граждан пенсионного возраста, ограничивает развитие такого базового элемента пенсионной системы, как ресурсный потенциал пенсионного обеспечения и оказания пенсионных услуг.

Как базовый элемент пенсионной системы, ресурсный потенциал определяет объем средств обеспечения пенсионных прав, иными словами — возможности, которые есть в наличии или могут быть мобилизованы для выполнения функций и достижения поставленных целей. В этой связи особое значение приобретает комплексный подход к рассмотрению понятия ресурсного потенциала.

Содержательную определенность понятия «ресурсный потенциал пенсионной системы» как теоретическую обобщенность совокупности явлений и фактов, апробированных практикой, необходимо рассматривать с трех сторон: правовой, социальной и экономической.

С правовой точки зрения, ресурсный потенциал пенсионного обеспечения и пенсионных услуг представляет собой совокупность правовых норм, правил, предписаний, которые регулируют отношения по формированию ресурсов пенсионной системы, определяющих ее возможности обеспечения пенсиями и пенсионными услугами нетрудоспособных граждан.

Социальный аспект категории «ресурсный потенциал пенсионного обеспечения» состоит в том, что он представлен совокупностью видов и форм общественного содержания нетрудоспособных граждан, завершивших трудовую

деятельность по возрасту или по состоянию здоровья, или вследствие потери кормильца. Кроме того, ресурсный потенциал реализует принцип солидарности в социуме и определяет социальный характер перераспределения ВВП как между поколениями, так и внутри поколений.

Как экономическая категория, ресурсный потенциал пенсионного обеспечения и пенсионных услуг раскрывается как финансово-экономические отношения участия в воспроизводстве рабочей силы, в стимулировании эффективности трудовой деятельности работающих, в регулировании рынка труда, в распределении и перераспределении доходов в экономике с целью формирования денежных средств для материальной защиты нетрудоспособной части населения. Экономическая сущность ресурсного потенциала имеет двойственный характер. С одной стороны, основная масса денежных ресурсов направляется на обеспечение минимально гарантированного уровня дохода, с другой — она предназначена для компенсации утраченных доходов и обеспечения адекватного индивидуального коэффициента замещения.

Ресурсный потенциал пенсионной системы функционирует в двух областях, а именно, в государственной системе пенсионного обеспечения и в секторе частных пенсионных компаний. Исходя из темы данного исследования, сферой наших интересов является ресурсный потенциал государственной системы пенсионного обеспечения. Для того чтобы дать определение этому понятию, как объекту исследования, имеет смысл остановиться на некоторых теоретических подходах к термину «ресурсный потенциал», так как в настоящее время все еще нет его однозначной трактовки.

Одни авторы считают, что категория «ресурсный потенциал» представляет собой конгломерат ресурсов, не учитывая их качественную сторону. Другие полагают, что ресурсный потенциал представляет собой материальную основу производства, но в статике, т. е. до момента ее вовлечения в производственный процесс. Третьи — не учитывают целевое назначение ресурсного потенциала [3. С. 393]. Можно выделить и таких авторов, которые отождествляют эти два понятия, ставя между ними знак равенства. Однако при всей многозначности трактовок ресурсного потенциала, сущностное содержание этого явления, по нашему мнению, заключается в его вероятностной природе, которая проявляется, как определенные возможности организации по вовлечению в свою деятельность новых ресурсов и использованию имеющихся у нее ресурсов при одновременном повышении их полезности.

Основываясь на этих теоретико-методологических положениях, можно дать следующее определение ресурсного потенциала государственной системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг: это совокупность всех денежных средств, аккумулированных как часть валового внутреннего продукта, в Пенсионном фонде и находящихся в его непосредственном распоряжении, использование которых может быть оптимизировано за счет внутренних

возможностей; ресурсный потенциал также включает средства, которые фонд может потенциально привлечь с учетом возможностей расширения и пополнения этих ресурсов в долгосрочной перспективе для обеспечения пенсионных прав граждан, что гарантируется государством и определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными Федеральным законом.

Центральным финансово-институциональным звеном системы как пенсионного обеспечения, так и всего государственного социального страхования является Пенсионный фонд Российской Федерации.

Содержательную сущность понятия «ресурсный потенциал» коротко выразила Л.И. Черникова, отметив, что понятие «ресурсный потенциал сферы услуг» — это совокупность дополнительных средств, не раскрытых по тем или иным причинам внутренних или внешних источников, использование которых может повысить эффективность процесса оказания услуг и обеспечивает поступательное развитие организации [4. С. 40].

Несмотря на то что это положение было сформулировано для организаций услуг, оно полностью соответствует содержанию и характеристикам исследуемого нами объекта, потому что он является конкретизированным элементом системы услуг. Таким образом, ресурсный потенциал пенсионного обеспечения содержит в себе вероятностные факторы и возможности модернизации системы реализации социальных гарантий и компенсации наступления социального риска потери доходов вследствие сформировавшейся нетрудоспособности. Этот вывод закономерно усиливает внимание к формированию ресурсного потенциала системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг.

С точки зрения возможности использования ресурсного потенциала для модернизации системы пенсионного обеспечения в его структуре можно выделить три группы ресурсов:

- имеющиеся в распоряжении пенсионного фонда ресурсы, используемые и неиспользуемые фондом, которые являются источником внутрисистемных факторов его модернизации;

- ресурсы, которые есть во внешней среде, содержат вероятностные возможности модернизации и могут быть привлечены фондом, их можно назвать внесистемными;

- и ресурсы, которые могут появиться в будущем, так называемые прогнозируемые факторы — их, как правило, используют в прогнозных моделях.

Ресурсный потенциал пенсионного обеспечения и пенсионных услуг — это система ресурсов, их взаимосвязанная совокупность. Он включает в себя финансовые, имущественные, кадровые, информационные, организационно-управленческие ресурсы. Структура ресурсного потенциала представлена на рис. 1.

Как видим на рис. 1, ресурсный потенциал пенсионной системы и услуг пенсионного обеспечения включает в себя финансовые, имущественные, кадровые, информационные, организационно-управленческие ресурсы. Все его

составные части тесно взаимосвязаны и ориентированы на реализацию вероятностной природы ресурсного потенциала.

Рис. 1. Структура ресурсного потенциала Пенсионного фонда

Источник: составлено авторами.

Так, финансовые ресурсы позволяют обеспечивать накопленные работниками пенсионные права, а также формировать сбалансированность и устойчивость пенсионной системы, оптимизировать оказание пенсионных услуг.

Материально-вещественный потенциал — это и имущество, и материально-техническое обеспечение осуществления уставной деятельности. К имуществу относятся денежные средства фонда, а также та их часть, которая используется на пенсионные резервы и пенсионные накопления. Пенсионные накопления используются для обеспечения пенсий, а пенсионные резервы как для покрытия пенсионных обязательств, так и для образования страховых резервов.

Интеллектуально-кадровый потенциал в современных условиях играет все возрастающую роль. Он включает человеческие ресурсы, информационно-коммуникационные ресурсы и инфраструктурные активы, интеллектуальную собственность и рыночные активы. Интеллектуально-кадровый потенциал человека реализуется в исполнении тех функций, которые он осуществляет как

профессионал в силу своих знаний, творческих и коммуникативных способностей, опыта, уровня организационной культуры, в процессе трудовой деятельности.

Надо отметить, что в совокупности эти способности, особенно коммуникативные навыки и сформированные компетенции, имеют особое значение в работе с клиентами, потребляющими государственные пенсионные услуги, оказываемые пенсионным фондом, который является самой крупной структурой социальной защиты населения, осуществляющей социальные услуги. Поэтому интеллектуально-кадровый потенциал, имея вероятностный характер, может внести существенный вклад в модернизацию и эффективное функционирование системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг.

Некоторыми авторами подчеркивается, что особо значимая роль квалифицированной, творческой личности как составной части интеллектуально-трудовых ресурсов в современных условиях, приобретает в сфере государственной службы [5. С. 83]. И хотя работники пенсионной системы формально не относятся к государственным служащим, всё же они представляют государственный институт, поэтому требования к кадровому потенциалу пенсионной системы должны быть максимально приближены к требованиям формирования и развития кадрового состава государственной службы [6]. Таким образом, ресурсный потенциал характеризует не только виды ресурсов, но и степень их использования, их способность создавать полезный эффект.

При анализе ресурсного потенциала становится очевидным, что к его изучению необходим системный подход. Использование этого методологического инструмента может быть полезным и в построении, и в анализе прогнозных моделей ресурсного потенциала пенсионного обеспечения и пенсионных услуг.

В процессе изучения состояния и прогнозирования ресурсного потенциала возможно изолированное рассмотрение отдельных видов ресурсов. Такой подход достаточно условный, но в нашем случае он полностью оправдан, так как финансовый ресурсный потенциал является основной и доминирующей частью, ядром системы финансового обеспечения реализации основной целевой функции пенсионной системы — предоставление гражданам материальной поддержки в виде пенсии на основе использования аккумулированных финансовых ресурсов. Иными словами, финансовый потенциал государственной пенсионной системы в основном состоит из той части денежных средств, которые служат основой выплаты пенсий и осуществления административных расходов государственного Пенсионного фонда. Поэтому представляется необходимым познакомиться с источниками его наполнения.

Нередко в научных публикациях в качестве источников финансовых ресурсов организации пенсионной системы называют следующие: страховые взносы работодателей, страховые взносы работающих граждан, добровольные страховые взносы неработающих граждан, межбюджетные трансферты из федерального бюджета, добровольные взносы юридических лиц и другие источники. Но нам для

дальнейшего исследования необходим более детализированный подход к элементной структуре финансового потенциала, который представлен на рис. 2.

Надо отметить, что перечисленными источниками формирования финансового потенциала пенсионной системы их количество не исчерпывается. Кроме этого, к ним относятся доходы от валоризации страховых средств, компенсация пониженных тарифов страховых взносов, страховые взносы по дополнительному тарифу, взносы работодателя в пользу застрахованных лиц, уплачивающих дополнительные страховые взносы на накопительную пенсию, которые зачисляются в Пенсионный фонд Российской Федерации, и многое другое.

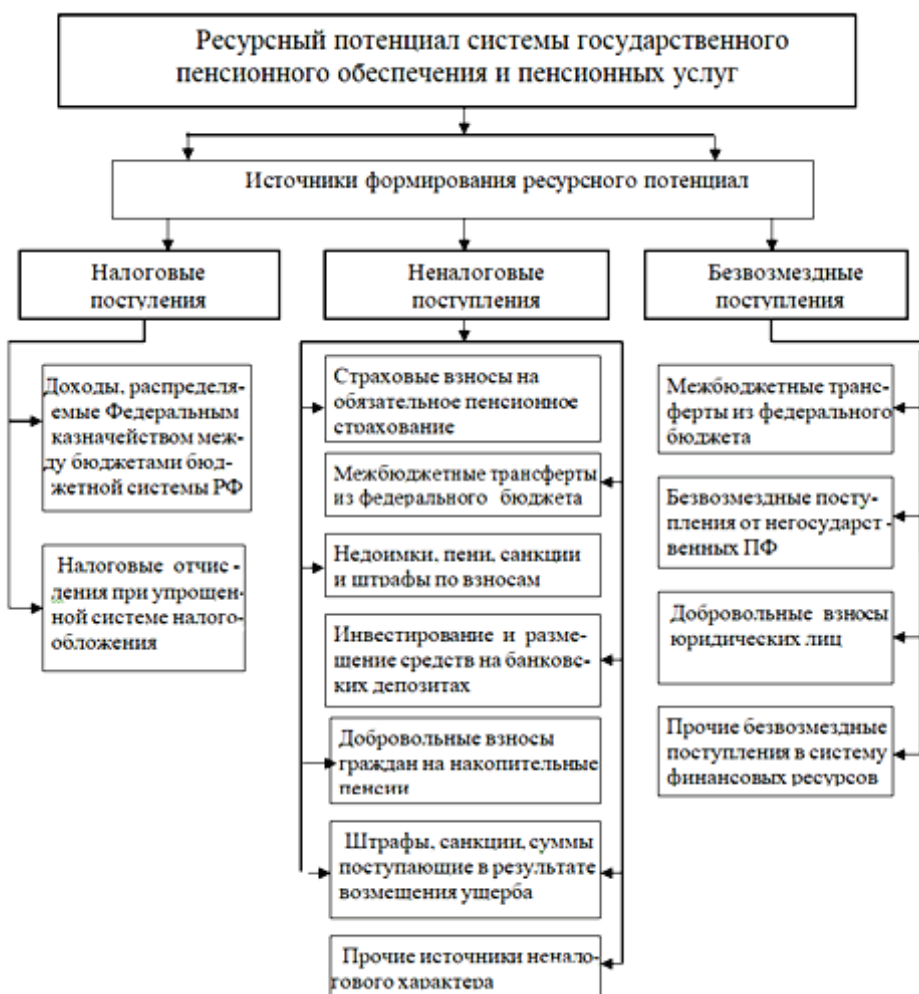

Рис. 2. Источники формирования ресурсного потенциала государственной системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг

Источник: составлено авторами.

Как видим, изучение структуры элементов финансового потенциала даже на основе такой упрощенной схемы, которая представлена на рис. 2, дает достаточно объемный материал о состоянии, возможной динамике соотношения элементов системы, о структуре финансовых отношений внутри системы и с внешней средой; содержит определенные характеристики государственной пенсионной системы, о возможностях ее модернизации, в определенной степени об уровне пенсионного обеспечения.

Привлеченные средства являются главным источником расходов фонда. К ним относятся выплата пенсий; организация доставки пенсий (перевод на банковский счет, почтовая доставка); административные расходы и материально-техническое обеспечение деятельности Фонда; расходы на обеспечение, гарантирование средств пенсионных накоплений.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на ряд положительных изменений, произошедших в результате проводимых реформ, осталось много нерешенных вопросов, найти ответы на которые поможет комплексное системное изучение ресурсного потенциала государственной системы пенсионного обеспечения и пенсионных услуг. Так, хроническим явлением становится дефицит финансовых ресурсов Пенсионного фонда РФ. Одним из методов управления дефицитом является изменение принципов и методов администрирования в системе обязательного пенсионного страхования, а также внедрение современных финансовых технологий [7. С. 129]. Будет способствовать этому и повышение профессионализма и уровня организационной культуры работников пенсионной системы, занятых во всех видов деятельности, связанной не только с оказанием пенсионных услуг. Приобретает значимость совершенствование форм и методов аккумулирования финансовых средств из источников формирования финансового потенциала пенсионных накоплений, что позволит преодолеть отвлечение финансовых ресурсов на выполнение текущих обязательств. Не менее необходимой представляется модернизация действующего механизма формирования пенсионных накоплений. Это основной круг задач, которые надо решать в текущем времени, но которые будут иметь последствия в перспективе и позволят повысить финансовую самостоятельность и устойчивость национальной пенсионной системы, сократить дефицит бюджета Пенсионного фонда России.

Литература

1. *Михалкина Е.В.* Принципы, механизмы и эффекты современной системы пенсионного обеспечения / Е.В. Михалкина, С.А. Писанка // TERRAECONOMICUS. 2013. Том 11. № 3. С. 54–63.
2. *Роик В.Д.* Пенсионное страхование в XXI веке // Народонаселение. 2013. № 2. С. 28–38.
3. *Шатрова А.П.* Алгоритм внедрения методики оценки ресурсного потенциала предприятия сферы услуг // Проблемы современной экономики. 2009. № 3 (31). С. 392–395.

4. Черникова Л.И. Ресурсный потенциал сферы услуг и его гендерные аспекты / Л.И. Черникова, Н.В. Белохвостова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 4 (190). С. 38–47.
5. Грушевская Е.А. Кадровый потенциал государственной службы: современное состояние и тенденции развития // Т.: Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Российский союз молодых ученых», 2013. № 1. С. 81–85.
6. Назарова У.А. Кадровый потенциал Пенсионной системы: особенности и тенденции развития / У.А. Назарова, Е.А. Назарова // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 4. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/04/4764> (дата обращения: 2024.04.10).
7. Музаев М.З., Денисова И.П., Рукина С.Н. Финансовые аспекты пенсионной реформы современной России // Фундаментальные исследования. 2019. № 12-1. С. 126–131.

Eduard Vafin (e-mail: tatarstan@013.pfr.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Manager of the Department of the Pension Fund of Russia for the Republic of Tatarstan, Branch of the Pension Fund of Russia in the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey Kiselev (e-mail: ksv1002@mail.ru)

Grand Ph. D. in Economics, Professor,

Director of the Higher School of Economics, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation)

THE RESOURCE POTENTIAL OF THE STATE PENSION SYSTEM AND RELATED SOCIAL SERVICES AS AN OBJECT OF RESEARCH

The article examines the theoretical foundations of the formation of resource potential and gives its characteristics as an object of research. It is noted that the functioning of the current pension system results in a shortage of financial resources, significantly reduces the opportunities for the development of the market of high-quality pension and social services. The concept of "resource potential of the pension system" is defined through the legal, social and economic content of its characteristics. The elemental structure of the resource potential and its probabilistic nature are considered. The necessity of using a set of systemic and integrated approaches in the study of the financial potential of the pension system is substantiated. Recommendations for improving the use of the resource potential are proposed.

Keywords: resource potential of the pension system, pension provision, state pension system, social services system, distributive and accumulative pension system, pension insurance, joint liability, probabilistic nature.

DOI: 10.31857/S020736760026572-8

© 2023

Ирина Морозова

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и предпринимательства

(e-mail: morozovair@list.ru)

Алексей Дмитриев

аспирант, младший научный сотрудник кафедры экономики и предпринимательства

(e-mail: basement.dmitriev@gmail.com)

(Волгоградский государственный технический университет)

г. Волгоград, Российская Федерация

ОПТИМИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

В статье рассматривается текущее состояние сектора социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) Российской Федерации в разрезе федеральных округов. Отмечается асимметрия в распределении ресурсов, влекущая за собой существенное отставание отдельных федеральных округов в развитии данной сферы. В качестве ключевой меры оптимизации финансового и имущественного обеспечения деятельности СОНКО рассматривается формирование механизма взаимодействия государства, общества, бизнеса и непосредственно социально ориентированных некоммерческих организаций. Предлагаемый механизм основывается на создании в каждом из российских регионов особых фондов обеспечения деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, общественный сектор, неравенство, развитие, финансовое обеспечение, управление, федеральные округа.

DOI: 10.31857/S020736760026573-9

Развитие сектора социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) является одной из важных задач государства в области совершенствования социальной политики. Деятельность таких организаций выступает в качестве катализатора позитивных изменений в различных сферах общественной жизни: здравоохранении, образовании, спорте, сохранении исторической памяти, культуре и т. д. Вместе с тем сегодня мы сталкиваемся с неравенством в уровне развития субъектов сектора СОНКО из различных федеральных округов, которое обуславливается особенностями институциональных сред, степенью сформированности гражданского общества, уровнем активности населения в данной области, объемами финансовой (имущественной) поддержки и другими факторами.

В российской научной периодике в последние годы часто освещаются вопросы необходимости оптимизации управления сектором социально ориентированных некоммерческих организаций. Например, в статьях О.А. Дурандиной

[3] и О.К. Коробковой [6] обосновывается необходимость трансформации форм взаимодействия СОНКО с органами государственной власти и местного самоуправления, подчеркивается важность партнерских отношений в построении транспарентной модели совместной деятельности на благо общества. Вместе с тем в этих работах уделяется недостаточно внимания другим возможным сторонам взаимодействия: обществу и представителям бизнес-сообщества. Другие труды, например, статья Е.И. Колесникова [5], обращены к зарубежному опыту развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций. Однако, несмотря на наличие реальной возможности трансплантации иностранных институтов, регламентирующих отношения в данной сфере, открытым остается вопрос эффективности такого заимствования. Помимо вышеуказанных, в российской научной литературе встречаются труды, в которых предлагаются более традиционные способы повышения эффективности деятельности СОНКО. Например, М.А. Лобанова [9], С.Ю. Соколова [10] и Е.А. Хаунина [11] рассматривают в качестве инструмента развития социально ориентированных некоммерческих организаций в различных сферах общественной жизни фонды целевого капитала (эндаумент-фонды). Однако практика хозяйственной деятельности СОНКО в последнем десятилетии показала, что сфера применения фондов целевого капитала является весьма ограниченной, а потому они не могут рассматриваться в качестве универсального инструмента развития сектора. В данной статье в качестве способа оптимизации процессов управления деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций предлагается формирование четырехсторонней модели взаимодействия, включающей государство, общество, коммерческие предприятия и сами СОНКО.

В данной связи целесообразным становится определение оценочного уровня федеральных округов в части развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций и последующее выявление направлений оптимизации сложившейся асимметрии. В рамках данной статьи оценка развития СОНКО в федеральных округах основывается на выведении интегрального показателя, отражающего уровень эффективности функционирования данных организации в сравнении с другими территориями [2].

Используемая методика расчета интегрального показателя включает следующие этапы:

1. Определение средних показателей на основе абсолютных значений среднегодовой численности населения федерального округа (как суммы численности населения образующих его регионов), количества функционирующих в федеральном округе социально ориентированных некоммерческих организаций (в том числе — имеющих в собственности нежилое помещение), объемов их финансирования, количества работников и волонтеров. Средние показатели применяются для повышения объективности итоговых результатов ввиду широкого диапазона возможного количества действующих в федеральном округе организаций.

2. Ранжирование федеральных округов по возрастанию значений тех или иных показателей. Значения показателей округляются до сотых. При совпадении величины показателей у нескольких федеральных округов им присваивается одинаковый ранг.

3. Определение суммы баллов, отражающей совокупный показатель уровня развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций в федеральном округе. Максимальное значение показателя соответствует произведению количества федеральных округов и числа имеющихся показателей. В рамках данного исследования используется 5 показателей по 8 федеральным округам, поэтому максимальное значение будет равно 40.

4. Конечный балл, набранный федеральным округом в рейтинге (K_{dev}) определяется путем деления полученного значения на максимальный с последующим умножением на 100. Чем ближе итоговый показатель к 100, тем более высоким является уровень развития сектора СОНКО в федеральном округе. Таким образом, применяется следующая формула:

$$K_{dev} = \frac{a}{a_{max}} * 100 \quad , \quad (1)$$

Полученные показатели сопоставляются со следующей шкалой:

- до 35 – крайне низкий уровень развития;
- от 36 до 50 – низкий уровень развития;
- от 51 до 60 – недостаточный уровень развития;
- от 61 до 75 – достаточный уровень развития;
- выше 75 – высокий уровень развития.

Для получения детальных сведений об уровне развития и эффективности социально ориентированных некоммерческих организаций в различных федеральных округах был осуществлен анализ официальных статистических данных за 2021 год, полученных в ходе объединения сведений по форме федерального статистического наблюдения № 1–СОНКО. В целях обеспечения достоверности результатов исследования, на основе имеющихся абсолютных величин были рассчитаны относительные показатели, представленные в приведенной ниже табл. 1.

Из таблицы следует, что по большинству представленных показателей лидером в области развития социально ориентированных некоммерческих организаций является Центральный федеральный округ. Так, средний объем финансирования СОНКО в данном федеральном округе более чем двукратно превышает таковой в целом по России. Это же касается и уровня активности волонтеров: на одну социально ориентированную некоммерческую организацию Центрального ФО приходится более 80 добровольцев, тогда как в среднем по

стране этот показатель оказывается немногим выше 30. Положение других федеральных округов в части развития СОНКО куда менее благополучно.

Таблица 1

Усредненные показатели деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в 2021 г. в разрезе федеральных округов

Федеральный округ	Число СОНКО на 1000 человек населения, единиц	Доля СОНКО, имеющих в собственности нежилое помещение, % к итогу	Средний объем финансирования на одну СОНКО, тыс. руб.	Среднее число работников СОНКО, человек	Среднее число волонтеров СОНКО, человек
Российская Федерация	0,88	3,41	9684,67	4,28	30,39
Центральный ФО	0,79	3,53	23037,60	6,14	80,68
Северо-Западный ФО	0,93	2,81	6113,33	4,04	13,73
Южный ФО	0,89	4,11	7124,69	3,45	9,54
Северо-Кавказский ФО	0,59	9,10	3883,09	5,09	33,49
Приволжский ФО	0,86	2,52	5442,34	3,83	16,09
Уральский ФО	0,92	3,08	6776,58	4,40	12,02
Сибирский ФО	0,99	2,76	3730,84	3,09	13,49
Дальневосточный ФО	1,27	3,09	3886,77	2,61	9,38

Источник: рассчитано по материалам [3].

Обратимся к результатам дальнейшего анализа, в ходе которого федеральным округам были присвоены ранги по каждому из исследуемых показателей (порядок показателей в столбцах таблицы 2 идентичен таковому в таблице 1).

Таблица 2

Результаты ранжирования показателей деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в 2021 году в разрезе федеральных округов

Федеральный округ	П1	П2	П3	П4	П5	Сумма
Центральный ФО	2	6	8	8	8	32
Северо-Западный ФО	6	3	5	5	5	24
Южный ФО	4	7	7	3	2	23
Северо-Кавказский ФО	1	8	2	7	7	25
Приволжский ФО	3	1	4	4	6	18

Уральский ФО	5	4	6	6	3	24
Сибирский ФО	7	2	1	2	4	16
Дальневосточный ФО	8	5	3	1	1	18

Источник: рассчитано по материалам [3].

Для обеспечения наглядности полученных результатов перейдем к преобразованию, описанному в п. 4 методологии. Показатели K_{dev} для исследуемых федеральных округов отражены на приведенном ниже рис. 1.

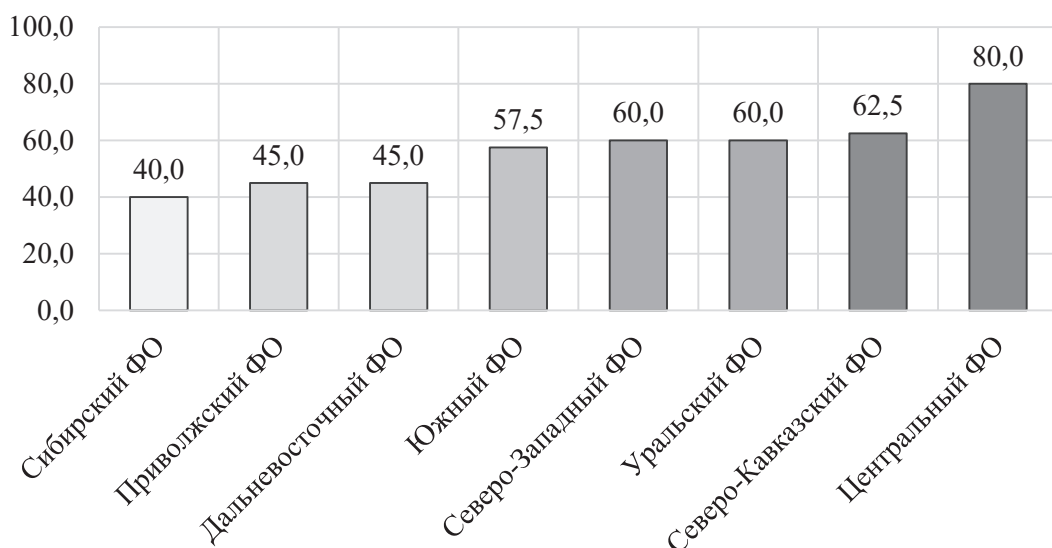

Рис. 1. Значение коэффициента K_{dev} по итогам 2021 года для социально ориентированных некоммерческих организаций в разрезе федеральных округов.

Источник: рассчитано по материалам [3].

Полученные результаты свидетельствуют о лидирующем положении Центрального федерального округа в области развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций. За ним с существенным отрывом следует Северо-Кавказский федеральный округ. На третьем и четвертом местах с одинаковым показателем оказались Уральский и Северо-Западный федеральные округа. Далее в порядке убывания следуют Южный, Дальневосточный и Приволжский, Сибирский федеральные округа. Ниже представлена табл. 3, где приведены результаты распределения федеральных округов по уровням развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций.

Таблица 3

Результаты распределения федеральных округов по уровню развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций

Уровень развития	Федеральный округ
Низкий уровень развития	Сибирский ФО
	Приволжский ФО
	Дальневосточный ФО
Недостаточный уровень развития	Южный ФО
	Северо-Западный ФО
	Уральский ФО
Достаточный уровень развития	Северо-Кавказский ФО
Высокий уровень развития	Центральный ФО

Источник: составлено авторами.

Таким образом, степень развития сектора СОНКО в большинстве федеральных округов (6) соответствует низкому и недостаточному уровням. В группу с достаточным уровнем развития был включен только Северо-Кавказский федеральный округ, с высоким — только Центральный. Подобное распределение свидетельствует о значительном отставании большинства федеральных округов от Центрального, т. к. исключительно в последнем может обеспечиваться активное развитие сектора социально ориентированных некоммерческих организаций. Этому способствуют усиленный приток финансовых ресурсов (при относительно невысокой численности СОНКО на 1000 человек населения), высокая численность волонтеров и наибольшее в России среднее количество сотрудников. Развитие сектора СОНКО в других федеральных округах, в свою очередь, сдерживается различными факторами: нехваткой финансовых ресурсов (как, например, в Северо-Кавказском округе, где с относительно высокими показателями доли организаций, имеющих в собственности нежилое помещение, а также значительной численностью сотрудников и волонтеров соседствует низкий уровень финансирования, приходящийся на одну СОНКО). В Южном федеральном округе развитие социально ориентированных некоммерческих организаций сдерживается нехваткой сотрудников и добровольцев — на фоне сравнительно высоких объемов финансирования.

В качестве основной меры обеспечения выравнивания объемов финансирования СОНКО, а также задействования механизмов общественного и государственного контроля деятельности данных организаций, авторами предлагается формирование в каждом регионе особых фондов обеспечения социально ориентированных некоммерческих организаций (фондов обеспечения), чья

деятельность будет состоять в консолидации финансовых ресурсов из четырех основных источников с целью дальнейшего направления их на погашение текущих обязательств организаций, а также на реализацию отобранных проектов СОНКО. Данные источники включают:

- средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований; средства внебюджетных фондов;
- добровольные пожертвования со стороны физических и юридических лиц;
- средства, полученные социально ориентированными некоммерческими организациями — участниками процесса взаимодействия в качестве прибыли от реализации товаров, работ и услуг.

Соответственно, в состав органов управления фондов обеспечения будут на выборной основе включаться представители государственной власти и местного самоуправления, общества, коммерческих организаций и непосредственно СОНКО. Подобная форма управления направлена на предотвращение конфликта интересов, а также на создание условий для осуществления всестороннего анализа проектов СОНКО, предлагаемых к реализации.

Важным преимуществом для СОНКО при участии в подобной системе взаимодействия станет возможность гарантированного погашения текущих обязательств со стороны фонда обеспечения. Государство, в свою очередь, получит возможность повышать эффективность расходования бюджетных средств в части поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, а также регулярно оценивать соответствие деятельности организаций, включенных в систему, правовым нормам. Участие же в деятельности фонда обеспечения представителей общества и бизнеса позволит сформировать механизм отбора планируемых к реализации проектов СОНКО, направленных на выявление целесообразности и адекватности таковых реальным проблемам, существующим в социальной жизни граждан. К числу задач фонда также следует отнести сбор статистических данных о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Это касается не только сведений по форме федерального статистического наблюдения № 1-СОНКО, но и специфических форм, содержание которых будет отвечать потребностям анализа проблемных сторон деятельности организаций в целях формирования наиболее эффективных мер поддержки.

Следует подчеркнуть, что развитие социально ориентированных некоммерческих организаций — это не только путь к позитивной трансформации социальной среды, но и значимый инструмент повышения занятости населения [1]. По состоянию на конец 2021 г., доля сотрудников социально ориентированных некоммерческих организаций России в общей численности занятых в экономике составила 0,76%. Данный показатель является крайне низким с учетом численности подобных организаций и целей, которые они преследуют [4].

Формирование механизма взаимодействия государства, общества, представителей бизнеса и некоммерческого сектора позволит, кроме прочего, привлечь людей к деятельности СОНКО и повысить востребованность профессий, связанных с этой сферой.

Таким образом, преодоление современных проблем в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций возможно при построении эффективной модели взаимодействия государства, общества, бизнеса и СОНКО. Широкая вариативность подходов к решению задач в данном случае не только не станет препятствием для совместной деятельности, но и позволит выработать эффективные стратегии, позволяющие системно и комплексно подойти к развитию СОНКО.

Литература

1. Бунеева Р.И. Принципы управления, определяющие развитие некоммерческих организаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 6 (221). С. 97–99.
2. Дмитриев А.С. Эволюция некоммерческого сектора и его современное место в экономике Волгоградской области / А. С. Дмитриев, С. В. Землянская. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского // Экономика и управление. 2021. Т. 7. № 2. С. 25–34.
3. Дурандина О.А. Основные направления развития сотрудничества государства и социально ориентированных некоммерческих организаций (региональный аспект) // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 3. С. 110–125.
4. Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Колесников Е.И. Европейский опыт развития сектора социально ориентированных некоммерческих организаций. Ученые записки // Государственное и муниципальное управление. 2017. № 2. С. 215–224.
6. Коробкова О.К. Развитие системы государственной поддержки некоммерческих организаций сферы здравоохранения, участвующих в развитии цифровой экономики // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 10 (57). С. 59–61.
7. Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 107–121.
8. Кутьева Д.А. Многомерность источников финансирования некоммерческих организаций // Проблемы современной экономики. 2013. № 4 (48). С. 195–198.
9. Лобанова М.А. Эндаумент-фонд регионального вуза как направление инновационного развития системы высшего образования / М. А. Лобанова, П. В. Ткаченко // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 237–241.
10. Соколова С.Ю. Фонды целевого капитала в системе обеспечения конкурентоспособности некоммерческих организаций // Экономический журнал. 2011. № 24. С. 73–78.
11. Хаунина Е.А. Создание и функционирование фондов целевого капитала (эндаумент-фондов) в сфере культуры в Российской Федерации // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2 (3). С. 101–112.

Irina Morozova (e-mail: morozovaira@list.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Head of the Department of Economics and Entrepreneurship,

Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation)

Aleksey Dmitriev (e-mail: basement.dmitriev@gmail.com)

Postgraduate Student, Junior Researcher,

Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation)

OPTIMIZING PROVISION MANAGEMENT FOR SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN RUSSIA

The article discusses the current state of the sector of socially oriented non-profit organizations (SONPO) of the Russian Federation in the context of federal districts. There is an asymmetry in the distribution of resources, which entails a significant backlog of some federal districts in terms of SONPO development. The formation of a mechanism for interaction between the state, society, business and socially oriented non-profit organizations is considered as a key measure for optimizing the financial and property support of SONPO activities. The proposed mechanism is based on the creation of special funds in each of the Russian regions to ensure the activities of socially oriented non-profit organizations.

Keywords: socially oriented non-profit organizations, public sector, inequality, development, financial support, management, federal districts.

DOI: 10.31857/S020736760026573-9

© 2023

Роман Кузнецов

аспирант

(e-mail: romak2921@mail.ru)

Татьяна Тумарова

кандидат экономических наук, профессор, директор института магистратуры

(e-mail: tumarova@finec.ru)

(ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»)
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КОТИРОВОК АКЦИЙ ПАО НОВАТЭК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛЕЙ ДЕРЕВА РЕШЕНИЙ И ЛИНЕЙНОЙ РЕГРЕССИИ

Развитие технологий и появление различных моделей машинного обучения оказывает влияние на многие сферы деятельности общества, в том числе и на анализ и прогнозирование фондового рынка. Умение грамотно подбирать и использовать модели машинного обучения в прогнозировании котировок акций является одним из ключевых в настоящее время конкурентным преимуществом, позволяющим увеличивать свою прибыль от деятельности на рынке как крупным инвестиционным компаниям, так и частным лицам. В исследовании отражена эффективность использования моделей «дерева решений» и линейной регрессии при прогнозировании дневных котировок ПАО НОВАТЭК.

Ключевые слова: фондовая биржа, дерево решений, линейная регрессия, машинное обучение.

DOI: 10.31857/S020736760026686-3

Введение

Интерес обычного человека к фондовому рынку за последние несколько десятилетий пережил экспоненциальный рост, что, в свою очередь, влияет на увеличение оборотов активов на финансовых биржах. Цель участников фондового рынка — это максимизация собственной прибыли, а достигается данная цель разными способами и инструментами, в том числе прогнозированием котировок акций на разных временных отрезках. Возможность достаточно точно прогнозировать поведение рынка дает возможность как институциональному, так и частному инвестору получать более высокую доходность с поправкой на риск. Поэтому для повышения точности прогноза в настоящее время активно используются различные модели машинного обучения.

Значительные изменения фондового рынка оказывают сильное влияние на экономику. Например, крах фондового рынка в 1929 году стал одним из основных триггеров, запустивших Великую депрессию 1930-х годов.

В противоположной ситуации, когда цены на акции растут, происходит стимулирование экономики, и многие компании стремятся провести публичное

размещение акций (IPO), чтобы привлечь капитал и развивать бизнес. Процессы слияний и поглощений также происходят, по большей части во время растущего рынка. Такой рост инвестиций, в свою очередь, ведет к росту экономики.

Машинное обучение — это раздел информационных технологий, в рамках которого создаются и тестируются алгоритмы, предназначенные для разных целей, включая прогнозирование. Как аналитики и брокеры, так и компании, создающие автоматизированные системы торговли на фондовом рынке прибегают к машинному обучению для прогнозирования котировок акций. В такой ситуации участники рынка зачастую нацелены не на долгосрочные ожидания, а на краткосрочные движения котировок вверх, за которыми зачастую следуют сильные распродажи акций и падения котировок. Прогнозирование котировок акций представляет собой задачу, требующую большого количества обработанных и структурированных данных о фондовом рынке.

В рамках исследования авторами используются и сравниваются модель «дерева решений» (Decision Tree) и линейная регрессия. «Дерево решений» — это контролируемый алгоритм обучения, ориентированный на вывод значений целевых переменных в соответствии с порядком, подготовленным на основе обучающих данных. «Дерево решений» считается удобным инструментом для прогнозирования, позволяющим пользователям без труда интерпретировать данные. В машинном обучении линейная регрессия выступает базовым инструментом, с помощью которого можно выявить линейный тренд.

Настоящая работа дополняет существующую литературу по использованию моделей «дерева решений» и линейной регрессии при прогнозировании котировок акций и финансовых деривативов. С момента появления фондового рынка множество исследователей пытаются предсказать стоимость акций, используя различные алгоритмы машинного обучения. Во многих работах наблюдается разнообразие вариантов использования нейронных сетей с разным набором параметров. Сингх С., Кумар В. и коллеги в своем исследовании на тему прогнозирования акций используют в качестве набора данных дневные цены закрытия акций компании Tesla [14], а М. Агравал, П. Шукла и коллеги в своей научно-исследовательской работе используют не только котировки акций, но и различные показатели технических индикаторов, что увеличивает объем параметров, которые модель учитывает при составлении прогноза.

В изученной литературе различаются не только используемые при обучении нейронных сетей параметры, но и прогнозируемые акции. Б. Егуз и Т. Кайа в своем исследовании прогнозируют стоимость акций турецких банков [2]. Работа М. Кумара, К. Чандры и коллег посвящена изучению данных о цене нефтяных акций IND в режиме реального времени и прогнозированию их изменения с учетом влияния нефтяных индексов [6]. В научно-исследовательской работе Серрано В. проведен анализ эффективности использования нейронных сетей при прогнозировании рынка недвижимости, акций и финтеха [11]:

- цены на недвижимость в Великобритании;
- цены индексов фондового рынка;
- цены криптовалют.

Прогнозирование цен на фондовом рынке вызывает все большую озабоченность в секторах с дивидендной доходностью. Исследование С. Раджесвара и коллег связано с применением алгоритмов обучения Левенберга-Марквардта, линейной регрессии и K -ближайших соседей для прогнозирования временных рядов. Точность прогноза при исследовании составила 82,58% [9].

М. Гани, М. Аваис совместно с коллегами в своей работе освещают вопрос важности анализа данных и их обработки в машинном обучении. Согласно авторам, анализ данных представляет собой процесс выделения сигналов для принятия решений со статистическими колебаниями результатов [3]. В работе также отмечается, что целостность и точность — две основные составляющие анализа статистических данных. Исследуемые наборы данных собраны авторами при использовании API таких сервисов, как Yahoo Finance, Quandle и Kaggle.

Линейная регрессия и «дерево решений»

Статистические методы используются для интерпретации данных множество лет. Линейная регрессия важна для оценки данных и установления определенной взаимосвязи между двумя и более переменными. Авторами было принято решение использовать модель линейной регрессии в качестве базового и фундаментального метода, послужившего основой для разработки более «нагруженных» моделей, таких как «дерево решений» и других.

Один из методов прогнозирования котировок заключается в построении прямой линии вида $y = mx + c$ на графике таким образом, чтобы линия проходила через максимальное количество точек имеющегося набора данных. Говоря математическим языком, при нанесении значений набора данных на график, необходимо провести прямую линию через точки так, чтобы квадрат расстояния между каждой точкой и линией был минимальным. Эта линия используется для прогнозирования значения y для любого заданного значения x . Данный метод прогнозирования называется линейной регрессией, в рамках которой используется функция линейной регрессии (см. уравнение 1). Этот метод используется и в статистике, и как одна из основных концепций машинного обучения.

$$y = h_{\theta}(x) = \theta_0 + \theta_1 x, \quad (1)$$

где y — «ожидаемое» значение,

x — независимая переменная, являющаяся единичным значением массива данных, используемых при прогнозировании,

$h_{\theta}(x)$ — возможные значения h , когда x ограничен некоторым единственным значением,

θ_0 — параметр перехвата,

$\theta_1 x$ — параметр наклона.

Большим преимуществом модели линейной регрессии и ее разновидностей является ее линейность, которая делает процедуру оценки простой и понятной для интерпретации. Это одна из основных причин, почему линейная и подобные модели очень актуальны в академических областях — таких, как медицина, социология, психология и других. В научно-исследовательских работах по экономическим тематикам данные модели и их разновидности также часто используются для прогнозирования различных финансовых показателей компаний.

«Дерево решений» — это непараметрический метод контролируемого обучения модели, используемый для классификации и регрессии. Цель состоит в том, чтобы создать модель, которая предсказывает значение целевой переменной путем обучения простым правилам принятия решений, выведенным при оценке данных. «Дерево решений» представляет собой древовидный классификатор, в котором внутренние узлы представляют признаки набора данных, «ветви» представляют правила принятия решений, а каждый «лист» представляет результат. Преимущества использования модели:

- простота понимания и интерпретация, дерево решений можно визуализировать;
- не требуется особой подготовки данных, в то время как другие модели часто требуют нормализации данных, создания фиктивных переменных и удаления пустых значений. Необходимо также обращать внимание на то, что модель не поддерживает отсутствующих значений;
- стоимость использования «дерева решений» выражается в объеме затрачиваемых вычислительных мощностей и логарифмически зависит от количества точек данных, используемых для обучения «дерева»;
- модель способна обрабатывать как числовые, так и категориальные данные (другие методы обычно специализируются на анализе наборов данных, содержащих только один тип переменных);
- возможность проверки модели с помощью статистических методов.

К недостаткам использования «дерева решений» можно отнести:

- модель может создавать слишком сложное «дерево», которое плохо обобщает данные. Это называется избыточной подгонкой. С целью предотвращения данной проблемы необходимо использовать такие инструменты, как обрезка, установка минимального количества образцов, необходимых в узле «листа», или установка максимальной глубины «дерева»;
- «дерево решений» может быть нестабильным, поскольку небольшие изменения в данных могут привести к созданию совершенно другого «дерева»;
- прогнозы «дерева решений» не являются ни гладкими, ни непрерывными, а представляют собой кусочно-постоянные аппроксимации, поэтому они плохо поддаются экстраполяции;
- обучающее «дерево» создает смещенное «дерево», если некоторые классы доминируют, поэтому необходимо сбалансировать набор данных перед установкой «дерева решений».

С целью реализации процесса сбора, обработки, анализа и прогнозирования тренда движения котировок акций ПАО НОВАТЭК, авторами использованы следующие средства:

- язык программирования *python* версии 3.9.6 – удобный и популярный язык программирования, используемый для решения широкого спектра задач из различных сфер программирования. Подходит для работы на различных операционных системах: Mac, Windows и Linux;
- *python pandas* версии 1.5.2 – быстрая и мощная библиотека с открытым исходным кодом, предназначенная для анализа данных и манипулирования ими;
- *python scikit-learn* версии 1.2.1 – всемирно известная библиотека с открытым исходным кодом, используемая для обучения моделей машинного обучения как по встроенным методам, так и с учетом персональных разработок;
- *python numpy* версии 1.21.4 – библиотека с открытым исходным кодом, позволяющая применять широкий выбор математических функций, методов линейной алгебры, генераторов чисел и иных методов для работы с числовыми данными;
- *python requests* версии 2.26.0 – HTTP-библиотека, построенная на основе языка программирования *python*. Используется для сбора данных о котировках компании;
- *python matplotlib* версии 3.7.0 – библиотека языка *python*, используемая для визуализации данных.

Общий процесс сбора, обработки, анализа данных и их прогнозирования состоит из ряда шагов, отраженных на рисунке (рис. 1).

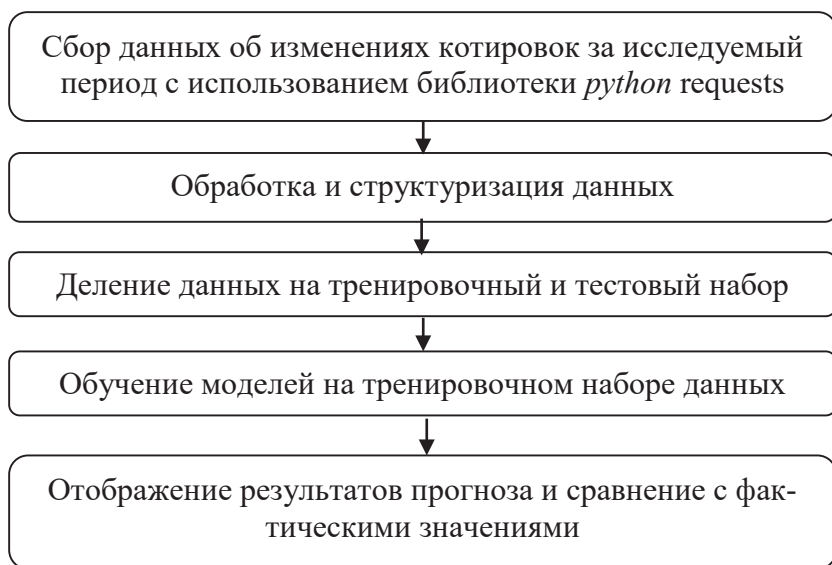

Рис. 1. Общая схема процесса прогнозирования котировок акций с использованием моделей дерева решений и линейной регрессии.

Источник: составлено авторами.

Для обучения моделей используются собранные с использованием средств языка программирования *python* данные по изменению котировок ПАО НОВАТЭК. Однодневные котировки отражены за период с 18.08.2006 по 06.04.2023, который включает в себя 4138 рабочих дней. Для обучения моделей используются значений котировок на момент закрытия (табл. 1).

Таблица 1

Пример набора данных с дневными котировками ПАО НОВАТЭК

datetime	ticker	exchange	interval	open	high	low	close
2006-08-18 06:00:00	Novatek	MOEX	1d	133,35	133,35	127,01	127,11
2006-08-21 06:00:00	Novatek	MOEX	1d	132	132,13	125,01	130
2006-08-22 06:00:00	Novatek	MOEX	1d	127,7	133	127,7	131,5
2006-08-23 06:00:00	Novatek	MOEX	1d	131,5	139	129,01	135
2006-08-24 06:00:00	Novatek	MOEX	1d	134,01	139	133,5	137,5
2006-08-25 06:00:00	Novatek	MOEX	1d	140	140	136,01	137
...	...	...	...	...	...	...	...
2023-03-29 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1160	1164	1150	1156,6
2023-03-30 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1156,4	1158,8	1151,2	1153,6
2023-03-31 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1154	1158	1135,8	1155,2
2023-04-03 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1165,6	1175	1152	1167,4
2023-04-04 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1171,8	1210,6	1170	1198,2
2023-04-05 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1198,4	1205	1181	1203,6
2023-04-06 07:00:00	Novatek	MOEX	1d	1204	1217,6	1202,4	1211

Источник: составлено авторами по: TradingView. URL: https://ru.tradingview.com/chart/jMH-Dra8v/?sy_mbol=MOEX%3NVTK.

Собираемый с помощью средств языка программирования *python* набор данных включает в себя следующие столбцы:

- datetime – содержит даты торговых дней, по которым были собраны значения котировок;
- ticker – название компании, по акциям которой собраны значения котировок;
- exchange – название биржи, где котируется анализируемая компания;
- interval – интервал свечей, по которым выгружаются значения;
- open – цена открытия интервала;
- high – наивысшая цена в интервале;
- low – низшая цена в интервале;
- close – цена закрытия интервала.

Для обучения моделей и осуществления прогноза используются значения котировок на момент закрытия, данные значения хранятся в столбце *close*. Прогноз будет осуществляться на 14 дней вперед, а для обучающей выборки будет отобрано несколько вариантов количества значений: 5000, 1000 и 300. Обучение моделей происходит средствами библиотеки языка *python* — *scikit-learn* (*sklearn.tree* и *sklearn.linear_model*). Тестирование вариантов с разным количеством значений, направляемых в модели, обусловлено необходимостью проверить, на каком объеме данных и за какой срок модели более эффективны. Графически результаты прогнозирования 14 последующих значений котировок моделью «дерева решений» представлены ниже (см. рис. 2, 3, 4).

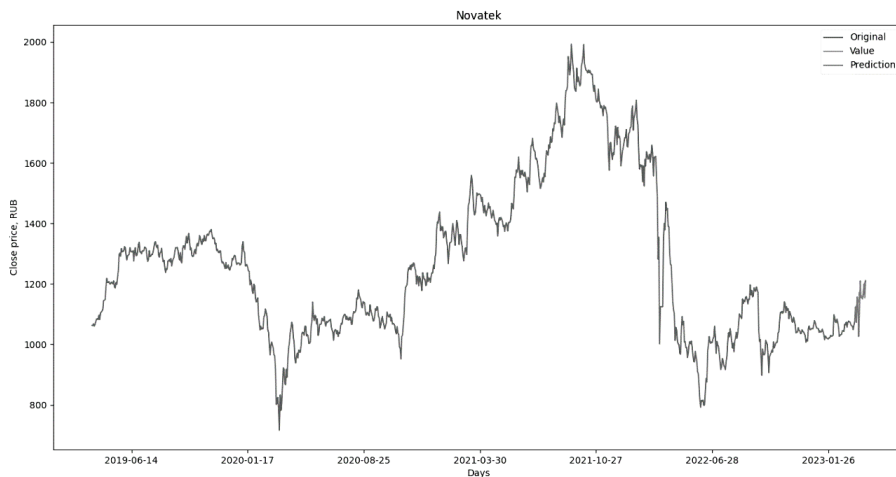

Рис. 2. Результаты прогнозирования значений котировок моделью «дерева решений» при входных параметрах в 5000 значений.

Источник: составлено авторами.

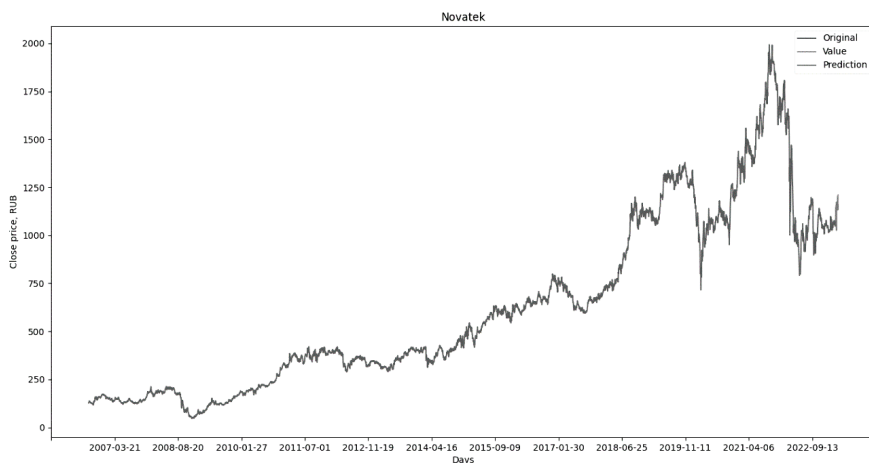

Рис. 3. Результаты прогнозирования значений котировок моделью «дерева решений» при входных параметрах в 1000 значений.

Источник: составлено авторами.

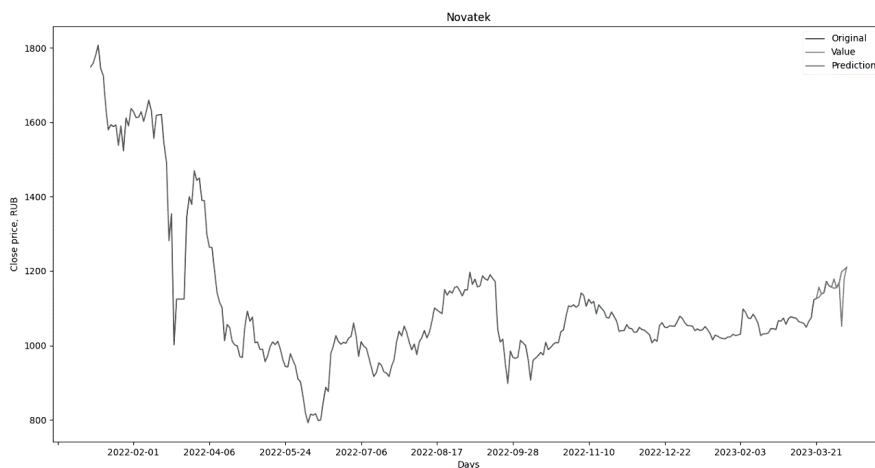

Рис. 4. Результаты прогнозирования значений котировок моделью «дерева» решений при входных параметрах в 300 значений.

Источник: составлено авторами.

При визуальном анализе отмечается, что модель «дерева решений» на разных объемах анализируемых данных проводит прогноз котировок разного качества. Стоит также отметить сложность прогнозирования котировок акций ПАО НОВАТЭК и в целом российских акций в связи с рядом экономических потрясений, произошедших в Российской Федерации и мире в 2014, 2021 и 2022 годах, которые модель не учитывает. Для более подробной оценки эффективности использования модели необходимо проанализировать взаимосвязь между фактическими значениями и прогнозными. Фактические значения содержатся в столбце close, прогнозные значения в столбце predictions и отклонение в столбце deviation (табл. 2, 3, 4).

Таблица 2

Фактические и прогнозные значения модели «дерева решений» при входных параметрах в 5000 значений

datetime	close	predictions	deviation
2023-03-20 07:00:00	1122,20	1122,20	0,00
2023-03-21 07:00:00	1126,20	1034,60	91,60
2023-03-22 07:00:00	1128,80	1156,60	–27,80
2023-03-23 07:00:00	1138,40	989,60	148,80
2023-03-24 07:00:00	1141,80	1025,80	116,00
2023-03-27 07:00:00	1172,00	1126,00	46,00
2023-03-28 07:00:00	1160,00	1134,60	25,40
2023-03-29 07:00:00	1156,60	1156,60	0,00
2023-03-30 07:00:00	1153,60	1139,80	13,80

2023-03-31 07:00:00	1155,20	1134,53	20,67
2023-04-03 07:00:00	1167,40	1137,20	30,20
2023-04-04 07:00:00	1198,20	1198,20	0,00
2023-04-05 07:00:00	1203,60	1139,80	63,80
2023-04-06 07:00:00	1210,00	1134,60	75,40

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Фактические и прогнозные значения модели «дерева решений» при входных параметрах в 1000 значений

datetime	close	predictions	deviation
2023-03-20 07:00:00	1122,20	1122,20	0,00
2023-03-21 07:00:00	1126,20	1045,90	80,30
2023-03-22 07:00:00	1128,80	1156,60	–27,80
2023-03-23 07:00:00	1138,40	989,60	148,80
2023-03-24 07:00:00	1141,80	1083,80	58,00
2023-03-27 07:00:00	1172,00	1092,67	79,33
2023-03-28 07:00:00	1160,00	1160,00	0,00
2023-03-29 07:00:00	1156,60	1156,60	0,00
2023-03-30 07:00:00	1153,60	1178,60	–25,00
2023-03-31 07:00:00	1155,20	1150,10	5,10
2023-04-03 07:00:00	1167,40	1167,40	0,00
2023-04-04 07:00:00	1198,20	1198,20	0,00
2023-04-05 07:00:00	1203,60	1178,60	25,00
2023-04-06 07:00:00	1210,00	1160,00	50,00

Источник: составлено авторами.

Таблица 4

Фактические и прогнозные значения модели «дерева решений» при входных параметрах в 300 значений

datetime	close	predictions	deviation
2023-03-20 07:00:00	1122,20	1122,20	0,00
2023-03-21 07:00:00	1126,20	1072,67	53,53
2023-03-22 07:00:00	1128,80	1142,70	–13,90
2023-03-23 07:00:00	1138,40	1138,40	0,00
2023-03-24 07:00:00	1141,80	1141,80	0,00
2023-03-27 07:00:00	1172,00	1172,00	0,00

2023-03-28 07:00:00	1160,00	1160,00	0,00
2023-03-29 07:00:00	1156,60	1142,70	13,90
2023-03-30 07:00:00	1153,60	1178,60	–25,00
2023-03-31 07:00:00	1155,20	1155,20	0,00
2023-04-03 07:00:00	1167,40	1167,40	0,00
2023-04-04 07:00:00	1198,20	1051,20	147,00
2023-04-05 07:00:00	1203,60	1178,60	25,00
2023-04-06 07:00:00	1210,00	1210,00	0,00

Источник: составлено авторами.

Далее проведем обучение и прогноз 14 следующих значений с использованием модели линейной регрессии. Линейная модель требует идентичной подготовки данных, как и для «дерева решений», что позволяет технически облегчить задачу прогнозирования, а также экономить вычислительные мощности при использовании обеих моделей. Данная ситуация особенно удобна для аналитических компаний, осуществляющих непрерывно большое количество прогнозов по разным котировкам и таймфреймам в условиях ограниченных техническими характеристиками вычислительных мощностей и баз данных. Также открывается возможность оптимизации программной архитектуры аналитического и прогнозного модулей программы. Графические результаты прогнозов с использованием модели линейной регрессии при разном объеме входных данных отражены ниже (рис. 5, 6, 7).

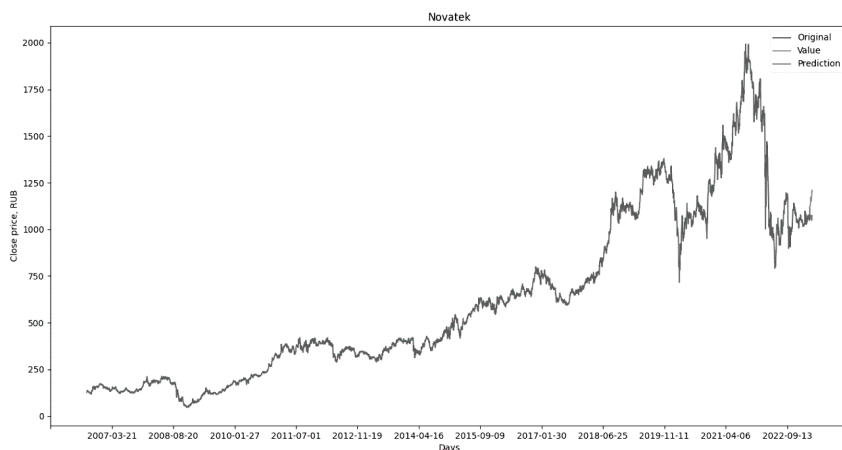

Рис. 5. Результаты прогнозирования значений котировок моделью линейной регрессии при входных параметрах в 5000 значений.

Источник: составлено авторами.

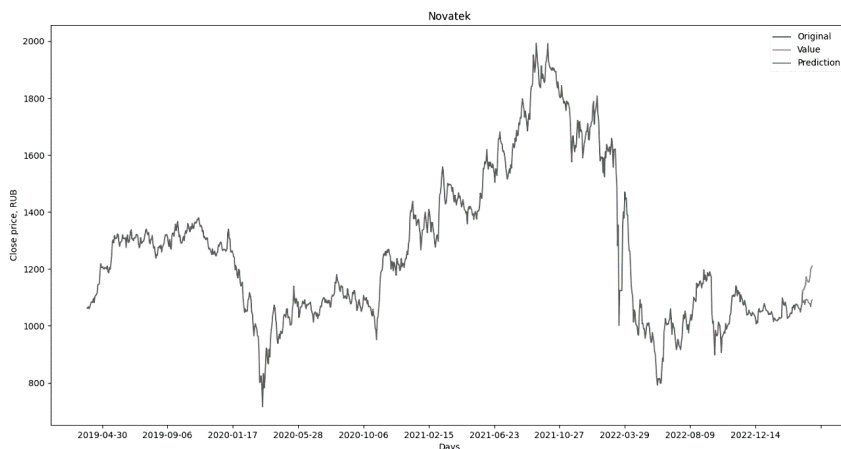

Рис. 6. Результаты прогнозирования значений котировок моделью линейной регрессии при входных параметрах в 1000 значений.

Источник: составлено авторами.

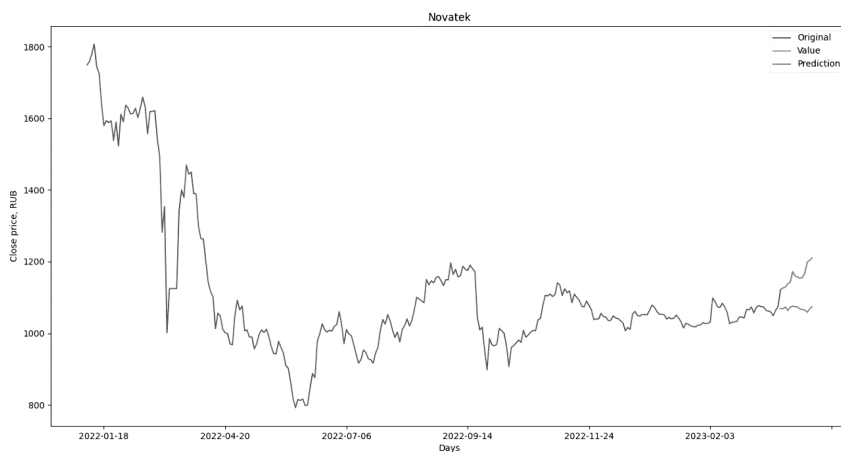

Рис. 7. Результаты прогнозирования значений котировок моделью линейной регрессии при входных параметрах в 300 значений.

Источник: составлено авторами.

Необходимо отметить, что уже при визуальной оценке качества прогноза котировок с использованием модели линейной регрессии отмечается низкое качество прогноза и высокие значения отклонений. В то же время более сложная модель «дерева решений» показывает себя лучше, прогнозируя приближенные к фактическим значения. В связи с этим стоит отметить лучшую эффективность у модели «дерева решений», чем у модели линейной регрессии.

Кроме проведения прогнозов необходимо иметь возможность оценить их результативность. Для оценки эффективности прогнозов используются такие метрики, как MAPE и WAPE. MAPE (mean absolute percentage error) — один из наиболее распространенных методов определения точности прогноза, измеряющий процентную ошибку прогноза по отношению к фактическим значениям. WAPE (weighted absolute percent error) представляет собой разновидность MAPE и чаще используется на практике в связи с возможностью учесть вес каждой из частей уравнения. Для оценки точности прогнозирования будем использовать показатель взвешенной абсолютной процентной ошибки (WAPE) (см. уравнение 2).

$$\text{Ошибка (WAPE)} = \frac{\sum |\text{Факт} - \text{Прогноз}|}{\sum \text{Факт}} * 100 \quad (2)$$

Точность прогнозирования рассчитывается как вычитание из 100 процентов процента ошибки. Показатели точности прогнозирования в разрезе модели и количества входных данных отражены ниже (см. табл. 5).

Таблица 5

Показатели точности прогнозирования используемых моделей

Модель	Количество входных данных	WAPE	Точность прогнозирования
«Дерево решений»	5000	3,7	96,3
	1000	2,4	97,6
	300	1,2	98,8
Линейная регрессия	5000	7,9	92,1
	1000	6,2	93,8
	300	8,8	91,2

Источник: составлено авторами.

Анализируя данные, отметим большую точность прогнозирования при использовании модели «дерева решений». Ориентируясь на данную модель, можно определять с высокой точностью как будущие значения котировок, так и направление движений котировок. При использовании данной модели в промышленных масштабах необходимо проведение более широких тестов с разными сочетаниями количества данных, котировок и таймфреймов. Также стоит отметить, что в модели «дерева решений» точность прогноза увеличивается с сокращением количества входных данных. Данный факт необходимо учитывать при разработке и использовании данной прогнозной модели в деятельности компаний. Необходимо проводить ряд тестовых мероприятий,

направленных на выведение оптимального количества входных данных при обучении модели.

С целью дополнительной оценки эффективности моделей, рассчитаем потенциальную экономическую выгоду от торговых сделок, осуществляемых на основе проведенных прогнозов. Будем считать, что торговая позиция открывается по цене закрытия последнего дня перед прогнозом и закрывается по цене последнего предсказанного дня. Объем каждой позиции составляет 1000 акций. Результаты расчетов приведены ниже (табл. 6).

Таблица 6

Результаты эффективности моделей при торговле на фондовом рынке

Модель	Количество входных данных	Цена от-кры-тия	Цена за-крытия, факт	Цена за-крытия, прогноз	При-быль, факт	При-быль, про-гноз	Разница (факт—прогноз)
Дерево реше-ний	5000	1074,6	1210	1134,6	135400	60000	75400
	1000	1074,6	1210	1160,0	135400	85400	50000
	300	1074,6	1210	1210,0	135400	135400	0
Линей-ная ре-грессия	5000	1074,6	1210	1075,8	135400	1200	134200
	1000	1074,6	1210	1095,3	135400	20699	114701
	300	1074,6	1210	1067,5	135400	–7100	142500

Источник: составлено авторами.

Анализируя данные, отметим, что модель «дерева решений» значительно эффективней модели линейной регрессии и даже на объеме в триста торговых дней смогла спрогнозировать точное значение цены закрытия. Как и было отмечено при расчете показателя WAPE, наилучший результат прогноза показала модель «дерева решений» при объеме входных данных в 300 торговых дней, а модель линейной регрессии пока показала наилучший результат при объеме входных данных в 1000 торговых дней. Таким образом, в случае организации автоматической торговли на основе прогноза нейронных сетей, более эффективной была бы торговля с использованием «дерева решений».

Использование нейронных сетей при прогнозировании изменений котировок на фондовом рынке стало важным инструментом поддержания и усиления конкурентоспособности многих компаний, связанных с фондовым рынком. Данная ситуация, в свою очередь, подталкивает компании и научно-исследовательские центры к разработке собственных моделей нейронных сетей на основе новых подходов или на основе доработки уже существующих решений. Во время создания эффективного механизма прогнозирования компании тестируют различные модели нейронных сетей, включая «дерево решений», линейную регрессию, их доработанные аналоги и иные виды моделей.

Использование базовых моделей нейронных сетей позволяет понять и изучить фундаментальные основы, на которых строятся более сложные и высоконагруженные модели нейронных сетей. Проведение прогнозов с использованием основных моделей нейронных сетей с целью определения их эффективности также обусловлено ограниченностью вычислительных мощностей и их дороговизной. Необходимо также отметить, что при прогнозировании котировок на фондовом рынке необходимо тестировать модели на разном объеме входных данных и выбирать оптимальные варианты.

Фондовый рынок очень изменчив, однако он дает инвесторам огромные возможности по увеличению собственных капиталов. Для прогнозирования котировок с целью планирования торговой стратегии инвесторы в настоящее время обращаются не только к техническому и фундаментальному анализу, но и к различным моделям машинного обучения. Модели могут быстро обрабатывать исторические данные, линии тренда, графики и иные показатели, предлагая в результате прогноз будущих котировок. Машинное обучение в настоящее время является революционной технологией и выступает в качестве одного из важных инструментов повышения конкурентоспособности компаний на рынке. На выбор модели или набора моделей, используемых в компании, влияет ряд факторов: таймфреймы, с которыми работает компания, количество и качество входных данных для моделей, технические характеристики вычислительных мощностей, используемых в компании.

Литература

1. *Agrawal M., Shukla P., Nair R., Nayyar A.* Stock prediction based on technical indicators using deep learning model // Tech Science Press. 2022. No. 1. Pp. 287–304.
2. *Eguz B., Kaya T.* Stock price prediction of Turkish banks using machine learning methods // International conference on intelligent and fuzzy systems. 2021. No. 308. Pp. 1–17.
3. *Ghani M., Awais M., Muzammul M.* Stock market prediction using machine learning (ML) algorithms // ADCAIJ: advances in distributed computing and artificial intelligence journal. 2019. No. 4. Pp. 97–116.
4. *Gururaj V., Ashwini K.* Stock market prediction using linear regression and support vector machines // International journal of applied engineering research. 2019. No. 14. Pp. 1931–1934.
5. *Hota J., Chakravarty S., Paikaray B., Bhoyar H.* Stock market prediction using machine learning techniques // CEUR. 2022. No. 3283. Pp. 163–171.
6. *Kumar M., Chandra K., Gupta K.* Stock analysis and prediction of Indian oil trading using big data analytics // International journal of mechanical engineering. 2022. No. 1. Pp. 6734–6738.
7. *Ly P., Wu Q., Xu J.* Stock index prediction based on time series decomposition and hybrid model // Entropy. 2022. No. 24. Pp. 1–18.
8. *Majumder A., Rahman M., Biswas A.* Stock market prediction: a time series analysis // Smart systems: innovations in computing. 2021. No. 235. Pp. 389–401.
9. *Rajeswar S., Ramalingam P., Sudalai T.* Comparative analysis of stock market price behaviors using machine learning techniques // International conference on advances in materials, computing and communication technologies. 2020. No. 2385. Pp. 25–37.

10. *Raubitzek S., Neubauer T.* An exploratory study on the complexity and machine learning predictability of stock market data // *Entropy*. 2022. No. 332. Pp. 1–34.
11. *Serrano W.* The random neural network in price predictions // *Neural computing and applications*. 2022. No. 34. Pp. 855–873.
12. *Shah J., Vaidya D., Shah M.* A comprehensive review on multiple hybrid deep learning approaches for stock prediction // *ELSEVIER*. 2022. No. 16. Pp. 1–14.
13. *Singh G.* Machine learning models in stock market prediction // *International Journal of innovative technology and exploring engineering (IJITEE)*. 2022. No. 11. Pp. 18–28.
14. *Singh S., Rehan S., Kumar V.* Stock price prediction using linear regression, LSTM and decision tree // *EasyChair Preprint*. 2022. No. 7805. Pp. 1–5.
15. *Zhao A., Cheng T.* Stock return prediction: stacking a variety of models // *ELSEVIER*. 2022. No. 67. Pp. 1–12.

Roman Kuznetsov (e-mail: romak2921@mail.ru)

graduate student, St. Petersburg State University of Economics,
(St. Petersburg, Russian Federation)

Tatiana Tumarova (e-mail: tumarova@finec.ru)

Ph.D. in Economics, Professor, Director of the Graduate Institute of Saint-Petersburg
State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation)

PREDICTING NOVATEK SHARE PRICES USING THE MODELS OF DECISION TREE AND LINEAR REGRESSION

The development of technology and the emergence of various machine learning models influence social life in many ways, including the analysis and forecasting of the stock market. The ability to competently select and use machine learning models in predicting stock quotes is one of the key competitive advantages that allow large investment companies and individuals to increase their profits from the market activity. The study reveals the effectiveness of using decision tree and linear regression models in predicting daily quotes of NOVATEK.

Keywords: stock exchange, decision tree, linear regression, machine learning.

DOI: 10.31857/S020736760026686-3

© 2023

Лейла Абдуллина

магистр, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: chechevitsa@fo.ru)

Татьяна Романишина

доктор экономических наук, доцент, Департамент массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: tankarom@mail.ru)

Алиса Бобовникова

бакалавр, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
(e-mail: alis.r2010@yandex.ru)

Владислав Смирнов

бакалавр, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: smirnow.vladis@yandex.ru)

Дарья Никитина

бакалавр, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: ndd19ea256@student.bmstu.ru)

Александр Блинов

бакалавр, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: bad19ea083@student.bmstu.ru)

АКТУАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА В РУСЛЕ «СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ» (ESG)¹

Авторы проводят анализ исторического контекста и актуальности индикаторов устойчивого развития и предлагают обзор трендов трансформации бизнеса в России в русле стандартов ESG. В статье рассмотрены экологические, социальные и управленческие тенденции трансформации бизнеса в РФ, выделены

¹ Данная аббревиатура произведена от англ. «Environmental, Social, and Corporate Governance», что можно приблизительно перевести, как «Управление бизнесом с учетом экологических и социальных факторов»; подразумевает набор критериев, характеризующих деятельность фирмы с точки зрения улучшения экологической и социальной обстановки, см.: URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/280911488968799581/pdf/113237-WP-WhoCaresWins-2004.pdf>.

перспективные направления, проблемы и ограничения. Приводятся конкретные примеры инициатив и достижений в русле устойчивого развития ESG от различных ведущих компаний страны. Авторы предлагают компаниям обратить внимание на перспективы интеграции принципов устойчивого развития в корпоративные стратегии и уделять больше внимания развитию социальных программ для поддержки сотрудников.

Ключевые слова: ESG, углеродный след, корпоративная социальная ответственность, корпоративное управление, ответственное инвестирование, ESG трансформация бизнеса.

DOI: 10.31857/S020736760026574-0

Введение

Сложно переоценить важность трансформации рабочих процессов в русле стратегии устойчивого развития. **Для компаний** управление согласно принципам ESG может стать инструментом уменьшения рисков и повышения устойчивости, а также улучшения репутации и предотвращения штрафов за негативное воздействие на окружающую среду, что в конечном счете способно привести к улучшению операционной эффективности, снижению затрат и увеличению прибыльности бизнеса [1, 2].

Для общества ESG может стать инструментом повышения качества жизни (например, за счет инвестиций бизнеса в развитие местных сообществ) и содействия социальной справедливости, гендерного равенства и равенства заработной платы. Обеспечение прозрачности процессов также способствует повышению ответственности ведения бизнеса компанией и улучшению ее репутации среди потребителей или соискателей рабочих мест.

На глобальном уровне ESG-трансформация бизнес-процессов в компаниях может способствовать реализации национальных и международных целей в области устойчивого развития (УР) и таким образом улучшить качество жизни и условия работы своих сотрудников, обеспечить социальную справедливость и защитить окружающую среду.

В связи с значительным влиянием ESG-отчетности на финансовые показатели компаний, в том числе и на их долгосрочную устойчивость, инвесторы по всему миру учитывают их при формировании стратегии инвестирования, так как ESG-факторы могут служить индикаторами качества управления компанией, а также её способности адаптироваться к изменяющимся условиям в долгосрочной перспективе.

Цель исследования. Ввиду вышесказанного, настоящая работа направлена на анализ текущего состояния и векторов развития ESG-трендов в России. Целью статьи является выявление тенденций, особенностей и вызовов, связанных с распространением ESG-практик при управлении компаниями. Особое внимание в работе уделяется значимости управления социальным воздействием компаний. Ввиду временного снижения количества и частоты обязательных

экологических проверок в 2022 году и отмены обязательства регулярно публиковать финансовую отчетность, именно поддержание и развитие социальной составляющей является наиболее актуальным для ESG-трансформации бизнеса в настоящий момент [3].

Методология исследования. В своей методологии исследование опирается на комплексный подход, включающий анализ научной литературы, отчетов компаний и статистических данных. Такой подход позволяет получить максимально объективную картину, отражающую как теоретические разработки в области ESG, так и практическую реализацию этих принципов в компаниях.

Этические принципы. В рамках исследования авторы придерживаются высоких этических стандартов и с уважением относятся к интеллектуальным достижениям других исследователей, аккуратно цитируя их работы и признавая их вклад в изучение этой области знаний. Авторы стремятся к объективности, избегают предвзятости и субъективности в анализе и интерпретации данных.

Исторический контекст и актуальность развития ESG

На глобальном уровне. Развитие ESG началось в 2000-х годах с запроса общественности на более ответственный и прозрачный подход к ведению бизнеса [4]. С тех пор ESG преобразовался из концепции в целую индустрию, в которую включаются все больше компаний, инвесторов и регуляторов.

Понятие ESG было впервые сформулировано в 2005 году в рамках доклада Организации Объединенных Наций (ООН) "Who Cares Wins" [5]. Этот доклад стал краеугольным камнем для включения ESG-факторов в процесс инвестиционного анализа и принятия решений, он являлся ответом на растущее осознание финансистами и управленцами того факта, что традиционные финансовые метрики недостаточно полно описывают спектр рисков и возможностей, с которыми сталкивается бизнес.

В 2006 году были запущены Принципы ответственного инвестирования ООН (The United Nations Principles for Responsible Investment, UNPRI) [6]. Эти принципы предлагают возможности для внедрения ESG-факторов в инвестиционную практику, помогая инвесторам лучше управлять рисками.

К 2020 году, по данным UNPRI, более 3000 организаций, управляющих активами более чем на 100 трлн долл., согласились с этими принципами [7]. Это свидетельствует о растущем признании важности учета ESG-факторов как в бизнесе, так и в инвестиционном сообществе. Благодаря этому многие компании начали активно внедрять ESG-факторы в свою стратегию и операционную деятельность, что, например, стало одним из ключевых факторов существенного изменения корпоративной культуры и модели управления за последние 10–15 лет (см. рис. 1) [8].

ESG стал ключевым фактором в оценке компаний для инвестирования, влияя на стоимость акций и облигаций [9].

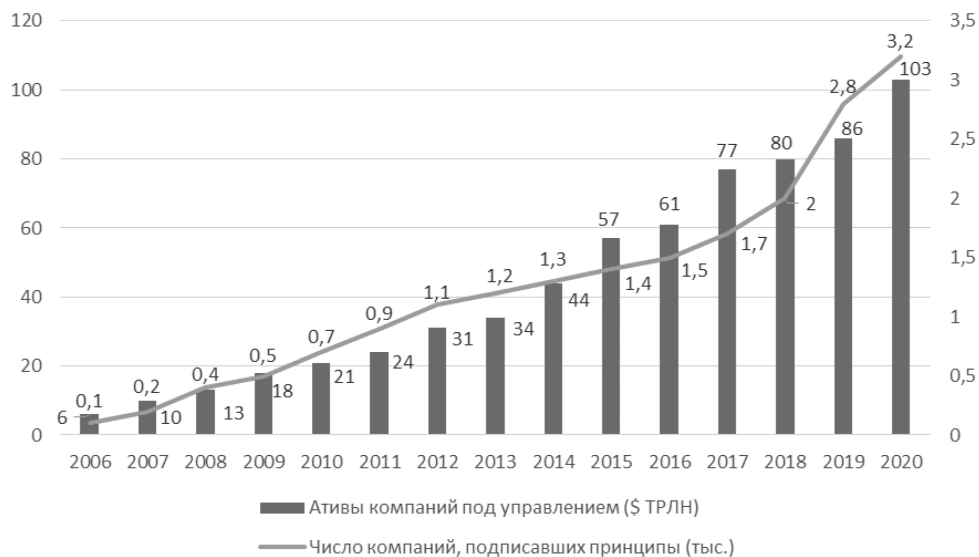

Рис. 1. Динамика объема активов компаний, одобряющих принципы «ответственного инвестирования».

Источник: составлено авторами на основе [9].

В России. Актуальность ESG-трансформации в России обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, многие сырьевые российские компании продолжают работать на международных рынках и сталкиваются с требованиями со стороны зарубежных инвесторов и партнеров соблюдать стандарты ESG-управления. Для сырьевого экспорта, который на данный период времени превалирует над иными типами поставляемых иностранным партнерам товаров или услуг, это актуально в меньшей степени, однако это можно рассматривать лишь как временный эффект. В будущем серьезность требований либо останется на прежнем уровне, либо возрастет. Это потребует от компаний внедрения эффективных стратегий и современных практик управления, что позволит им оставаться конкурентоспособными на глобальном уровне.

Во-вторых, внутренние демографические и социальные изменения также влияют на актуальность развития ESG-тенденций в России. По результатам социологических исследований, современное поколение все больше волнуют проблемы общей социальной справедливости, а также экологические проблемы, что, в свою очередь, влияет на нормы ведения бизнеса и предпочтения потребителей при выборе товаров и услуг [10].

В-третьих, из года в год появляются все более убедительные доказательства того, что компании, которые успешно интегрируют ESG-факторы в свою деятельность, могут показывать лучшие финансовые результаты и быть более

устойчивыми в долгосрочной перспективе. Это может стать мощным стимулом для российских компаний уделить больше внимания ESG-трансформации бизнеса.

В-четвертых, Россия стоит перед множеством таких экологических и социальных вызовов, как изменение климата, загрязнение окружающей среды, слабое инфраструктурное развитие периферийных регионов, недостаток финансирования НКО, взяточничество. ESG-трансформация бизнеса может помочь компаниям и государству эффективно решать эти проблемы.

Таким образом, актуальность стандартов устойчивого развития ESG для России определяется как внешними требованиями и вызовами, так и внутренними потребностями и возможностями для улучшения эффективности ведения бизнеса и его репутации.

Тем не менее развитие тенденций ESG в России сталкивается с рядом проблем, связанных, в частности, с недостатком законодательной базы и стандартов и недостатком понимания важности направления среди множества несырьевых компаний и значительной части населения [11]. Несмотря на это, с точки зрения авторов, внедрение ESG в стратегии российских компаний является неотъемлемым элементом их долгосрочного успеха и устойчивости.

ESG-тренды в РФ

В последние несколько лет внедрение стандартов устойчивого развития (УР) в России получило определенные импульсы. Повышенное внимание к этой теме способствовало активизации деятельности отечественных компаний, множеству государственных назначений, постепенному развитию и улучшению законодательства в данной области УР и расчета парниковых газов (ПГ) [12, 13, 14].

Один из ключевых трендов — взаимодействие с заинтересованными сторонами. Например, сырьевые и финансовые компании активно развивают ESG-отчетность, представляя ежегодные доклады о своей деятельности в области УР и /или публикуют нефинансовые отчеты по стандартам Global Reporting Initiative (GRI) и Task Force on Climate-related Financial Disclosures (TCFD).

Другой тренд — постепенное вовлечение все большего количества компаний в разработку собственных стратегий УР. Тренд, начавшийся с сырьевых компаний (ПАО «Газпром», ПАО «Полус», ПАО «ФосАгро», ООО «РУСАЛ»), постепенно охватил финансовые организации (ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ», ПАО «Газпромбанк», ООО «Росбанк») и компании строительного сектора (ГК «Самолет», ООО «Донстрой», ГК «ЛСР»). Авторы прогнозируют постепенное распространение экологически приемлемых «зеленых» практик на организации иных секторов.

Постепенно нарабатывается опыт и создаются органы по оценке и верификации сведений о выбросах ПГ (на базах МГТУ им. Н.Э. Баумана, РУДН, АО «Атомэнергоспроект» и др.).

Важной инициативой в области ESG в России стала разработка Национального рейтинга отчетности в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности. Рейтинг, организованный РАЭК, представляет

собой комплексную оценку открытости и прозрачности компаний в отношении ESG-факторов и позволяет выявить лидеров и отстающих в этой области.

Помимо этого расширяется перечень доступных к получению компаниями рейтингов в области ESG от RAEX, RA Expert. Рейтинги позволяют всем участникам рынка понять, на каком уровне развития ESG-практик находится компания, и оказывают значительное влияние на принятие заинтересованными сторонами решений об инвестировании в активы компании, трудоустройстве в нее и др. Разработаны индексы для оценки ESG-показателей компаний, среди основных можно выделить рейтинги РСПП и МосБиржи по устойчивому развитию, ESG-индекс российских компаний от НКР РБК и др.

Экологические тренды. Экологические тренды приобретают все большую значимость. Они направлены на снижение негативного воздействия бизнеса на окружающую среду и рациональное природопользование. Мировые инициативы – такие как Парижское соглашение (The Paris Agreement, 2015) и Цели устойчивого развития ООН (The Sustainable Development Goals (SDGs), 2015), определяют общие направления этих трендов.

Одним из ключевых экологических направлений является учет в нефинансовой отчетности компаний углеродного следа от собственной деятельности по 1–3 областям охвата (scores 1–3, прямые, непрямые и косвенные выбросы), в то время как ранее в основном рассматривали только 1 и 2 область (прямые и непрямые выбросы) [15]. Компании все активнее стараются минимизировать выбросы ПГ. С одной стороны, это ведет к оптимизации бизнес-процессов (например, улучшению систем энергопотребления и снижению количества командировок и трат на них, когда это возможно), а с другой стороны, нацелено на снижение возможных будущих трат на покупку углеродных квот или оплату дополнительных государственных пошлин на высокие выбросы ПГ [16, 17]. Для этого используются различные стратегии, включая повышение энергоэффективности зданий, смену поставщиков на местных, оптимизацию логистических маршрутов, закупку энергии у других, иногда более энергоэффективных компаний, использование возобновляемой энергии и другие способы снижения выбросов.

Примером успешной интеграции экологических практик в функционирование бизнеса может служить Яндекс: в Яндекс Карты теперь интегрировано более 24000 пунктов приема отходов для 21 различного материала [18], оптимизированы маршруты Яндекс Навигатора [19], улучшена логистика Яндекс Маркета [20].

Если говорить о «зеленом» энергопереходе на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), то согласно исследованию RAEX наиболее сбалансированными практиками в области «зеленого» энергоперехода обладают компании ПАО «Полюс», ПАО «ЭЛС-Энерго», ПАО «ТрансКонтейнер» [21]. RAEX объясняет это значительным влиянием развивающегося трансграничного углеродного регулирования (ТУР).

Многие компании, которые не уделяют должного внимания экологическим вопросам, рискуют потерять доверие инвесторов и столкнуться с негативными последствиями для своей репутации и финансовых показателей, в том числе посредством уплаты значительных штрафов за нарушение экологического законодательства РФ.

Социальные тренды. Социальные тренды обретают все большую значимость, они связаны с соблюдением трудовых прав сотрудников, улучшением условий их работы, в том числе — переводом на удаленный или гибридный режим работы, соблюдением требований для сохранения их здоровья и безопасности на рабочем месте, своевременным образованием, поддержанием разнообразия и инклюзивности коллективов.

Вследствие оттока за границу большого количества специалистов в 2022 году и снижения количества доступных для найма высококвалифицированных соискателей на рынке труда, для компаний постепенно становится более очевидно, что выгоднее развивать и удерживать компетенции внутри организаций, нежели искать профессионалов на значительно «поредевшем» рынке. Этот тезис подтверждается большим количеством исследований [22, 23, 24].

Согласно опросу 17000 респондентов в 2022 году [25], выявлено, что бюджет на ESG-развитие в 2022 году сократило 40% компаний, 52% опрошенных заявили о планах коррекции ESG-стратегии и целей — в первую очередь о сконцентрированности на развитии и поддержании социального (S) аспекта: почти три четверти респондентов выделили эту область развития как основную (был доступен множественный выбор ответов). Согласно прогнозам авторов исследования смещение фокуса в ESG-повестке с экологического аспекта (E) на социальный (S) запускает развитие компетенций и программ, раньше находившихся на периферии внимания российских ESG-специалистов.

Внедряемые социальные программы по развитию и удержанию персонала не изменились по своей сути и чаще всего включают в себя корпоративное обучение, наставничество, предоставление расширенного спектра бесплатных медицинских услуг для сотрудников (например, услуги психолога или массажиста). Однако среди неординарных решений 2022 года можно отметить решение ПАО «ГМК Норильский никель»: руководство компании намерено выкупить более 400 тысяч акций для перенаправления их в качестве вознаграждения сотрудникам в рамках корпоративной мотивационной программы «Цифровой инвестор» [26].

Среди других тенденций также можно выделить развитие корпоративных проектов по интеллектуальному волонтерству (*pro bono*) и финансированию НКО или образовательных программ для молодежи. Например, АО «Тинькофф Банк» поддерживает грантовую программу для НКО «Поддержка будет», предоставляя сотрудникам НКО финансирование на личные нужды. Предполагается, что более независимые от финансов волонтеры могут лучше сосредоточиться на помощи подопечным фондов [27]. Аналогичным образом в 2022

году ПАО «Росбанк» поддержал образовательную программу Московской школы филантропии для менеджеров НКО [28], в то же время системно развивая с 2018 года акселератор «Начни иначе», цель которого — образование сотрудников НКО [29].

Отдельным направлением в социальных трендах можно считать развитие таких социальных проектов, которые реализуются благодаря особенностям бизнеса — его географии распространения, логистических возможностей и др. Например, «Пятерочка» (X5 Group) отчиталась по одному из своих самых эффективных проектов — «Островок безопасности». Суть его заключается в том, что в любой магазин сети может прийти потерявшийся человек и ему окажут квалифицированную помощь по безопасному возвращению домой. С момента запуска в 2019 году проект помог 4 123 потерявшимся людям.

Социальная составляющая ESG в России находится в стадии активного развития. Многие компании уже достигли определенных успехов в этой области, однако потенциал для дальнейшего прогресса остается огромным.

Управленческие тренды. Управленческие тренды остаются наиболее сложными для оценки. Они включают в себя прозрачность ведения бизнеса, развитие корпоративной этики и управления рисками, возможность участия всех заинтересованных сторон в принятии решений и управлении корпоративной культурой.

Одновременно с этим, учитывая текущую геополитическую ситуацию и частичные разрешения на добровольное раскрытие финансовой и нефинансовой информации, наблюдаются интересные тенденции.

Например, половина респондентов-участников финансового рынка из опроса ЦБ РФ видят дополнительные санкционные риски в ESG-отчетности, поскольку, с точки зрения опрошенных, раскрытие нефинансовой информации позволяет заинтересованной стороне провести анализ и сделать выводы о клиентской базе, реализуемых проектах, отраслевых трендах, что может лечь в основу дополнительного санкционного давления [30].

В целом финансовой отчетности стало меньше практически на треть. Лишь 1200 российских компаний на фондовом рынке оставили открытыми корпоративные данные. Согласно последним данным, за 2022 год вдвое снизилось число сообщений о смене акционеров и контролирующих лиц и в 7,5 раза — количество сведений о приобретении или отчуждении долей в организациях (31). Кроме того, компании удалили из публичного доступа более 3500 сообщений и почти 26000 отчетов [31].

Все это влияет и на содержание нефинансовой отчетности: некоторые компании скрывают значимые для принятия решения заинтересованными сторонами экономические показатели и прибегают к сокращенным формулировкам, смещают акценты на более полное раскрытие экологических и социальных аспектов.

Авторы прогнозируют, что возврата к прежней практике пока не ожидается.

Заключение

Несмотря на все достигнутые успехи, российский ESG-сектор все еще сталкивается с рядом проблем. В частности, это — отсутствие достаточного законодательного регулирования, глобального понимания необходимости ESG-трансформации бизнеса и регулярной оценки ESG-рисков компаниями, недостаток бюджетных образовательных программ для подготовки квалифицированных специалистов в этой области и др. Тем не менее, по сравнению с состоянием отрасли еще 5–10 лет назад, текущий прогресс очевиден, и, с точки зрения авторов, в ближайшие годы можно ожидать постепенного внедрения принципов устойчивого развития в российских компаниях.

В качестве ключевых рекомендаций авторы могут выделить три пункта: во-первых, необходимо продолжать работу над расширением и углублением интеграции ESG-принципов в корпоративные стратегии, в том числе создавать условия для более прозрачной системы отчетности, а также стимулировать компании к ESG-трансформации. Во-вторых, большее внимание следует уделить социальной составляющей ESG. Наконец для дальнейшего развития ESG важно обеспечить поддержку со стороны государства. Это может включать в себя предоставление инвестиционных стимулов для компаний, которые внедряют ESG-стандарты, активное участие государства в развитии отраслевых стандартов в области УР и другие меры.

Литература

1. *Friedman H.L., Sjöström E.* (2022). "ESG and Financial Performance: Aggregated Evidence from More than 2000 Empirical Studies". *Journal of Sustainable Finance & Investment*, 12 (1), 1–15.
2. *Clark G.L., Feiner A., & Viehs M.* (2022). "From the Stockholder to the Stakeholder: How Sustainability Can Drive Financial Outperformance". *Oxford Review of Economic Policy*, 29 (2), 346–363.
3. *Bobovnikova A., Zrazhevskiy A.* (2023). Modern lean management trends in the us market // *Proceedings of the XXX International Multidisciplinary Conference «Innovations and Tendencies of State-of-Art Science»*. Mijnbestseller Nederland, Rotterdam, Nederland.
4. *Khan M., Serafeim G., Yoon A.* (2022). "Corporate Sustainability: First Evidence on Materiality". *The Accounting Review*, 91 (6), 1697–1724.
5. UN Global Compact. (2004). *Who Cares Wins: Connecting Financial Markets to a Changing World*. *United Nations*.
6. *Bebbington J., Larrinaga C.* (2021). "Accounting and Sustainable Development: An Exploration". *Accounting, Organizations and Society*, 49, 1–14.
7. *Schaltegger S., Burritt R.* (2021). "Corporate Sustainability Transforms the Traditional Business Model". *Journal of Cleaner Production*, 279, 123673.
8. *Eccles R.G., Ioannou I., Serafeim G.* (2022). "The Impact of Corporate Sustainability on Organizational Processes and Performance". *Management Science*, 60 (11), 2835–2857.
9. *Овечкин Д.В.* Ответственные инвестиции: влияние ESG-рейтинга на рентабельность фирм и ожидаемую доходность на фондовом рынке // *Экономика и экологический менеджмент*. 2021. № 1.
10. *Busch T., Bauer R., Orlitzky M.* (2021). "Sustainable Development and Financial Markets: Old Paths and New Avenues". *Business & Society*, 60(1), 6–30.

11. Бубнов А.Л., Андрущенко А.Л. Перспективы применения ESG-принципов в системе российского менеджмента // Стратегии бизнеса. 2022. № 5.
12. Приказ Минприроды России от 27.05.2022 N 371 "Об утверждении методик количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов"
13. Приказ Росстандарта от 27.01.2023 N 4-пнст "Об утверждении предварительного национального стандарта Российской Федерации".
14. Постановление Правительства РФ от 09.03.2022 N 310 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части определения федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в области ограничения выбросов парниковых газов".
15. Leila Abdullina, Aleksandr Podolskiy, Margarita Deeva, Margarita Gorovko and Yuliya Shulepova. Determining the carbon footprint of Russian residents depending on their food and movement patterns // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 677 052026, 2021.
16. Абдуллина Л.Р. Законодательная база и перспективы развития ВИЭ в РФ / Инновационные подходы в современной науке: сб. ст. по материалам CV Международной научно-практической конференции «Инновационные подходы в современной науке» // М., Изд. «Интернаука», 2021. № 21 (105).
17. Федеральный закон "Об ограничении выбросов парниковых газов" от 02.07.2021 N 296-ФЗ.
18. В Яндекс Картах появились пункты сбора вторсырья: (Электронный ресурс) // Новости Яндекс. URL: https://yandex.ru/company/services_news/2023/20-03-23 (Дата обращения: 26.04.2023).
19. Бесплатная оптимизация маршрутов в Яндекс Картах: (Электронный ресурс) // Яндекс Маршрутизация. URL: https://yandex.ru/routing/map_routing (Дата обращения: 26.04.2023).
20. «Яндекс маркет» сократил выбросы своей службы доставки с помощью автоматического планирования маршрутов. Сетевое издание «CNews». URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-08-05_yandeks_market_sokratil (дата обращения: 26.04.2023).
21. Рэнкинг: Топ-50 энергия: рэнкинг российских нефинансовых компаний, проявляющих наибольшее внимание к зеленому энергопереходу // Сайт рейтинговой группы RAEX. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_companies/green_energy/2023/ (дата обращения: 26.04.2023).
22. Леонов С.А., Буранок О.М. Значение ресурсного обеспечения образовательной деятельности в многоуровневой подготовке кадров для легкой промышленности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. № 90.
23. Швыряев П. С. Кадровая обеспеченность в сфере информационных технологий в России: проблемы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97.
24. Вагнер В.А., Лобанова В.В. Основные проблемы мотивации персонала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 2 (96).
25. Что происходило с ESG в российских компаниях в 2022 году и к чему готовиться дальше? Коммуникационная компания Михайлов и партнеры 2022. URL: <https://m-p.ru/ESG-Russia-2023.pdf>.
26. «Цифровые активы» выпустили первые токены для участников корпоративной программы «Норникеля». ПАО «ГМК «Норильский никель». URL: <https://www.nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/tsifrovye-aktivy-vypustili-pervye-tokeny-dlya-uchastnikov-korporativnoy-programmy-nornikelya/> (дата обращения: 26.04.2023).
27. Поддержка будет 2023: конкурс грантов для НКО от Тинькофф. Официальный сайт АО Тинькофф Банк. URL: <https://grants.tinkoff.ru/>.

28. Росбанк поддержал образовательную программу Московской школы филантропии для менеджеров НКО. Официальный сайт ПАО РОСБАНК. URL: <https://www.rosbank.ru/o-banke/press-sluzhba/rosbank-podderzhal-obrazovatelnyuyu-programmu-moskovskoi-shkoly-filantropii-dlya-menedzherov-nko/> (дата обращения: 26.04.2023).
29. «Начни иначе» – Акселератор Росбанка и Impact Hub Moscow для инклюзивных социальных предпринимателей и организаций. ПАО РОСБАНК. URL: <https://rosbankcares.ru/> (дата обращения: 26.04.2023).
30. Климатические риски в меняющихся экономических условиях, 2022. Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/143643/Consultation_Paper_21122022.pdf.
31. Статистика. Число российских компаний, раскрывающих информацию для инвесторов, упало на треть. // Вестник. Центр раскрытия корпоративной информации, 67(Март).

Leila Abdullina (e-mail: chechevitsa@ro.ru)

Master in Robotics and Integrated Automation,

Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Tatiana Romanishina (e-mail: tankarom@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Associate Professor,

Department of Mass Communications and Media Business of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Alice Bobovnikova (e-mail: alis.r2010@yandex.ru)

Bachelor, St. Petersburg State Economic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Vladislav Smirnov (e-mail: smirnow.vladis@yandex.ru)

Bachelor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Daria Nikitina (e-mail: ndd19ea256@student.bmstu.ru)

Bachelor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

Alexander Blinov (e-mail: bad19ea083@student.bmstu.ru)

Bachelor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russian Federation)

ACTUAL VECTORS OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN BUSINESSES WITHIN THE FRAMEWORK OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT STRATEGY (ESG standards)

The authors analyze the historical context and relevance of sustainable development indicators and offer an overview of business transformation trends in Russia in line with ESG standards. The article considers environmental, social and managerial trends in the transformation of business in the Russian Federation, highlights promising areas,

problems and limitations. Specific examples of initiatives and achievements in line with the ESG principles from various leading companies in Russia are given. The authors suggest that companies pay attention to the prospects for integrating sustainable development principles into corporate strategies and promote the development of social programs to support employees.

Keywords: ESG, carbon footprint, corporate social responsibility, corporate governance, responsible investment, ESG business transformation.

DOI: 10.31857/S020736760026574-0

© 2023

Константин Павлов

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики
(e-mail: kvp_ruk@mail.ru)

Владимир Жданович

аспирант кафедры экономики
(e-mail: 21mbaz.zhdanovich.v@pdu.by)

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
г. Новополоцк, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

В статье осуществляется анализ ключевых проблем и определяются перспективы развития химической промышленности Республики Беларусь в условиях ужесточения санкций, принимаемых западными государствами в последнее время. Рассматриваются процессы цифровизации, модернизации и автоматизации химического производства, направления экологизации отрасли, а также вопросы усиления интеграционных отношений, особенно с российскими предприятиями на основе использования методов импортозамещения выпускаемой продукции.

Ключевые слова: химическая промышленность, ужесточение санкций, интеграция, Республика Беларусь, цифровизация, экологизация производства.

DOI: 10.31857/S020736760026575-1

Химическая промышленность – отрасль промышленности, включающая в себя производство продукции из углеводородного, минерального и другого сырья путём его химической переработки. Она преобразует сырьё (нефть, природный газ, воздух, воду, металлы и полезные ископаемые) в более чем 70 000 видов продукции и является одной из основных отраслей современной мировой экономики. Это – важнейший сектор экономики Беларуси, который обеспечивает функционирование других отраслей хозяйственного комплекса, экономическую безопасность, обороноспособность, а в итоге – устойчивое развитие страны и достойный уровень жизни ее населения.

Как и для любой отрасли, представляющей национальное достояние и влияющей на суверенитет страны, для развития химической промышленности необходимо качественное управление, чтобы оставаться конкурентоспособной в динамически меняющемся мире.

Вопросу об эффективном управлении структурой промышленного комплекса Республики Беларусь как части национальной экономической системы

придается большое значение в программных документах на ближайшее десятилетие. В Основных положениях проекта Программы социально-экономического развития на 2021–2025 гг. указывается, что стратегия развития промышленного производства предусматривает его трансформацию в конкурентоспособный комплекс, оперативно реагирующий на мировую конъюнктуру и потребности внутреннего рынка [1]. Среди задач управления промышленным комплексом Республики Беларусь в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 года обозначено изменение отраслевой структуры промышленности [2], основу которой составляют высокотехнологичные производства и инновационные промышленные кластеры.

Основные отрасли химической промышленности Беларуси – это горно-химическая (производство калийных удобрений), нефтехимическая (переработка нефти) и основная химия (производство минеральных удобрений, химических волокон и нитей, синтетических смол и пластических масс, резинотехнических изделий). Химические вещества и химические технологии используются не только непосредственно в химической промышленности, но и в производстве стекла, керамики, бумаги, красок, металлических покрытий и во многих других промышленных процессах.

С учетом современных тенденций, в условиях санкционного давления химическую промышленность ожидает существенная трансформация. Это связано с изменением экономического и политического климата в странах Европы и переориентацией белорусского экспорта на восточные рынки. Структурная трансформация является объективным и необходимым этапом для развития социально-экономических систем. Динамичность структуры социально-экономической системы объясняется постоянной необходимостью приобретения новых свойств и качеств в ответ на изменения внешней среды и определяется множеством факторов, среди которых – ресурсные и технологические дисбалансы, долгосрочные программы социально-экономического развития.

Однако, актуальной задачей остается поиск критериев оценки успешности и эффективности трансформации социально-экономической системы и обоснование необходимости осуществляемых изменений. В контексте изучения вопроса об управлении динамикой структуры на макроуровне, под эффективной структурной трансформацией следует понимать изменения в структуре национальной экономики, которые позволяют осуществить последовательный переход на более высокий уровень экономического и общественного развития. Следствием эффективной структурной трансформации национальной экономической системы становится формирование драйверов ее экономического роста, усиление конкурентоспособности и экономической безопасности [3].

В ходе данного исследования использовались методы системного анализа, ранжирования и выбора приоритетов, а также различные экономико-статистические методы.

Одной из проблем развития химической промышленности в Республике Беларусь является привлечение инвестиций. Создание частного сектора в химических и нефтехимических секторах экономики в Республике Беларусь в течение последних лет происходит крайне медленно. Это обусловлено государственной политикой поддержки крупных государственных производителей и сохранения традиционных отраслей, а также отсутствием достаточного объема инвестиционных ресурсов. Крупные иностранные инвесторы не видят экономической целесообразности входить отдельными производствами на белорусский рынок в силу его низкого внутреннего спроса. Сохранение возможности безбарьерного вывоза продукции, произведенной на территории Республики Беларусь и создание производственных площадок с налоговыми и инфраструктурными преференциями, наличие относительно дешевых для своего уровня квалификации трудовых ресурсов позволяет привлекать иностранные инвестиции под гарантии правительства. В основном это крупные проекты с китайскими организациями (Great Stone Industrial Park) в рамках реализуемой Китаем концепции «Экономический пояс Шелкового пути». Также в рамках свободных экономических зон на базе инфраструктуры крупных производственных площадок создаются химические производства, уже интегрированные в крупные корпоративные структуры (ООО «ЭддиТек», ОАО «Кровельный завод ТЕХНОНИКОЛЬ», СООО «Манули Гидравликс Мануфактуринг Бел», СООО «Джокей Могилев», ИПТУП «ДИСКОМ» Caparol).

В данный момент прослеживается тенденция снижения численности населения в целом и численности трудовых ресурсов. За период с 2010 по 2022 г. население Беларуси сократилось с 9,5 до 9,45 млн человек, а трудовые ресурсы — с 5,85 до 4,85 млн человек. В последующие годы, учитывая демографический провал 90-х г. XX в., скорость убыли населения и численности трудовых ресурсов будет возрастать. Этот фактор создает трудности не только в связи с сокращением численности трудовых ресурсов, но и в связи с возникающими из-за этого проблемами, связанными с пенсионным обеспечением и ростом объема внутреннего рынка. Когда сокращается число потребителей на внутреннем рынке при неизменном уровне доходов населения, рост спроса значительно замедляется, и тогда у предприятий появляются стимулы к поиску внешних рынков сбыта.

Немаловажной проблемой для Республики Беларусь является невысокая добавочная стоимость. Добавленная стоимость, поставленная на экспорт, и добавленная стоимость на одного работника — это те показатели, рост которых является целью многих организаций в развивающихся странах. Для увеличения данных показателей правительства стран убеждают в необходимости встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости, созданные транснациональными корпорациями. Стоит отметить, что движение страны в данном направлении не всегда приводит к росту благосостояния населения, однако все же участие в глобальных цепочках имеет ряд преимуществ, среди которых:

- использование для экономического роста ресурсов и рынков сбыта стран-партнеров;
- получение доступа к технологиям и интеллектуальному потенциалу некоторых стран;
- экономия времени и ресурсов на создание национальных производств;
- создание новых рабочих мест.

В настоящий момент Республике Беларусь представился шанс получить выгоду от развития ситуации на мировых рынках, резко нарастив химическую составляющую в производимой продукции. Именно наличие в конечной продукции передовых химических компонентов способствует резкому ее удорожанию, перекладывая на потребителя оплату научной и экологической ренты, которую использует производитель. Европейские производители, пользуясь слабостью экономики развивающихся стран, оставляют научную ренту себе, используют дешевизну экологических платежей в развивающихся странах и присваивают себе еще большую часть экологической ренты [4].

С точки зрения места в цепочке производства белорусские химические предприятия в основном находятся на нижних переделах, занимаясь производством промежуточной продукции. Торговля промежуточными товарами представляет сегодня приоритетное направление развития крупных объединений. Фрагментация технологических процессов на составляющие части путем размещения вспомогательных производств в различных странах способствует оптимизации налогообложения и издержек. При этом контроль за разработкой технологий и продвижением конечного продукта осуществляют корпорации. Доля добавленной стоимости, создаваемой в цепочке в нематериальном секторе, значительно превышает долю материального производства, тем более если оно раздроблено и распределено между различными странами. Участие в глобальных цепочках имеет как свои недостатки, так и выгоды, которые позволяют улучшить структуру экономики государств, принимающих звенья глобальных цепочек добавленной стоимости, а также дают возможность использовать свои сравнительные преимущества для развития национальной промышленности без необходимости создания вертикально интегрированных отраслей, сэкономить время и ресурсы на создание национальных производств и создавать новые рабочие места [5].

Основу производственного потенциала Республики Беларусь составляет промышленность. На ее долю приходится 39,6% основных производственных фондов, на различных предприятиях трудится 27,3% общей численности занятого в экономике населения и создается около 30% валового внутреннего продукта страны. На химическую и нефтехимическую промышленности приходится 13,9% общего объема продукции промышленности и, соответственно, 20,7% общей стоимости основных промышленно-производственных фондов.

Однако техническая база промышленности устарела. На большинстве предприятий она представляет преимущественно традиционный технологический уклад. Износ активной части основных промышленно-производственных фондов по промышленности в целом достиг 80,2%, то есть намного превысил критически допустимый уровень.

В связи с этим важным и необходимым направлением дальнейшего развития белорусской экономики является процесс модернизации. Модернизация – это многозадачное организационно-техническое мероприятие, реализуемое на промышленном предприятии с целью изменения внешних и внутренних факторов, влияющих на эффективность производства. Результатом модернизации технологического оборудования является достижение достаточно высоких количественных и качественных технико-экономических показателей продукции, а также уверенное продвижение товара на рынке или освоение новых рынков. Это связано с появлением новых технологий, систем автоматизации оборудования или их комплектующих, а также контроля и координации производственных процессов в результате внедрения электронно-вычислительных и иных комплексов.

Модернизация технологических процессов действующего производства должна носить комплексный характер и охватывать все этапы производственного цикла – от проектного до эксплуатационного. Мероприятия, направленные на повышение качества продукции, делятся на три группы:

1. Производственно-технические: повышение технической подготовки производства, модернизация оборудования на производстве или обновление производственной базы, использование технико-экономических обоснованных материалов, совершенствование технологии производства продукции;

2. Социальные: совершенствование организации работы, соблюдение рабочей дисциплины, повышение культуры производства, развитие автоматизации методов технического контроля качества продукции, повышение квалификации кадров;

3. Экономические: оптимизация планирования, ценообразование, усиление экономических стимулов.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, о том, что модернизация – это трудоёмкий процесс, требующий больших затрат, однако совершенно необходимый в современных условиях, чтобы предприятия оставались конкурентоспособными. Также надо учитывать, что в условиях действующего производства не всегда возможно произвести все работы одновременно, поэтому рекомендуется поэтапная модернизация, в целях обеспечения требуемого качества и количества получаемой продукции.

Однако многие химические предприятия уделяют недостаточно внимания своевременной модернизации имеющегося оборудования, в связи с чем качество конечных продуктов часто не отвечает прогрессивным тенденциям и критериям.

Например, доля выхода светлых нефтепродуктов на многих российских и белорусских заводах остается достаточно низкой и нередко не отвечает конкурентным требованиям современного рынка. Для того чтобы составить конкуренцию современным ведущим мировым заводам, каждое предприятие должно быть заинтересовано в повышении любого показателя, влияющего на выход товарного продукта. Повысить показатель глубины переработки сырья позволяет использование нового оборудования, применение современных технологий, тщательная настройка режимов работы всех агрегатов и высокая эффективность использования ресурсов [12].

Например, в современной нефтепереработке контактные устройства бывают насадочные и тарельчатые, которые также подразделяются на различные виды. Так, насадки делят на насыпные и регулярные. Насыпные представляют собой различной формы тела, загружаемые в колонну. Регулярные имеют определённую структуру и последовательность установки в колонну. Максимальная эффективность ведения процесса разделения нефтепродуктов достигается при использовании тех контактных устройств, которые отвечают требованиям данного процесса.

Наиболее общие требования к контактным устройствам [13]:

- 1) коррозионная стойкость в рабочей среде;
- 2) относительно низкие гидравлические сопротивления;
- 3) высокая эффективность на единицу объема;
- 4) простота и удобство изготовления и эксплуатации;
- 5) прочность;
- 6) низкая стоимость.

По сравнению с тарельчатыми контактными устройствами, насадочные устройства обладают высокой энергоэффективностью и низким значением гидравлических сопротивлений, поэтому у них меньше потерь энергии и достаточно высокая способность пропускания компонентов. Чтобы повысить эффективность устройств, следует добиться обязательного равномерного распределения жидкой фазы в каждом отдельно взятом сечении выбранного контактного устройства. Подбор оптимальных параметров устройств и ведения процесса можно осуществить путем моделирования работы контактных устройств и всей колонны в целом [14].

Одним из наиболее важных способов дальнейшего повышения эффективности функционирования химических производств в Беларуси также является процесс автоматизации производства. Автоматизация производства — неотъемлемая часть современных производственных процессов. При автоматизации повышается производительность оборудования, улучшается качество выпускаемой продукции, уменьшаются энергетические и сырьевые затраты. Автоматизация позволяет повысить производительность труда, сократить численность обслуживающего персонала, улучшить условия труда, обеспечить безопасность на рабочих местах.

Современные химические производства характеризуются все возрастающей сложностью и многообразием операций и оборудования. Управление такими производствами возможно лишь при широком использовании методов и средств автоматизации. Развитие автоматизации химической промышленности связано с возрастающей интенсификацией технологических процессов и ростом производств, использованием агрегатов большой единичной мощности, усложнением технологических схем, предъявлением повышенных требований к получаемым продуктам.

Особенно важна автоматизация процессов химической технологии в связи со взрыво- и пожароопасностью перерабатываемых веществ, их агрессивностью и токсичностью, с необходимостью предотвращения вредных выбросов в окружающую среду. Указанные особенности, высокая чувствительность к нарушениям заданного режима, наличие большого числа точек контроля и управления процессом, а также необходимость своевременного и адекватного сложившейся в данный момент обстановке воздействия на процесс в случае отклонения от заданных по регламенту условий протекания не позволяют даже опытному оператору обеспечить качественное ведение процесса вручную. Поэтому в настоящее время эксплуатация процессов химической технологии без автоматизации практически невозможна [15]. Так, например, целью автоматизации процесса каталитического алкилирования фенола высшими олефинами является получение качественного, т. е. с малым содержанием посторонних веществ, удовлетворяющим самые высокие стандарты, монододецилфенола при наиболее высокой степени превращения сырья и экономии материалов. Основной задачей системы автоматизации является контроль основных технологических параметров и поддержание их с помощью регуляторов на определенном уровне согласно технологическому регламенту. Основными параметрами, которые подлежат контролю, являются перепад давления, температуры и расход.

Для обеспечения наилучших условий эксплуатации и унификации средств автоматизации нужно по возможности стремиться к однотипности используемых приборов. Однако выбор системы приборов определяется в первую очередь назначением и характером установки, характеристикой измеряемой среды, пожаро- и взрывоопасностью объекта. Для данного технологического процесса – алкилирования – решено использовать электрическую систему приборов. В связи с тем, что технологический процесс относится к пожаро- и взрывоопасному производству, предусматривается использование приборов контроля и регулирования в противоискровом и взрывобезопасном исполнении [16]. Все датчики и измерительные приборы с электрическим типом передачи сигнала используют ток до 20 мА. Такая схема позволяет исключить дополнительные затраты на преобразователи сигналов, увеличить быстродействие системы, а низкие величины тока в приборах обеспечивают выполнение требований к взрыво- и пожаробезопасности.

Модернизация процесса алкилирования является важным направлением процесса модернизации экономики, имеющим в настоящее время большое значение для эффективного развития таких отраслевых секторов химической промышленности Республики Беларусь, каковыми являются производство химических волокон и нитей, резинотехнических изделий, нефтехимическое производство. Алкилирование – это химическая реакция, в результате которой алкильная группа вводится в органическую молекулу по механизму присоединения или замещения. В качестве алкилирующих агентов используются, как правило, олефины, спирты, сульфаты, галогениды и различные соединения азота, способствующие избирательному присоединению алкильных групп к определенным атомам органических молекул. Часто для проведения реакции алкилирования требуется катализатор. Типичными катализаторами алкилирования являются сильные кислоты. Процесс алкилирования нашёл широкое применение в нефтехимической промышленности. Его используют также в органическом синтезе, медицине и получении высокооктановых компонентов топлива.

Процесс алкилирования ароматических углеводородов в общем виде состоит из следующих стадий:

- подготовка исходного сырья (осушка фенола);
- алкилирование ароматических углеводородов на катализаторе в реакторе алкилирования;
- выделение алкилата, которое включает в себя отгонку непрореагировавших исходных компонентов и выделение целевого продукта.

Алкилирование ароматических углеводородов высшими олефинами в присутствии сульфокатионитов увеличивает выход целевого продукта (более 95%) и сокращает образование побочных продуктов. Это повышает эффективность вовлечения в производство высших моноалкилов более однородного олефинового сырья (олигомеров пропилена и этилена), чем применявшиеся ранее широкие фракции полимербензина и олефинов крекинга парафинов с значительным улучшением качества высших моноалкилов и получаемых на их основе водо- и маслорастворимых поверхностно-активных веществ. В катализаторе огромную роль играет его пористость. Поскольку с увеличением поверхности контакта улучшается реакционная способность, то с увеличением количества пор и высоты катализаторной массы улучшается выход целевых продуктов.

Процесс совершенствования технологии получения высших моноалкилов с применением сульфокатионитов может быть реализован при помощи:

- 1) замены на пористые модификации или полимерные сульфокислоты, нанесенные на пористый инертный носитель (взамен гелеполимерного ионита);
- 2) с использованием "мягкого" режима высушивания и регенерации катализатора с помощью полярного органического растворителя;
- 3) с повышением уровня автоматизации работы промышленных установок [11];

4) на основе утилизации отработанного катализатора и небольшого количества побочных продуктов.

Для развития химической промышленности нужна сбалансированная стратегия сохранения крупнотоннажного производства как сырьевой базы и наращивания цепочек переделов, концы которых должны уходить в малотоннажную химию, в идеальном случае в область малого бизнеса, для которого свойственна существенная экономия на налоговых платежах. Данный вид цепочек должен обеспечивать загрузку основных крупнотоннажных производств. Трудности данной задачи заключаются в низкой инвестиционной активности, отсутствии развитого рынка торговли лицензиями, отсутствии компетенций у субъектов Республики Беларусь для работы в данной сфере. Но самая большая проблема будет связана с реализацией данной продукции. Объем внутреннего рынка химической продукции Республики Беларусь можно оценить как незначительный. Его рост связан с развитием малотоннажной химии, а временной лаг, когда структура продаж изменится в пользу внутреннего спроса, может составлять от 5 до 10 лет. В данный период времени необходимо обеспечить условия для выживания первых производств, которые инвестируют в развитие производственных цепочек. Планирование направлений развития и очередность открытия данных производств может быть организована на основе сочетания двух принципов: административного планирования приоритетных направлений и выбора направления, исходя из конкуренции проектов на рынке инвестиционного капитала. Выбор направлений инвестирования может быть сформирован с помощью мер дополнительного стимулирования в виде предоставления производственных площадей в зависимости от непосредственной близости к крупнотоннажным производствам, обеспечения передачи продукции по трубопроводам, предоставления отсрочки по оплате сырья до момента реализации конечной продукции.

Еще одним конкурентным преимуществом в развитии данного направления должна стать замкнутость продаж на внутренний рынок. Удельный вес внутриреспубликанских продаж должен составлять минимум 50%. В этом случае возникнет возможность более гибко вести торговую политику на внешних рынках, существенно снизив зависимость от одного потребителя, а следовательно, и уменьшить риски остановки производств при введении санкций одним из потребителей или поставщиков. Первоочередной задачей в таком механизме построения логистических цепочек являются оценка и прогнозирование объемов внутреннего рынка химической продукции, а также доступность прогнозов по инвестиционным проектам в отраслях-потребителях продукции [4]. Важно включение в эту систему научной составляющей как потенциальной возможности генерировать новые знания и создавать собственные технологии и новые виды продукции.

Промышленность является важнейшим сектором реальной экономики, определяющим достояние общества. Доля промышленности в ВВП Беларуси —

25,5%. Высокая доля промышленного сектора в ВВП Беларуси обусловлена промышленной политикой республики, направленной на сохранение промышленного сектора и его дальнейшее развитие в системе государственного управления. В исследовании Pricewaterhouse Coopers «Индустрия 4.0. Создание цифрового предприятия» цифровая трансформация предприятия предполагает следующие основные направления изменений: цифровизация бизнес-процессов, цифровизация производимого продукта, внедрение цифровых бизнес-моделей и предоставление доступа клиентам. Сегодня наиболее передовые промышленные компании активно трансформируются в цифровые предприятия. Существует мнение, что благодаря улучшениям, внедряемым внутри предприятий и более тесному сотрудничеству в рамках всей цепочки создания стоимости, в следующие пять лет расходы трансформированных предприятий будут сокращаться на 3,6 % в год. При этом предполагается, что благодаря повышению уровня цифровизации продукции и услуг, а также предложению новых цифровых услуг на всех этапах производства вплоть до хостинговых платформ, на которых разместятся промышленные экосистемы, выручка будет расти на 2,9 % в год [6].

В соответствии с проделанным анализом можно сделать выводы о том, что белорусские промышленные предприятия запаздывают в применении цифровых технологий в промышленности, а объемы производства высокотехнологичной продукции недостаточно велики. Запаздывание является следствием невысокого технико-технологического уровня большинства предприятий промышленного комплекса Республики Беларусь. Повышение технико-технологического уровня предприятий связано с необходимостью наращивания объема выпуска высокотехнологичной продукции, что неизбежно будет способствовать цифровой трансформации предприятия, т. е. внедрению цифровых технологий в производство. Удельный вес предприятий, реализующих технологические инновации, в общем числе организаций промышленности Беларуси уже целое десятилетие колеблется в пределах около 25%. Запаздывание инновационного развития промышленного комплекса Республики Беларусь происходит на фоне бурного развития белорусского IT-сектора, который сегодня считают одним из наиболее динамично развивающихся в европейском регионе [9]. IT-сектор являлся основным драйвером роста экономики Беларуси в предыдущие годы, а в настоящее время при ухудшении ситуации в перерабатывающей промышленности он компенсирует, в том числе дополнительные потери из-за недавней пандемии коронавируса.

Имеющаяся значительная диспропорция между уровнем промышленного производства и развитием IT-отрасли обусловлена как внутренними причинами, связанными с разделением собственности объектов белорусской экономики, так и с внешними, связанными с политическим и экономическим (санкционным) давлением стран Запада на Республику Беларусь [7]. Принятые

в Беларуси стратегические программные документы содержат в себе все необходимые стимулы для достижения в краткосрочной перспективе высокого уровня цифровизации производства, услуг и бизнес-моделей в стране.

Современная экономика, основанная на знаниях, требует все более и более высокотехнологичных производств, повсеместного внедрения инноваций. Постоянно возрастает роль научно-технического прогресса в обеспечении конкурентоспособности отечественной промышленности [8]. Согласно концепции эндогенного технологического прогресса, инвестиции в научные исследования и инновации увеличивают суммарный уровень технологий в экономике и обеспечивают её устойчивый и долгосрочный рост. Как следствие, экономика, располагающая такими ресурсами, как человеческий капитал и развитая наука, имеет в долгосрочной перспективе лучшие шансы для роста, чем экономика, лишенная этих преимуществ. Усилия государства должны быть направлены, с одной стороны, на защиту результатов научных исследований и разработок, должны способствовать их коммерциализации и внедрению инноваций в производство; с другой стороны, поддерживать фундаментальные исследования, являющиеся базисом для совершения научных открытий в будущем.

Научно-технологический потенциал представляет собой совокупность располагаемых, привлекаемых и мобилизуемых кадровых, информационных, финансовых, материально-технических и организационно-управленческих ресурсов и возможностей общества (государства, отрасли промышленности, организации) для достижения поставленных целей научно-технологического развития и характеризует способность предприятий проводить научно-исследовательские работы по созданию новшеств с их последующим преобразованием в инновацию. Повышение научно-технического потенциала способствует:

1. Развитию отраслевой науки путём создания отраслевых лабораторий, которые будут тесно взаимодействовать с промышленными организациями.
2. Разработке и приобретению высокотехнологичных патентов и лицензий с последующей коммерциализацией.
3. Формированию инновационно-промышленных кластеров [10].

Республике Беларусь необходимо активно использовать тенденции роста потребления, наблюдаемые в мировой экономике. В конечном счете именно возможности общества накапливать и объединять производительные знания своих граждан определяют его способность диверсифицироваться и производить товары, которые являются технически более сложными и конкурентоспособными на международных рынках и производство которых открывает новые возможности перед всей отечественной экономикой. Для сохранения самостоятельности и стабильности в получении научной, природной и производственной ренты внутри страны необходимо сохранять и развивать собственные цепочки производств на основе полученных в Республике Беларусь полуфабрикатов.

Необходимость импортозамещения диктуется агрессивной конкурентной политикой США и Евросоюза, направленной на протекционизм и пересмотр торговых соглашений, на ущемление Беларуси в партнерских отношениях при создании высокотехнологичной продукции, в поставках белорусских товаров на зарубежные рынки. Одновременно санкции вызывают подъем национальной экономики за счет принимаемых мер противодействия — стимулирования и поощрения экспортной деятельности, импортозамещения и инвестиций в отечественную промышленность, что в целом снижает финансовую и технологическую зависимость от западных государств. Преимущества промышленной политики, направленной на сетевое взаимодействие, в сложившихся условиях необходимо реализовать в рамках Союзного государства и ЕАЭС с акцентом на интеграцию, включая развитие промышленной кооперации по разработке и выпуску высокотехнологичной продукции путем создания совместных масштабных инновационных проектов в производственной сфере. В отличие от международного торгового сотрудничества, сотрудничество в научно-технической сфере и в области инноваций напрямую зависит от промышленной кооперации, дающей гарантию долгосрочной и саморазвивающейся интеграции.

Современная промышленная политика республики Беларусь в плане интеграции многовекторна и направлена, с одной стороны, на интеграцию белорусских и российских предприятий при условии сохранения национального статуса ведущих белорусских предприятий под государственным управлением, а с другой — на создание совместных предприятий, особенно в ресурсодобывающей отрасли. Существует множество успешных примеров функционирования российских предприятий на территории Беларуси и белорусских — на территории России, осуществляющих взаимовыгодную деятельность. Известны также противоречия, возникающие на почве разделения собственности, которые тормозят развитие взаимовыгодной промышленной интеграции и кооперации. Имеющиеся противоречия могут быть успешно разрешены на основе использования единой, четко определенной и сбалансированной в межнациональном отношении промышленной политикой, реализуемой в рамках Союзного Государства, важным аспектом которой может явиться согласованное взаимодействие при определении структуры и построении сетевой экономики, основанной на цифровизации индустрии. Напомним, что именно глубокие промышленные и научные интеграционные связи между российской и белорусской экономикой способствовали устойчивости политической системы в период спровоцированного Западом извне внутривнутриполитического противостояния в кризисном для Беларуси 2020 г.

Однако в рамках интеграции России и РБ необходимо решить ряд вопросов, препятствующих дальнейшему развитию торгово-экономических отношений, включая:

- 1) формирование общей макроэкономической системы, включая синхронизацию стратегического управления;
- 2) выработку единых принципов налогообложения по НДС и акцизам;
- 3) создание объединенного рынка углеводородов (вследствие чего цены на газ для Беларуси могут быть приравнены к внутрироссийским);
- 4) унификацию регулирования авиационного, железнодорожного, водного и автомобильного рынков;
- 5) гармонизацию законодательства в сферах торговли и общепита;
- 6) отмену международного роуминга между странами Союзного государства.

Подводя итоги, следует отметить, что интеграционное направление российско-белорусских отношений охватывает многие отрасли экономики, однако наиболее привлекательным объектом остается промышленность. Именно переориентация России и РБ на импортозамещение позволит объединить технический и производственный потенциалы двух стран и направить их в нужное русло – на создание продукции в рамках совместного производства и продвижение ее на рынки третьих стран [10].

Что касается нефтехимической отрасли, то внедрение эффективного экологического компонента позволит выработать согласованную экологическую программу развития отраслевых предприятий. Такого рода программа позволит осуществлять более результативную природоохранную деятельность на предприятиях, учесть экологические риски и выбрать наилучшие доступные методы их ограничения. Все это будет способствовать процессу экологизации химического производства. Разработка и функционирование комплексной программы должны осуществляться в рамках экологической политики соответствующих предприятий и включать направления деятельности, связанные с подбором необходимых эколого-правовых средств, применяемых в соответствии с требованиями природоохранного законодательства и с учетом положений Национальной стратегии устойчивого развития до 2030 года:

1. Оценку экологических рисков предприятия с учетом специфики нефтехимической промышленности.
2. Сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды в рамках инновационно-промышленного нефтехимического кластера.
3. Связь с общественностью, информирование о результатах деятельности, влияющей на состояние окружающей среды, с учетом тенденций развития «зеленой» цифровой экономики [2].

Таким образом, комплексная программа развития предприятий представляет собой набор эколого-правовых мер, направленных на реализацию природоохранной деятельности предприятия, которое специализируется на выпуске нефтехимической продукции с целью реализации его природоохранной политики. В основу данной программы должны быть включены основные элементы правового механизма, к которым следует относить как императивные

инструменты (комплексное природоохранное разрешение, экологический паспорт предприятия, производственные наблюдения, локальный мониторинг, экологическое лицензирование, экологический аудит), так и добровольно применяемые инструменты (экологическая сертификация, экологическое страхование). Набор эколого-правовых средств может при этом отличаться по своему содержанию в зависимости от условий осуществляемой экономической деятельности. Каждая мера эколого-правового характера направлена на учет видов вредного воздействия на окружающую среду (выбросы в атмосферу, сбросы сточных вод и размещение твердых отходов). Отдельного внимания заслуживают инструменты экологического страхования и экологической сертификации, поскольку данные средства охраны окружающей среды выступают добровольными мерами, но экологическая эффективность от их реализации на предприятии способствует достижению целей природоохранного законодательства.

В рамках развития цифровой экономики перспективным направлением будет разработка интернет-платформ для осуществления мониторинга выбросов загрязняющих веществ (а также сбросов жидких и размещения твердых отходов); использование этих платформ позволит отслеживать в режиме-онлайн поступление загрязняющих веществ в атмосферу и водные объекты и формировать на основе смарт-технологий реальную картину состояния окружающей среды в регионе. В свою очередь, это позволит оперативно информировать общественность о результатах влияния хозяйственной деятельности химических предприятий на окружающую среду и улучшить их экологический имидж. Перспективная модель сотрудничества в рамках инновационно-промышленного нефтехимического кластера повысит инвестиционную привлекательность химической промышленности, обеспечит высокие темпы экономического роста и будет способствовать инвестированию в производство экологически чистых продуктов [5].

Хотелось бы также отметить, что, кроме вышеизложенных проблем, существенную роль играет логистика. Хотя более 80% товаров в мире доставляется по морю, но Республики Беларусь не имеет морских границ, что существенно сказывается на функционировании химической промышленности. В настоящее время активно используются порты Российской Федерации. Также в ходе дедолларизации экономики, которая стала ответом на ограничения со стороны недружественных стран, растёт опыт применения криптовалют. Эта тенденция начала развиваться еще в 2017 году с подписанием Декрета № 8 «О развитии цифровой экономики». Однако для дальнейшего развития требуется перенимать опыт у таких стран, как Венесуэла и Иран, которые также находятся под колоссальным внешним давлением.

Исходя из анализа выявленных проблем и определения перспектив развития химической промышленности Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что в ближайшие годы необходимо предпринять большие усилия,

связанные с научными разработками, экологическими проблемами, процессом цифровизации. Наряду с IT-сектором химическая промышленность является одним из краеугольных камней экономики Республики Беларусь. Как и другим отраслям промышленности, являющимся национальным достоянием, химической промышленности необходимо качественное управление отраслью, тем более в столь сложное время, связанное с усилением санкционного давления со стороны западных государств. Большие надежды также связаны с реализацией совместных программ в рамках Союзного государства, СНГ и в экономических объединениях, таких как ЕАЭС, БРИКС. В условиях формирования новых мировых центров именно данные организации могут стать полюсами, точками роста благосостояния населения, подъема национальной экономики и устойчивости государственных структур.

Литература

1. Основные положения проекта программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Osnovnye-polozenija-proekta-PSER-na-2021-2025.pdf> – Дата доступа: 28.03.2023.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2015. № 4. С. 6–99.
3. The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy. World Economic Forum, 2012, p. 21. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC_GlobalTradeSystem_Report_2012.pdf (дата доступа: 30.03.2023).
4. *Ивановский В.В.* Тенденции создания и развития химических производств в Республике Беларусь // Эпоха науки. 2021. № 27. С. 63–68.
5. *Селищева Т.А.* Структурные трансформации и проблемы формирования информационной экономики России: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.А. Селищева. СПб., 2006. – 32 с.
6. Минфин. Валовой внутренний продукт. URL: <https://myfin.by/wiki/term/valovoj-vnutrennij-produkt> (дата доступа: 28.03.2023).
7. *Лепеш Г.В.* Анализ состояния промышленного комплекса Республики Беларусь с точки зрения перспектив цифровизации производства, услуг и бизнес-моделей // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2021. № 4 (58). С. 3–11.
8. Сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2022/07/06/rossiia-i-belarus-kak-kompanii-soiuznyh-stran-stroiat-novuiu-ekonomicheskuiu-realnost.html> (дата доступа: 30.03.2023).
9. *Павлов К.В.* О цифровизации экономики на постсоветском пространстве / К.В. Павлов, О.В. Носова, Н.Р. Асадуллина // Общество и экономика. 2020. № 11. С. 76–84.
10. *Гусаков В.Г.* Наука. Информационное общество. Республика Беларусь – 25 лет созидания и свершений // Минск: Белорусская наука. 2020. – 779 с.
11. *Михайлова А.И.* Роль экологического комплекса в природоохранной деятельности юридического лица: правовой аспект (на примере нефтеперерабатывающего предприятия ОАО "Нафтан") // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 5. С. 120–125.
12. *Покровская С.В.* Инновационные идеи модернизации процесса алкилирования фенола с целью повышения качества алкилата / С.В. Покровская, Е.Я. Корбут // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 11. С. 101–107.

13. *Захаров М.К.* Энергетическая эффективность процесса ректификации // Тонкие химические технологии. 2015. № 1. С. 29–33.
14. *Жданев О.В.* О приоритетных направлениях и развитии технологий переработки нефти в России / О.В. Жданев, В.В. Корнеев, А.С. Рубков // Журнал прикладной химии. 2020. № 9. С. 1263–1274.
15. Контрольно-измерительные приборы ОВЕН. 2009. URL: <http://www.owen.ru> (дата доступа: 07.03.2023).
16. Экономика на постсоветском пространстве в условиях новых патологических вызовов и процессов цифровизации: монография / Монография под научной ред. К.В. Павлова // Ижевск: Шелест. 2021. – 644 с.

Konstantin Pavlov (e-mail: kvp_ruk@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor, Professor,
Department of Economics, Saint Euphrosyne Polotsk State University.
(Novo-Polotsk, Republic of Belarus)

Vladimir Zhdanovich (e-mail: 21mbaz.zhdanovich.v@pdu.by)

Postgraduate Student,
Department of Economics, Saint Euphrosyne Polotsk State University,
(Novopolotsk, Republic of Belarus)

DEVELOPMENT TRENDS AND PROBLEMS IN THE CHEMICAL INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS UNDER INCREASED SANCTION PRESSURE

The article analyzes the key problems and determines the prospects for the development of the chemical industry of the Republic of Belarus in the face of tightening sanctions recently adopted by Western states. The processes of digitalization, modernization and automation of the production of chemicals, are considered, as well as improving the environmental status of chemical industry and strengthening integration relations with Russian enterprises through the use of import substitution methods for manufactured products.

Keywords: chemical industry, tougher sanctions, integration, Republic of Belarus, digitalization, greening of production.

DOI: 10.31857/S020736760026575-1

© 2023

Фируза Байбобоева

заведующая кафедрой Наманганского инженерно-технологического института

(г. Наманган, Республика Узбекистан)

(e-mail: firuzanabijonovna@mail.ru)

О ФАКТОРАХ, УГРОЖАЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются факторы, угрожающие экономической безопасности предприятий легкой промышленности. К таким факторам автор относит критический дефицит предложения отечественной продукции, соответствующей моде и отвечающей вкусовым предпочтениям потребителя, а также — обусловленную дефицитом ориентацию потребителя на импортные товары.

Ключевые слова: экономическая безопасность, предприятия легкой промышленности, импортные товары, анализ продаж, интернет-магазины.

DOI: 10.31857/S020736760026576-2

Угрозой экономической безопасности предприятия легкой промышленности является ориентация потребителя на импортные товары, вызванная устойчивым на протяжении длительного времени критическим дефицитом предложения отечественной продукции, соответствующей моде и отвечающей вкусовым предпочтениям потребителя. Сегодня, если предприятие не модернизирует свою бизнес-модель в соответствии с изменениями внешней среды, то становится довольно сложно конкурировать даже на внутреннем рынке, доля которого автоматически уступается зарубежным конкурентам. Как только эти процессы приобретают устойчивый характер и становятся присущи большому числу хозяйствующих субъектов, это подрывает конкурентоспособность отрасли в целом и негативно сказывается на экономической безопасности государства. Экономическая безопасность промышленных предприятий «выступает важнейшей компонентой экономической безопасности страны» [1]. В этой связи угрозы экономической безопасности, приобретая устойчивый характер по отношению к различным промышленным предприятиям, правомерно рассматривать как потенциальные угрозы экономической безопасности отрасли, а в условиях развитой системы разделения и кооперации труда — и как потенциальные угрозы экономической безопасности страны.

Рассмотрим действие данного принципа на примере механизмов реагирования предприятия на изменения потребительского спроса. Роботизация и цифровизация трансформируют не только хозяйственные, производственные и трудовые отношения, но и всю совокупность общественных отношений, включая поведение потребителей, которое становится более вариативным

в результате цифровизации, воздействия общественно-функциональных инноваций, снижения результативности традиционных механизмов продвижения товара, включая рекламу. Усложнение управления механизмами потребительского выбора требует наиболее адекватного реагирования со стороны производителей. В этих условиях легкая промышленность оказывается особенно уязвима, поскольку модернизация отрасли не завершена, многие предприятия используют устаревшие управленческие и маркетинговые технологии. Такие тенденции в легкой промышленности, как ускорение модных циклов, проникновение общественно-функциональных инноваций в конкуренцию, цифровизация, роботизация, кастомизация, персонализация, ускоренное развитие информационно-коммуникационных технологий, интеграция виртуальных и реальных бизнес-процессов обуславливают смещение центров капитализации прибыли в цепочках создания добавленной стоимости.

Если во второй половине XX в. наблюдалось их движение от непосредственно материального производства к дизайну, маркетингу и логистике, то сегодня они смещаются в сферу создания и обслуживания компьютерных систем управления бизнес-процессами и систем управления технологическими процессами использования больших данных. Исследования показывают, что технологии больших данных в индустрии моды чаще всего используются при реализации таких функций, как прогнозирование спроса, оптимизация ценообразования, управление цепочками поставок и анализ поведения потребителей [2].

На смену традиционным инструментам прогнозирования изменения потребительских предпочтений, анализу продаж и свободному творчеству дизайнера приходят цифровые инструменты. Они позволяют собирать данные из твитов, комментариев, хэштегов и даже эмодзи, в социальных сетях, данные о поиске товаров в интернете и о товарах, купленных в большом количестве интернет-магазинов, данные рекомендаций инфлюенсеров и выявлять на их основе тенденции изменения вкусов, предпочтений и моды. Развитие этих технологий обусловило усиление специализации и возникновение нового вида услуг: сбор, обработка, анализ и продажа данных об изменении модных трендов для предприятий индустрии моды, что необходимо им для формирования маркетинговых стратегий (предложение нужного товара по подходящей цене в определенное время заинтересованному покупателю).

Возникают высокотехнологичные предприятия в новом сегменте — например, такие как EDITED, Trendalytics, StyleSage, предлагающие в качестве товара релевантную информацию. Сбор и анализ больших данных позволяет на самых ранних этапах выявлять изменения потребительских предпочтений и тем самым открывать доступ к конкурентным преимуществам в скорости реагирования на изменения спроса.

Назовем лишь некоторые из выделенных Л.И. Дроздович эффектов и трендов, сопровождающих цифровизацию поведения современного потребителя:

«коллаборативные формы взаимодействия между производителем и потребителем»; «сетевые эффекты»; «возможность интерактивного управления взаимодействием с потребителем»; эффекты, связанные с использованием «цифровых возможностей формирования новой структуры коммуникационной политики» [3] и др. В условиях снижения приверженности бренду и потребительской лояльности использование устаревших механизмов продвижения в разы повышает риски потери клиента.

Однако исследователи, проводившие эмпирический сравнительный анализ традиционных инструментов прогнозирования модных тенденций и инновационных инструментов анализа больших данных, приходят к выводу, что, хотя «результаты исследования свидетельствуют о большом потенциале использования инструментов больших данных для прогнозов модных компаний и создания новых продуктов» [4], поскольку многие из парных прогнозов демонстрируют высокую степень сходства в части цветовой гаммы и принтов, но тем не менее «традиционное прогнозирование модных тенденций не исчезнет в ближайшее время, и большие данные никогда не смогут полностью заменить дизайнеров, которые часто не только предсказывают, но и способствуют созданию оригинальных, совершенно новых модных тенденций» [5]. Таким образом, ядро конкуренции в легкой промышленности перемещается в сферу продвижения товаров, в частности — технологий управления неценовыми факторами потребительского выбора, а цифровизация позволяет использовать новые (цифровые) инструменты этого управления. Высокая дифференциация потребителей и зависимость экономических показателей предприятия от труднопрогнозируемого спроса свидетельствует о возрастающей роли маркетинговой составляющей и неценовых факторов в достижении экономической эффективности предприятия. В этих условиях важнейшими конкурентными преимуществами предприятия легкой промышленности становятся гибкость, адаптивность и скорость реагирования на изменения внешней и внутренней среды. Происходит усиление влияния таких факторов, как качество информационного обмена (скорость и чистота прохождения информации) и социального обмена (уровень доверия и сотрудничество). Нехватка маркетинговых инноваций приводит к возникновению дополнительных рисков — зачастую производители обладают поверхностной информацией о рыночных тенденциях, что обуславливает возникновение ошибок в формировании торговой политики и управлении рисками. Ускорение производственных циклов обуславливает необходимость интенсификации процессов разработки продукции, принятия управленческих решений, обновляемости сырья, инновационной активности, взаимодействия с партнерами и совершенствования информационного обмена внутри предприятия и с внешней средой. Поставщики информационных услуг, создающие платформы для контактов производителей и потребителей, начинают играть роль не меньшую, чем традиционные торговые посредники. «IT-компании

создают в социуме и в экономике новые структуры, в которых пользователи сгруппированы по различным признакам, где приняли очевидную форму новые узлы социальных связей, вокруг которых сложились глобальные экономические сети» [6]. В качестве таких платформ выступают электронные площадки по продвижению и продаже товаров, социальные сети, виртуальные системы, позволяющие частично автоматизировать процесс потребительского выбора. Это обуславливает необходимость принятия мер по интеграции виртуальных элементов в реальные производственные и бизнес-процессы. Информационные технологии служат инструментом повышения их эффективности за счет повышения гибкости и скорости реагирования на запросы потребителей и изменение трендов (поведенческих, технологических, сырьевых). Экономически эффективное сокращение длительности производственных циклов и повышение гибкости производственных систем на основе цифровизации, автоматизации и гибкой роботизации позволит обеспечить переход к мелкосерийному производству и частой смене ассортимента. Без решения этой задачи отечественные предприятия не смогут конкурировать даже на внутреннем рынке. Гибкость производства наряду с внедрением маркетинговых и организационно-управленческих инноваций обеспечат быстрое реагирование на изменение потребительского спроса (зарубежным конкурентам с момента выявления модной тенденции требуется всего несколько недель для производства и поставки товара в магазин). В ином случае необходимо быстрыми темпами развивать торгово-сбытовую сеть, охватывающую как можно больше регионов. В условиях, когда современные тренды в мировой легкой промышленности и индустрии моды, такие как кастомизация и персонализация, не в полной мере восприняты и используются в качестве инструментов обеспечения спроса отечественными производителями, географическая и ассортиментная диверсификация экспорта позволяет воспользоваться преимуществами, которые дает уникальность товара.

Таким образом, на примере угрозы потери внутреннего рынка вследствие использования устаревших управленческих и маркетинговых технологий на предприятиях легкой промышленности в условиях жесткой конкуренции в скорости реагирования на изменения потребительского спроса, которая по существу уже формируется, нами показано, что многие вызовы и угрозы для экономической безопасности страны могут быть своевременно выявлены и нейтрализованы на уровне предприятия. Сегодня вне зависимости от используемой бизнес-модели предприятиям рекомендуется сокращать длительность производственных циклов и повышать гибкость производственных систем, что позволит перейти к мелкосерийному производству.

Гибкость производства, переход к мелкосерийному производству наряду с внедрением маркетинговых и организационно-управленческих инноваций обеспечат технологическую возможность быстрого реагирования на изменения

потребительского спроса. Кроме того, в отечественной индустрии уже сформировался запрос на выполнение мелкосерийных заказов отечественных дизайнеров на оборудовании и с использованием трудовых ресурсов промышленных предприятий.

В условиях расширения информационного пространства, смещения экономических отношений в интернет и трансформации экономической конкуренции за счет общественно-функциональных технологий, направленных на нанесение предприятию-конкуренту как экономических, так и репутационных потерь, усиливаются риски допущения таких форм недобросовестной конкуренции, как дискредитация, введение в заблуждение, некорректное сравнение, незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности, создание путаницы, незаконные действия с охраняемой законом тайной. Наряду с перечисленными формами недобросовестной конкуренции, запрещенными законом, на практике распространены ситуации, когда, во-первых, формально действия конкурента не относятся к запрещенным или это на практике недоказуемо (например, неявная дискредитация конкурента, коммерческая разведка); во-вторых, очень сложно выявить источник агрессии (например, множество негативных отзывов подставных лиц-«потребителей» товара / услуги; распространение негативного мнения о продукции предприятия, в том числе ботами, формирующими заведомо нужное агрессору восприятие) и, соответственно, нейтрализовать источник угрозы. В качестве угрозы конкурентоспособности промышленных предприятий, имеющей зачастую не внешние, а внутренние источники, является недостаток доверия к отрасли со стороны потребителей и со стороны потенциальных партнеров (в особенности малых предприятий и индивидуальных предпринимателей). В частности, со стороны субъектов малого бизнеса в адрес крупных предприятий, особенно находящихся полностью или частично в государственной собственности, нередко звучит обвинение в несоблюдении договорных обязательств. Последствиями этого являются падение деловой репутации, потеря партнеров, снижение выручки предприятия. В условиях цифровизации информационного пространства риски нанесения ущерба деловой репутации — одному из важнейших нематериальных активов предприятия — возрастают. Возникающая при этом в средствах массовой информации реакция на проблемы в работе с крупными предприятиями еще больше снижает доверие к отечественному производителю. В этой связи предприятиям отечественного легпрома необходимо разработать и реализовать комплекс мер по наращиванию деловой репутации, начиная со стратегического плана повышения деловой репутации на пятилетний период, включающего в себя направления и инструменты работы конкретных функциональных подразделений по повышению деловой репутации; стимулирующие меры для сотрудников, достигающих значимых результатов в этом направлении; санкции за совершение действий, приводящих к снижению деловой репутации.

ции предприятия. Таким образом, экономическая безопасность легкой промышленности подвержена рискам в контексте возможности подрыва конкурентоспособности предприятия без явного нарушения законов. Важнейшими факторами эффективности предприятия легкой промышленности в краткосрочном периоде становятся время (скорость реагирования на изменения спроса) и общественно-функциональные технологии (использование фактора моды). Именно они зачастую и становятся уязвимыми местами для причинения ущерба, поскольку экономические риски для предприятия возрастают, если оно оказывается неспособно быстро отреагировать на внешнее воздействие.

Таким образом, на примере управления промышленными объектами в контексте обеспечения экономической безопасности, включая борьбу с контрафактом, можно видеть, что интересы общества, государства и добросовестных субъектов хозяйствования совпадают. Следовательно, действия по укреплению экономической безопасности предприятия и получению социально-экономической выгоды коррелируют с целями усиления экономической безопасности страны. Более того, на примере борьбы с контрафактной продукцией показано, что только при участии всех заинтересованных субъектов такая борьба может быть эффективна.

Литература

1. Солодовников С.Ю. Изменение парадигмы национальной безопасности в условиях экономики рисков // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2019. № 3 (49). С. 55–61.
2. Silva E. Big Data in fashion: transforming the retail sector / E. Silva, H. Hassani, D. Madsen // Journal of Business Strategy. 2019.
3. Дроздович Л.И. Трансформация маркетинга и цифровизация поведения потребителей // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы. Сборник трудов XIII Международной научно-практической конференции. Редколлегия: К. К. Шебеко [и др.]. 2019. С. 153–155.
4. DuBreuil M. Traditional vs. big-data fashion trend forecasting: an examination using WGSN and EDITED / M. DuBreuil, S. Lu // International Journal of Fashion Design, Technology and Education. 2020. P. 1–10.
5. Васюченко Л.П. Некоторые вопросы теории развития сетевых структур // Менеджмент предпринимательской деятельности: материалы XVI Международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, Симферополь, 12–13 апреля 2018 г. / отв. ред. Н. Д. Стахно, О. Е. Почупайло // Симферополь, 2018. С. 92–96.
6. Мелешко Ю.В. Информационно-коммуникационные услуги как фактор обеспечения технологической безопасности производственного сектора: теоретические основы и опыт Республики Беларусь / Ю. В. Мелешко // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2019. № 2 (48). С. 54–60.

Firuz Bayboboeva (e-mail: firuzanabijonovna@mail.ru)

Head of Department,

Namangan Institute of Engineering and Technology

(Namangan, Republic of Uzbekistan)

ON FACTORS THREATENING THE ECONOMIC SECURITY OF LIGHT INDUSTRY ENTERPRISES

The factors that threaten the economic security of light industry enterprises are highlighted in the article. The author refers to such critical problems as long-term shortage of locally produced items that meet consumers' taste and demand for fashionable goods. It is emphasized, that such shortages contribute to the development of preferences for imported goods which is not easy to overcome.

Keywords: economic security, light industry enterprises, imported goods, sales analysis, online stores.

DOI: 10.31857/S020736760026576-2

© 2023

Екатерина Романчук

аспирант, младший научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук (г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ)

В последние годы Международная ассоциация развития (МАР), созданная для предоставления финансовой поддержки бедным государствам, значительные средства вкладывает в страны Центрально-Азиатского региона, в особенности в Узбекистан. Анализ деятельности международной организации за прошедшие три десятилетия в государствах этого региона показал, что эксперты МАР часто переоценивают возможности их правительств осуществить запланированные преобразования и выйти на траекторию устойчивого и инклюзивного роста. Причинами небольшой эффективности проектов и программ, финансируемых из средств МАР, зачастую являются институциональные сложности, возникающие из-за низкого качества государственного управления. В период до середины 2000-х годов в некоторых случаях отмечалось недостижение заявленных в проектах и программах целей вследствие ошибок, допускаемых экспертами МАР, при структурировании сделок.

Ключевые слова: МАР, Всемирный банк, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, кредиты, гранты.

DOI: 10.31857/S020736760026577-3

Проблема неравенства между развитыми и развивающимися государствами с 1960-х годов является одной из центральных в вопросах развития мировой экономики. С целью нивелирования диспропорций между двумя этими группами стран в последние десятилетия используются различные инструменты, наиболее значимым из которых стала официальная помощь развитию, предусматривающая предоставление наиболее бедным государствам «дешевых» кредитных ресурсов и грантов для реализации проектов и программ в социально-экономической сфере. Согласно недавнему докладу Организации экономического сотрудничества, до 40% средств, выделяемых развитыми странами на указанные цели, поступало через многосторонние институты развития — такие как Международная Ассоциация развития (далее — МАР, Ассоциация) [1].

МАР была создана в середине XX в. в качестве института, дополняющего Международный банк реконструкции и развития (далее — МБРР), для содействия развитию государств с низким уровнем дохода на душу населения¹. Отличительной особенностью таких государств является отсутствие возможностей

¹ Право на получение ресурсов МАР определяется в первую очередь относительной бедностью участника программы. Относительная бедность определяется как валовой национальный доход на душу населения ниже установленного порогового значения и обновляется ежегодно. Для 2023 ф. г. пороговый показатель составляет 1 255 долл. (2022 ф. г.: 1 205 долл.).

для осуществления заимствований на международном рынке капитала или ограниченный доступ к нему, а также сложности с обеспечением возврата взятых кредитов. Поэтому МАР выдает им кредиты на срок до 40–50 лет и под низкую процентную ставку, а в отдельных случаях предоставляет грантовое финансирование. Когда развитые государства имеют желание дополнить финансовую поддержку Ассоциации без принятия на себя дополнительного бремени по контролю за эффективным и целевым расходованием средств, они создают специальные фонды, передаваемые в управление МАР.

Особенности оценки эффективности финансируемых МАР проектов и программ. Российские ученые М.Ю. Головнин и Р.С. Гринберг, оценившие итоги развития постсоветских стран за последние три десятилетия на основе анализа динамики основных макроэкономических показателей, отмечали «расслоение» государств вследствие неравных начальных условий и трансформации их экономик, произошедшей за время независимости [2. С. 24]. Наиболее заметным различием постсоветских стран стала разница в доходе на душу населения. Так, если в 1991 г. доход на душу населения в Казахстане был в 6,1 и 2,6 раза выше, чем в Таджикистане и Киргизии, то в 2021 г. разрыв увеличился до 9,6 и 8,1 раза. К началу 2020-х годов валовый внутренний доход на душу населения в России, Казахстане и Белоруссии был самым высоким среди постсоветских стран, а в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане — наименьшим².

Наша страна, участвуя наряду с другими постсоветскими странами в МАР, но имея более развитую экономику, на протяжении последних двух десятков лет, помимо прямого финансирования деятельности Ассоциации, принимала участие в формировании ресурсов ряда управляемых ею целевых фондов как, например, Целевой фонд для развития потенциала в регионе Европы и Центральной Азии (англ. Europe and Central Asia Region Capacity Building Development Trust Fund). Вместе с тем, несмотря на активность Российской Федерации по данному направлению, эффективность работы Ассоциации в странах-заемщиках не получила должного освещения в российской научной литературе. До недавнего времени обзор деятельности МАР наряду с другими международными финансовыми организациями в странах Содружества Независимых Государств проводил только Евразийский банк развития, но публикуемые им отчеты содержали преимущественно статистическую информацию и не включали анализа результатов финансируемых проектов и программ³.

Восполняя данное упущение, мы предприняли попытку на основе опубликованных документов Всемирного банка (в т. ч. заключений Независимой группы оценки о результатах реализации проектов, программ и стратегий отдельных стран) оценить по годам, насколько активна была МАР на постсоветском

² Данные по Туркменистану за 2020 и 2021 г. отсутствуют.

³ См., например, Обзор Евразийского банка развития инвестиционной деятельности международных банков развития в IV квартале 2020 г. [3].

пространстве, как с точки зрения вложенных ее средств, так и с точки зрения средств доноров, привлеченных в финансируемые Ассоциацией проекты и программы.

Однако прежде следует отметить сложности, ограничивающие изучение данного вопроса.

Политикой Всемирного банка предусмотрена обязательная публикация всей информации по проектам и программам, финансируемым из средств МАР и МБРР, включая документы об оценке, соглашения о займе / кредите и отчеты об имплементации [4]⁴, поэтому трудности, с которыми можно столкнуться в процессе анализа документации двух указанных институтов, на первый взгляд, не очевидны. Однако, как отметил Д.Л. Нильсон, Б. Паркс и М. Дж. Тирни, зачастую невозможно установить четкие каузальные связи между объемом предоставленного странам финансирования и улучшением их макроэкономических показателей, в том числе по причине ограничений, связанных с качеством и охватом данных наблюдений [5. Р. 158]. Одновременно с этим к искажению данных и, как следствие, к ошибочным выводам в ряде случаев могут приводить причины технического характера, к которым, в частности, относятся расхождения между данными на официальном сайте Всемирного банка и в документах по проектам и программам, а также внутри документов; случается также, что необходимая информация отсутствует на официальном сайте международной организации. Если указанные ошибки технического характера в процессе анализа можно устранить, то оценка эффективности МАР на постсоветском пространстве требует комплексного подхода. Поэтому в данной статье акцент в большей степени был сделан на суммах средств, которые ежегодно одобрялись к получению государствами-заемщиками с учетом последующих корректировок. Денежные средства из различных валют переводились в американский доллар по курсу на дату утверждения проекта и выделения гранта.

За тридцатилетнюю историю сотрудничества МАР с постсоветскими государствами на этот регион приходилось не более 4,2% кредитного портфеля организации (рис. 1). Традиционно основными заемщиками МАР были закавказские республики — Армения, Грузия и в меньшей степени — Азербайджан и Киргизия, а с середины 2010-х годов к ним присоединился Узбекистан, на который по итогам 2022 ф. г. пришлось до 40% всех кредитов, выданных МАР постсоветским государствам.

Оценить ежегодные объемы грантовых средств, предоставленных Ассоциацией постсоветским странам, не представляется возможным ввиду отсутствия дезагрегированных показателей в годовой и финансовой отчетности МАР. Однако можно предположить, что при наличии данных показателей доли отдельных постсоветских государств, в том числе Таджикистана и Киргизии, в общем

⁴ Не публикуются только документы, подготовка которых осуществлялась в рамках платных консультативных услуг Всемирного банка.

объеме полученных от Ассоциации средств были бы существенно выше. Вследствие этого проведение странового анализа в разрезе проектов и программ, финансируемых из средств МАР, является единственным способом формирования объективной картины деятельности Ассоциации на постсоветском пространстве.

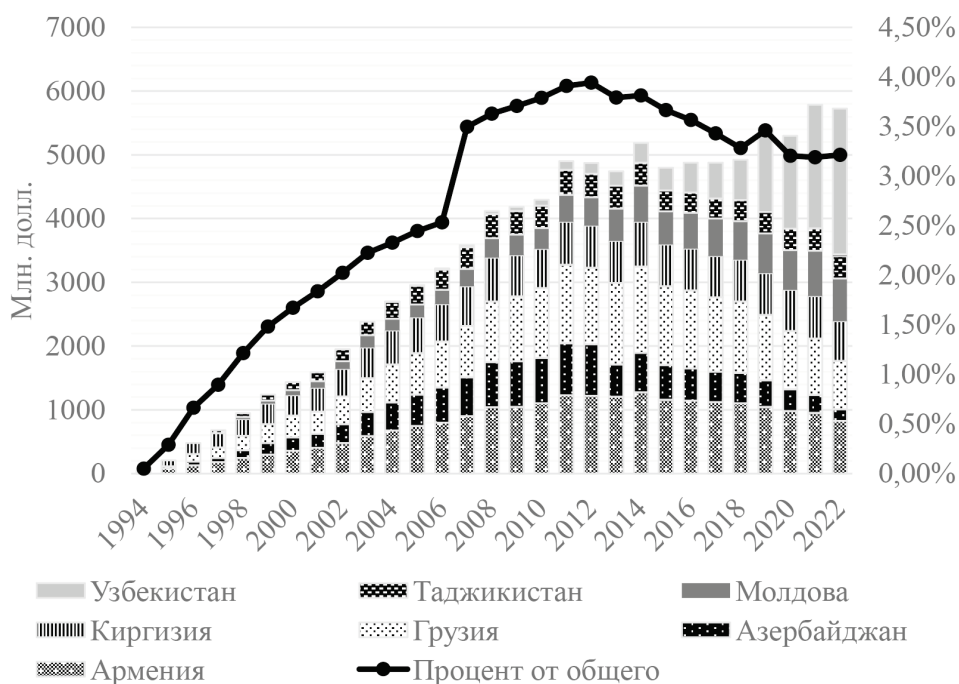

Рис. 1. Суммы непогашенных кредитов МАР, выданных постсоветским странам (левая шкала), и их доля в кредитном портфеле Ассоциации (правая шкала)^{5,6}.

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности МАР за 1994–2022 ф. г.

Из списка постсоветских государств, являющихся получателями средств МАР, нами были выбраны три центральноазиатские республики, относящиеся к трем разным группам заемщиков: Таджикистан, которому в настоящее время доступно преимущественно грантовое финансирование; Киргизия, получающая финансовые средства МАР в равной пропорции на возвратной и безвозмездной основе; а также Узбекистан, который имеет право на пользование кредитами МАР только в сочетании с займами МБРР.

⁵ В МАР финансовый год начинается 1 июля и заканчивается 30 июня.

⁶ Данные включают кредиты, выданные в рамках Временного целевого фонда (англ. Interim Trust Fund), который был сформирован в рамках 11-го пополнения МАР и функционировал в конце 1990-х годов. Особенностью этого фонда было то, что предоставляемые из его средств кредиты утверждались не Исполнительным советом МАР, а президентом Ассоциации.

Республика Таджикистан. Таджикистан стал участником МАР в июне 1993 г., но до 1996 г. по причине невозможности проведения экономических преобразований в условиях внутреннего военного конфликта помощь, предоставляемая стране Всемирным банком, ограничивалась в основном политическими консультациями [6. Р. 1].

Первый профинансированный МАР проект с небольшим бюджетом в сумме, эквивалентной 5 млн долл., позволил подготовить программу реформ: приватизации государственной собственности, реструктуризации сельского хозяйства и улучшения функционирования банковской сферы [7]. Однако реализация запланированных в нем мероприятий, проходившая в рамках последующих проектов, не удавалась из-за слабого уровня государственного управления в республике, низкой подотчетности исполнительной и законодательной ветвей власти, а также из-за коррупции, подрывающей доверие граждан к правительству и легитимности государства в целом [8. Р. XV, 9, 10]. Эксперты Всемирного банка отмечали, что им приходилось решать сложную задачу: с одной стороны, учитывать структуру стимулов и принимать во внимание наличие (отсутствие) движущих сил, которые создают давление на власть для изменений в социально-экономической сфере [11. Р. 21–22], а с другой стороны – сотрудники международной организации вынуждены были самостоятельно определять потребности страны и «примирять» их с желаниями Правительства Республики Таджикистан [12].

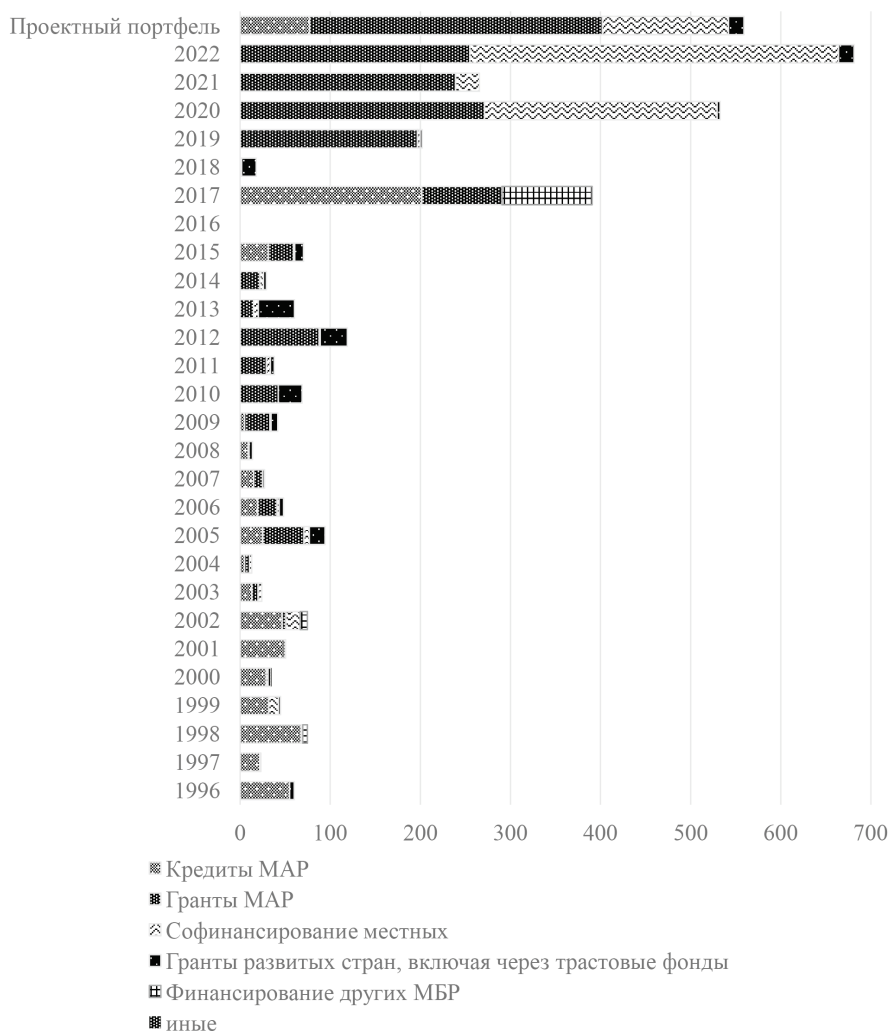
В конце 1990-х годов при работе в Таджикистане у МАР возникли проблемы из-за слабой координации деятельности Ассоциации с другими партнерами по развитию [13], а также из-за стремительно увеличивающегося долгового бремени этой центральноазиатской республики. Кроме того, по итогам реализации проекта «Чрезвычайная помощь при наводнении»⁷ стало понятно, что для достижения устойчивых результатов необходим стратегический подход, при котором не просто локализируются негативные явления, но и проводятся мероприятия по предотвращению подобных катастроф в будущем [14. Р. 16].

В итоге руководство Ассоциации пересмотрело подход, применяемый к работе с Таджикистаном, прежде всего – в части используемых Ассоциацией инструментов. Если до 2002 г. правительству страны предоставлялись только кредиты (в среднем по 43 млн долл. в год), то в последующие годы Ассоциация в основном финансировала проекты и программы на грантовой основе, выдавая кредиты только на окупаемые проекты в энергетической сфере (в среднем по 16 млн долл. в год в качестве кредитов и 67 млн долл. в виде грантов).

Всего за период сотрудничества республики со Всемирным банком из средств МАР одобрено получение денежной помощи правительству Таджикистана в размере 2 млрд долл., причем половина, преимущественно в виде

⁷ Финансирование в размере 5 и 2 млн долл. было утверждено в 1998 и 2000 г. соответственно.

грантов, была выделена в последние четыре года. Помимо этого, более 200 млн долл. было предоставлено развитыми странами отдельно для подготовки и реализации проектов Ассоциации на территории республики (рис. 2).

*Две операции — «Техническая помощь в рамках финансирования проекта Рогунской гидроэлектростанции» и «Осуществление политики устойчивого развития Таджикистана» — с предоставлением грантов МАР в сумме 20 и 50 млн долл. соответственно были утверждены 12 января 2023 г.

Рис. 2 Утвержденные проекты Всемирного банка в Таджикистане, млн долл.

Источник: составлено автором на основе документов Всемирного банка.

Однако операции, которые на первоначальных этапах казались окупаемыми, в последующем потребовали привлечения дополнительных денежных

средств. Таким проектом, в частности, стала «Реабилитация Нурекской ГЭС». В 2017 г. Исполнительным советом МАР было одобрено предоставление республике кредита в сумме 169,135 млн долл. и гранта в объеме 56,6 млн долл. на реализацию первой фазы проекта. Помимо этого, для финансирования данного проекта согласились предоставить кредиты Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Евразийский фонд стабилизации и развития — 60 и 40 млн долл. соответственно [15. Р. 13]. В 2020 г. на реализацию второй фазы проекта «Реабилитация Нурекской ГЭС» МАР предоставила грант в сумме, эквивалентной 50 млн долл. [16], а годом позже согласовала увеличение финансирования до 96 млн долл. [17]. Параллельно с этим, с целью обеспечения окупаемости проекта и возвратности средств Ассоциации, исполнительные директора МАР в 2020 и 2022 г. одобрили выделение двух грантов в сумме, эквивалентной 134 млн долл. и 80 млн долл. соответственно на реализацию программ улучшения финансовых показателей и улучшения управления государственной национальной энергетической компанией «Барки Точик» [18, 19].

В последние годы, наряду с капиталоемкими энергетическими проектами, МАР инвестирует средства преимущественно в укрепление критически важной инфраструктуры Таджикистана для противостояния республике природным катаклизмам. Так, для решения этой задачи в 2017 г. было утверждено выделение кредита на сумму 25 млн долл. и гранта в сумме, эквивалентной 25 млн долл. [20]. В 2020–2021 гг. МАР также выделила в совокупности около 60 млн долл. для борьбы с распространением в Таджикистане пандемии COVID-19 и нивелирования экономических последствий ее распространения.

В кредитно-инвестиционный портфель республики на начало 2023 г. включено 9 проектов, в основном в социальной сфере, на общую сумму 452 млн долл. Приоритетными в работе Всемирного банка в республике остаются макрофинансовая стабилизация; выстраивание эффективных государственных институтов и инвестиции в стратегическую инфраструктуру и человеческий капитал [21. Р. 11].

Киргизская Республика. Сотрудничество Киргизии со Всемирным банком началось в 1991 г. с оказания республике консультативной помощи по вопросу проведения в стране экономических преобразований, укрепления институтов и содействия в подготовке инвестиционных проектов [22. Р. 15]. И только по прошествии двух лет был выделен первый кредит.

Совокупный объем инвестиций, одобренных Исполнительным советом МАР для предоставления Правительству Киргизской Республики на реализацию проектов и программ, сопоставим с вложениями Ассоциации в таджикскую экономику и составляет около 2 млрд долл. с единственным отличием: помощь развитых стран Киргизии вдвое превышала финансовые

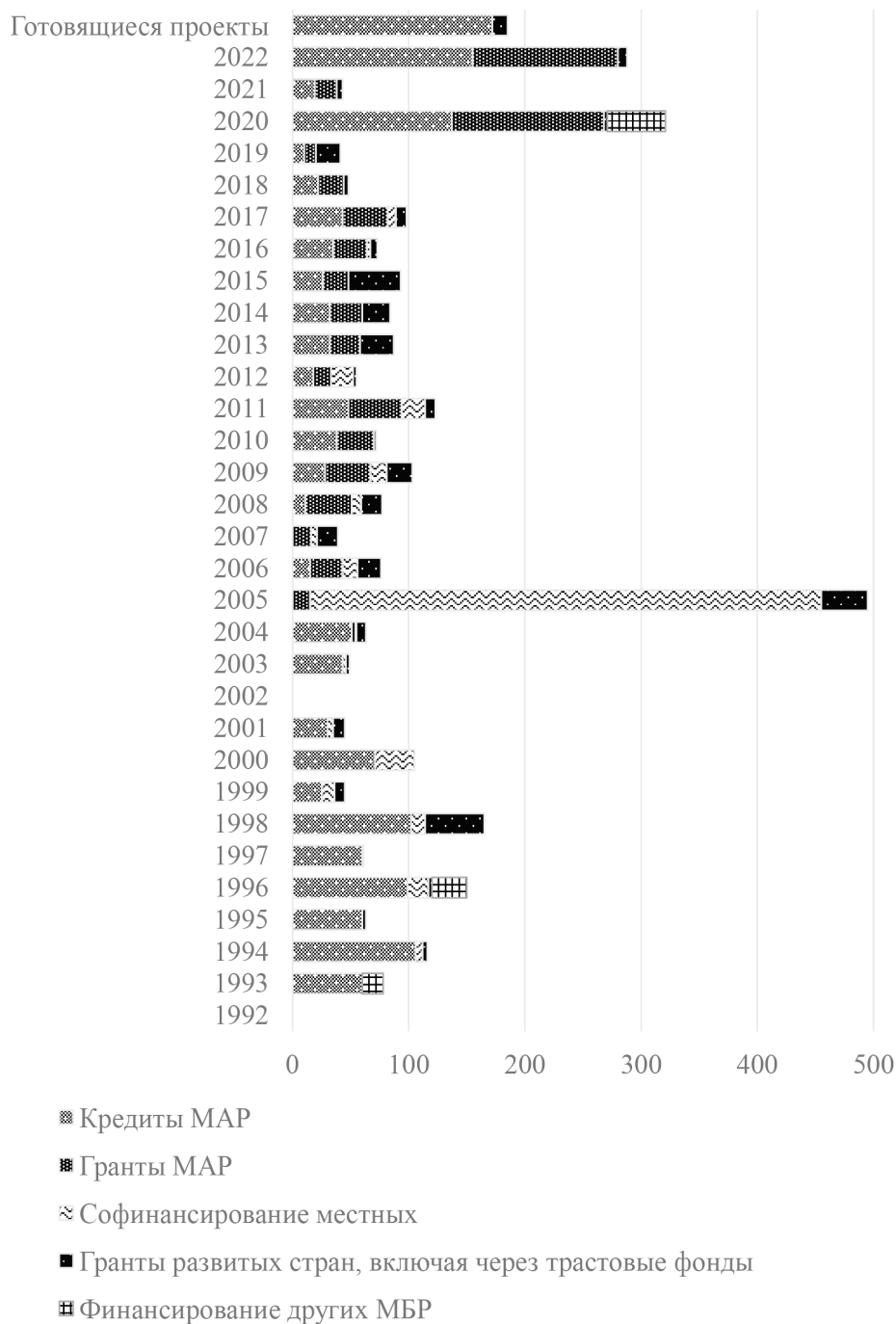

Рис. 3. Утвержденные проекты Всемирного банка в Киргизии, млн долл.

Источник: составлено автором на основе документов Всемирного банка.

вложения в Таджикистан. В частности, в 2015 г. Правительству Киргизской Республики за счет средств находящегося в управлении МАР Глобального многостороннего донорского целевого фонда для сельского хозяйства и продовольственной безопасности (*англ.* Global Agriculture and Food Security Multi-Donor Trust Fund) был предоставлен грант в сумме 38 млн долл. для финансирования восстановления и модернизации ирригационной и дренажной инфраструктуры страны, а также улучшения питания женщин и детей [23] (см. рис. 3).

Низкая активность МАР на территории Киргизии объясняется двумя факторами.

Первый из них — «чрезмерный оптимизм», проявленный экспертами международной организации на первых этапах взаимодействия с Правительством Киргизской Республики в оценке скорости восстановления экономического роста в стране после распада СССР, и, как следствие, недооценка рисков, связанных с невысоким качеством государственного управления и «сложностями институционального развития в местном контексте» [24. Р. 13]. В попытке исправить допущенные при работе с центральноазиатской республикой ошибки в начале 2000-х годов МАР сократила до минимума кредитование Киргизии и сосредоточилась на инвестиционных проектах, что, как отмечается в документах Всемирного банка, в условиях возникновения у страны потребностей в ресурсах для стабилизации экономики, особенно после свержение режима президента А. Аскаева, привело лишь к ухудшению положения [25. Р. 1].

Второй фактор — невыполнение мероприятий, согласованных с МАР при выделении денежных средств, Правительством Киргизской Республики и иными участниками проектов. В частности, задачи программы «Первая операция в области политики развития», на реализацию которой МАР был одобрен в 2013 г. кредит в размере 13,75 млн долл. и грант на ту же сумму [26], не были выполнены в полном объеме, а вторая программа («Вторая операция в области политики развития»), на реализацию которой планировалось потратить около 30 млн долл. [27], — и вовсе была отменена [28. Р. XI]. В обзорах, проводимых Группой независимой оценки Всемирного банка, часто встречается указание на «незначительный прогресс» Правительства Киргизской Республики в сокращении коррупции и улучшении доступа граждан к независимой судебной системе⁸.

Как следствие, довольно успешные проекты Всемирного банка в Киргизии чередовались с малорезультативными. Так, реализация программы «Манас» с участием МАР в конце 1990-х годов помогла стране укрепить отдельные элементы системы здравоохранения и провести реформы, направленные на улучшение услуг, предоставляемых медицинскими организациями страны. В то же время, одобренные к выдаче в 2005 г. инвестиции Ассоциации в рамках программ «Манас Таалими» и «Ден Сулук», с совокупным бюджетом около 3 млрд

⁸ См., например, доклад Независимой оценочной группы об итогах реализации страновой стратегии на период 2014–2017 гг. [29. Р. 2].

долл., позволили экспертам Ассоциации установить политический диалог с национальными органами власти и иностранными донорами, вовлеченными в программные мероприятия, но эффективность реализации программ была оценена как низкая из-за того, что не все запланированные целевые индикаторы были достигнуты и Правительство Киргизской Республики не смогло обеспечить предоставления социальных пособий с акцентом на наиболее бедные слои населения [30].

В последние три года кредитно-инвестиционная деятельность МАР на территории Киргизии активизировалась: за указанный период исполнительные директора согласовали предоставление правительству страны около 600 млн долл. Эти средства планируется потратить преимущественно на проекты с высоким социально-экономическим эффектом. Так, в 2022 г. Исполнительный совет МАР принял решение одобрить выделение Правительству Киргизской Республике 50 млн долл. в виде кредита и такую же сумму — в виде гранта на реализацию проекта «Устойчивое к изменению климата водоснабжение», в рамках которого запланированы инвестиции в объекты водной инфраструктуры [31]. В 2020 и 2022 г. одобрено предоставление средств Ассоциации на мероприятия по совершенствованию цепочек поставок агропродовольственных товаров в Ошской и Бакетской областях в размере 60 и 100 млн долл. соответственно [32, 33].

Кредитно-инвестиционный портфель МАР в Киргизии в настоящее время небольшой и включает 9 проектов, на реализацию которых планируется выделить 172 млн долл. Несмотря на окончание действия Рамочной программы странового партнерства институтов Группы Всемирного банка с Киргизией, можно ожидать, что приоритетными сферами сотрудничества сторон на ближайшие годы останутся укрепление институционального потенциала правительства, развитие частного сектора, поддержка развития отдельных регионов страны и совершенствование инфраструктуры на фоне возрастающих экологических и климатических рисков, как это было зафиксировано в прошлой стратегии [34. Р. 14–28].

Республика Узбекистан. Взаимодействие институтов Группы Всемирного банка с Правительством Республики Узбекистан на протяжении всего периода независимости страны было ограниченным, причинами чего в период до середины 2010-х годов стало расхождение сторон относительно сроков и степени либерализации узбекской экономики [35. Р. 12; 36. Р. 27–28]. Поэтому МАР, на предоставление средств которого Узбекистан получил право в 2001 г., наряду с МБРР проводила ограниченное количество операций в республике. В частности, всего с начала сотрудничества Всемирный банк выделил Правительству Республики Узбекистан кредитов на сумму 8,5 млрд долл., в том числе за счет средств МАР — 5 млрд долл. При этом исполнительные директора МБРР и МАР одобрили предоставление более 70% указанных сумм в 2018–2022 гг. (рис. 4).

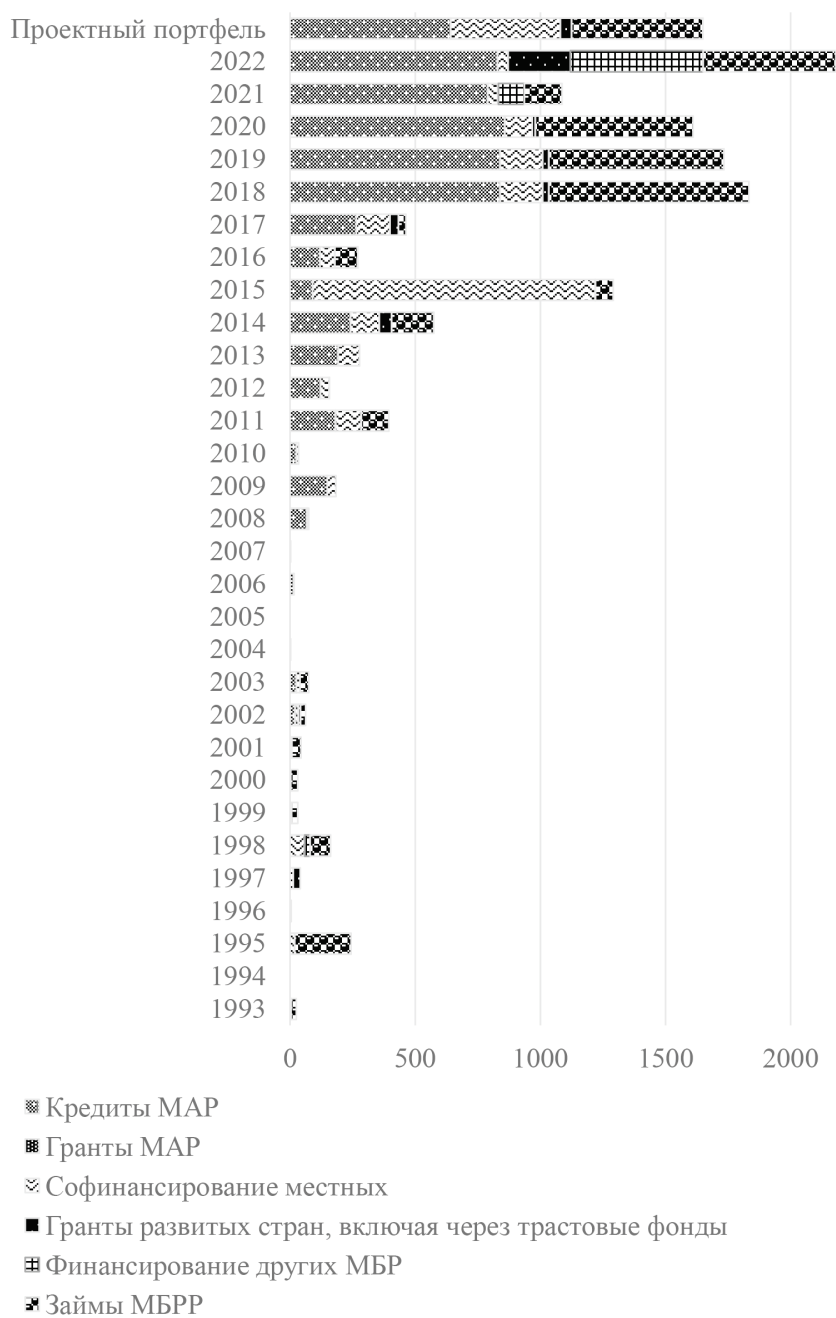

Рис. 4. Утвержденные проекты Всемирного банка в Узбекистане, млн долл.

Источник: составлено автором на основе документов Всемирного банка.

В результате эффективность финансируемых МБРР и МАР проектов и программ в период до 2010 г. наблюдалась исключительно в тех случаях, когда реализация мероприятий проходила по запросу государственных органов власти Узбекистана, а не по настоянию экспертов банка [37. Р. 22].

Длительное время Всемирный банк стремился к установлению с республикой «предметного и творческого диалога, основанного на необходимости содействия росту [национальной экономики] и борьбе с бедностью» [38. Р. 8], и к 2011 г. ему это удалось сделать. За четыре года (с 2011 по 2014 г.) среднегодовой объем одобренных операций МАР в Узбекистане вырос в 10 раз по сравнению с предшествующим периодом, достигая 190 млн долл. При этом ключевым достижением экспертов Всемирного банка стало то, что финансируемые из средств МАР и МБРР проекты преимущественно реализовывались в регионах с более высоким уровнем бедности по сравнению с остальной частью страны [39. Р. 3].

Среди проектов, финансирование которых было утверждено в это время, стоит выделить «Проект по повышению энергоэффективности промышленных предприятий», предусматривающий открытие Правительством Республики Узбекистан кредитных линий для банков, участвующих в проекте, с целью предоставления субкредитов промышленным предприятиям для финансирования расходов по внедрению инструментов, обеспечивающих повышение энергоэффективности [40]. В 2010 г. Исполнительным советом МАР на его реализацию было выделено 24 млн долл., и по мере достижения поставленных целей проект решено было расширить: в 2013 и 2018 г. одобрены кредит МАР и заём МБРР Правительству Республики Узбекистан на общую сумму 300 млн долл. [40, 41]. В итоге, если в начале 2010-х годов Узбекистан обладал одной из самых энергоемких экономик в мире, потребляя для производства одной единицы своего ВВП в три раза больше энергии, чем средняя страна Восточной Европы и Центральной Азии, и в шесть раз больше, чем Германия [43. Р. 3], то после завершения двух фаз проекта удалось увеличить совокупную годовую экономию энергии с 27,00 мВт-ч в 2012 г. до 358,587 мВт-ч в 2017 г. и совокупное сокращение выбросов CO₂ с 70 000 метрических тонн в 2012 г. до 583 227 тонн в 2017 г. [Ibid. Р. 5]. К маю 2022 г. объемы годовой экономии энергии составляли 438 гВт-ч в год, а сокращения выбросов CO₂ — 730 713 метрических тонн [44].

В середине 2010-х годов эксперты Всемирного банка считали, что основным препятствием для эффективной помощи Узбекистану в повышении конкурентоспособности узбекской экономики и ее диверсификации является отсутствие фундаментальных реформ, в том числе в финансовой сфере [39. Р. 12]. Поэтому, когда Правительство Республики Узбекистан согласилось на их проведение, финансовая помощь со стороны МБРР и МАР государству увеличилась в разы. С 2018 по 2020 г. утверждались проекты в среднем на сумму 1727 млн долл. в год, из них 846 млн долл. — кредиты МАР. Самой масштабной программой по объемам выделенных на ее реализацию средств стала программа

«Содействие осуществлению «Политики развития в области экономических и социальных преобразований в Узбекистане», в рамках которой запланировано проведение реформ, направленных на (I) укрепление рыночных институтов и условий для роста частного сектора; (II) улучшение управления государственными предприятиями; и (III) повышение социальной интеграции и устойчивости [45]. На ее реализацию было одобрено предоставление 350 млн долл. из средств МБРР и три кредита МАР с разными условиями общей суммой в 600 млн долл. Ожидается, что эта программа будет поддерживаться параллельным финансированием в размере 530 млн долл. от Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и 250 млн долл. от правительства Японии [Ibid. P. 6].

Между тем увеличение объемов предоставляемых Всемирным банком Узбекистану финансовых средств не привело к повышению эффективности их использования, так как в ряде случаев цели стратегического партнерства с центральноазиатской республикой достигались не в полном объеме [46. P. 1–3].

На текущем этапе в кредитно-инвестиционный портфель Всемирного банка в Узбекистане включены 10 проектов на общую сумму 1,65 млрд долл., из которых 0,64 млрд долл. будет предоставлено за счет средств МАР, 0,53 млрд долл. — МБРР. Деятельность международной организации в ближайшие годы будет сосредоточена на совершенствовании человеческого капитала, а также на повышении уровня жизни населения [47].

Анализ полученных результатов. За последние 30 лет МАР одобрила предоставление центральноазиатским республикам кредитов и грантов на сумму около 9 млрд долл., большая часть из которых предназначалась для Узбекистана — страны, наиболее развитой из трех получателей средств. Как было установлено, такое неравномерное распределение ресурсов МАР объясняется следующими факторами.

Во-первых, активность МАР на территории стран-заемщиков зависит от прогнозируемой его экспертами социально-экономической эффективности проектов и программ, а также от готовности получателей средств выполнять предписываемые им рекомендации. В работах ряда ученых, таких как А. Базбауэрс [48], Л.А. Ика, А. Диалло, Д. Тюилье [49], Дж. Ланнон, Дж. Н. Уолш [50], отмечается, что доверяющие сотрудникам Всемирного банка заемщики более открыты для диалога и в большей мере склонны придерживаться своих обязательств в рамках проектов.

Доверие правительств стран-заемщиков к международной организации приводит к тому, что национальные органы исполнительной власти становятся более восприимчивыми к внешним советам и критике. Вместе с тем на примерах Таджикистана, Киргизии и Узбекистана видно, что благосклонность сотрудников Всемирного банка к странам, как правило, основывается на заявлениях правительств республик о приверженности институциональным преобразованиям, но, к сожалению, во многих случаях ожидания стремительных

преобразований социальной и экономической сферы не реализуются. В результате, в центральноазиатских республиках наиболее эффективными становятся те проекты и программы, которые имеют изначально небольшой бюджет с возможностью расширения списка мероприятий с выделением дополнительного финансирования. Комплексные проекты с большим количеством вовлеченных в его реализацию сторон и кредиторов являются менее эффективными в развивающихся странах, так как Всемирный банк на определенном этапе не имеет возможности осуществлять должный контроль за проведением отдельных мероприятий и соблюдением установленных процедур.

Во-вторых, успешность реализации проектов и программ, финансируемых за счет средств МАР, во многом зависит от институционального потенциала и экономического развития государств-получателей заемных и грантовых средств. Так, С. Брокколини, Г. Лотти, А. Маффиоли, А.Ф. Пресвитер и Р. Лепнина [51] показали, что многосторонним банкам развития удастся мобилизовать частный капитал для финансирования проектов в странах, которые более экономически и финансово развиты и имеют более высокие кредитные рейтинги. В то же время кредитование МБР менее эффективно в странах с низким уровнем дохода, менее развитых в финансовом отношении и подверженных риску.

В исследованиях помощи развитию государств не раз подчеркивалось, что коррупция и хрупкость государства негативно влияют на эффективность реализации проектов⁹, но поскольку совершенствование институционального потенциала происходит медленно, образуется замкнутый круг, в котором страны не могут получить больше финансирования из-за низкого потенциала, а его повышение возможно только за счет дополнительных инвестиций. В последние годы эксперты Всемирного банка пытаются разрешить данную проблему за счет наращивания активности в Центральной Азии, в большей степени фокусируясь на реализации проектов и программ, обеспечивающих устойчивое и инклюзивное экономическое развитие государств. При этом наиболее значимые из них, такие как управление рисками изменения климата, МАР финансирует посредством грантов.

В-третьих, важное значение для достижения поставленных целей имеет грамотное структурирование проектов и программ, а также умелое сопровождение реализации запланированных мероприятий со стороны экспертов международной организации. М. Хайнцель и А. Лизе [54] в своем недавнем исследовании показали, что сотрудники Всемирного банка могут влиять на производительность получателей средств тремя способами: через мониторинг и надзор; посредством снисходительности или, наоборот, строгости, с которой сотрудники международной организации применяют нормы соглашений о займе / кредите; и путем мобилизации поддержки в стране-получателе средств. С. Денизер, Д. Кауфман

⁹ См., например, статьи Д. Доллара и В. Левина [52], а также Д. Хонига [53].

и А. Краай, оценив эффективности проектов, реализованных при финансировании Всемирного банка в 130 развивающихся странах начиная с 1980-х гг., обнаружили, что достижение целей примерно на 80% зависит от качества реализации конкретного проекта и только на 20% определяется «макрофактора» странового уровня, такими как качество институтов [55].

Анализ работы МАР в странах Центральной Азии показал, что успешность проектов и программ определяется прежде всего заинтересованностью правительств заемщиков в реализации согласованных со Всемирным банком мероприятий с соблюдением правил и процедур международной организации.

Таким образом, МАР играет существенную роль в преобразовании экономик стран Центральной Азии, особенно в последние годы, когда организация нарастила свои инвестиции в регион. Однако эффективность вложений средств в развитие экономик центральноазиатских государств зависит не только от объемов финансовых вложений в них, но и от готовности правительств стран-получателей помощи следовать предписываемым международной организацией рекомендациям и реализовывать проекты и программы в соответствии с ранее согласованным планом мероприятий.

С учетом недостаточно развитого институционального потенциала центральноазиатских республик, по нашему мнению, представляется преждевременным предлагаемый К.Х. Зоидовым, Г.Н. Турсуновым и З.К. Зоидовым отказ государств от финансовой помощи и переход к модели с опорой «на собственные мощные и конкурентоспособные банковские и финансовые системы» [56. С. 212]. В то же время мы полагаем, что России, представленной в ключевых органах управления МАР — Совете управляющих и Исполнительном совете, стоит обратить внимание на проявляемый в некоторых случаях экспертами Всемирного банка чрезмерный оптимизм в отношении готовности постсоветских государств к проведению экономических реформ.

Литература

1. OECD. Multilateral Development Finance 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. DOI: 10.1787/e61fdf00-en. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/e61fdf00-en/index.html?itemId=/content/publication/e61fdf00-en&_csp_=98c28c694791ac73ca7c1f7fc3c9a7d9&itemIGO=oecd&itemContentType=book#execsumm-d1e478%20.
2. Головин М.Ю., Гринберг Р.С. Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1.
3. Евразийский банк развития. Обзор инвестиционной деятельности международных банков развития (IV квартал 2020 года). Алматы: ЕАБР, 2020. URL: <https://eabr.org/upload/iblock/dc1/Obzor-MBR-4-kvartal-2020.pdf>.

4. World Bank. The World Bank Policy on Access to Information. Washington D.C.: World Bank, 2010. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/391361468161959342/pdf/548730Access-011y0Statement01Final1.pdf>.
5. *Nielson D.L., Parks B., Tierney M. J.* International organizations and development finance: Introduction to the special issue // *The Review of International Organizations*. 2017. Vol. 17. P. 157–169.
6. International Development Association. Institution Building Technical Assistance Project / Memorandum and Recommendation of the President of the International Development Association to the Executive Directors on a Proposed Credit of SDR 3.4 Million to the Republic of Tajikistan. Washington D.C.: World Bank, 1996. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/985601485897780689/pdf/Tajikistan-Institution-Building-Technical-Assistance-Project.pdf>.
7. World Bank. Implementation Completion Report (IDA-28610) on a Credit in the Amount of US\$ 5.0 Million to the Republic of Tajikistan for an Institution Building Technical Assistance. Washington D.C.: World Bank, 2001. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/474351468165887307/pdf/multi0page.pdf>.
8. World Bank Group. Tajikistan Systematic Country Diagnostic. Making the National Development Strategy 2030 a Success: Building the Foundation for Shared Prosperity. Washington D.C.: World Bank Group, 2018. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/680151528479302248/pdf/TJK-SCD-WEB-v300518-06052018.pdf>.
9. Operations Evaluation Department of the World Bank. Project Name : Pilot Poverty Alleviation. Washington D.C.: World Bank, 2002. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/150961474510970850/pdf/000020051-20140607153730.pdf>.
10. Operations Evaluation Department of the World Bank. Project Name : Agriculture Recovery and Social Protection (ARSP). Washington D.C.: World Bank, 1998. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/915771475083717745/pdf/000020051-20140519065920.pdf>.
11. World Bank. Implementation Completion Report (TF-21817 IDA-32490) on a Credit in the Amount of SDR 5 Million (US\$6.7 Million Equivalent) to the Republic of Tajikistan for Second Institution Building Technical Assistance Credit. Washington D.C.: World Bank, 2006. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/929731468304212221/pdf/34482.pdf>.
12. Operations Evaluation Department of the World Bank. Tajikistan Country Assistance Strategy Completion Report Review. Washington D.C.: World Bank, 2003. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/185451468304255630/pdf/Tajikistan-Country-assistance-strategy-CAS-completion-report-review.pdf>.
13. Independent Evaluation Group of the World Bank. Tajikistan Country Partnership Strategy and its Progress Report. Washington D.C.: World Bank, 2009. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/703651597348394061/pdf/Tajikistan-Country-assistance-strategy-completion-report-CASCR-for-the-period-FY2006-FY2009-IEG-review.pdf>.
14. World Bank. Project Performance Assessment Report Republic of Tajikistan Emergency Flood Assistance Project (Credit 31230 & 31231). Washington D.C.: World Bank, 2008. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/813231468133797066/pdf/438380PPAR0P0-511closed0July022020080.pdf>.
15. International Development Association. Nurek Hydropower Rehabilitation Project - Phase I / Project Appraisal Document on Proposed Credits in the Amount of US\$169.135 Million and a Proposed Grant in the Amount of US\$56.565 Million Equivalent to the Republic of Tajikistan. Washington D.C.: World Bank, 2017. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/691071494036135802/pdf/Tajikistan-PAD-04142017.pdf>.
16. International Development Association. Nurek Hydropower Rehabilitation Project - Phase 2 / Project Appraisal Document on a Proposed Grant in the Amount of SDR36.5 Million (US\$50

- Million Equivalent) to the Republic of Tajikistan. Washington D.C.: World Bank, 2017. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/454511593482928270/pdf/Tajikistan-Second-Phase-of-Nurek-Hydropower-Rehabilitation-Project.pdf>.
17. Financing Agreement (Additional Financing for the Nurek Hydropower Rehabilitation Project, Phase 2) between Republic of Tajikistan and International Development Association (signed May 17, 2022). URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099405111102238241/pdf/P17380408cab4a05108fe80243418662072.pdf>.
 18. International Development Association. Power Utility Financial Recovery Program for Results / Program Appraisal Document on a Proposed Grant in the Amount of SDR97.2 Million (US\$134 Million Equivalent) to the Republic of Tajikistan. Washington D.C.: World Bank, 2020. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/685981582945276030/pdf/Tajikistan-Power-Utility-Financial-Recovery-Program-for-Results.pdf>.
 19. International Development Association. Additional Financing to Power Utility Financial Recovery Project / Program Paper on a Proposed Additional Grant in the Amount of SDR 59.5 Million (US\$80 Million Equivalent) to the Republic of Tajikistan. Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/250891656370488739/pdf/Tajikistan-Power-Utility-Financial-Recovery-Program-for-Results-Additional-Financing.pdf>.
 20. International Development Association. Strengthening Critical Infrastructure Against Natural Hazards Project / Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of US\$25 Million and a Proposed Grant in the Amount of SDR 18.3 Million (US\$25 Million Equivalent) to the Republic of Tajikistan. Washington D.C.: World Bank, 2017. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/186741499911241016/pdf/PAD-Tajikistan-revised-06202017.pdf>.
 21. International Development Association, International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency. Country Partnership Framework for the Republic of Tajikistan for the Period FY19–FY23. Washington D.C.: World Bank, 2019. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/962981557781100857/pdf/Tajikistan-Country-Partnership-Framework-for-the-Period-of-FY19-FY23.pdf>.
 22. International Development Association. Rehabilitation Credit / Report and Recommendation of the President of International Development Association to the Executive. Directors on a Proposed Rehabilitation Credit in an Amount Equivalent to SDR 43.3 Million to the Republic of Kyrgyzstan. Washington D.C.: World Bank, 1993. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/987411468089100473/pdf/multi0page.pdf>.
 23. Global Agriculture and Food Security Program Grant Agreement (Agricultural Productivity and Nutrition Improvement Project) between Kyrgyz Republic and International Development Association acting as Trustee of the Global Agriculture and Food Security Multi-Donor Trust Fund (dated March 18, 2016). URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/48153146-8048323587/pdf/RAD1613197826.pdf>.
 24. Operations Evaluation Department of the World Bank. Kyrgyz Republic: Country Assistance Evaluation. Washington D.C.: World Bank, 2001. URL: <https://ieg.worldbankgroup.org/sites/default/files/Data/reports/kyrgyz.pdf>.
 25. Independent Evaluation Group of the World Bank. Kyrgyz Republic: Country Strategic Assessment. For FY03–FY06. Washington D.C.: World Bank, 2007. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/121041468047775084/pdf/Kyrgyz-Republic-Country-assistance-strategy-completion-report-CASCR-review-for-the-period-FY2003-06-IEG-review.pdf>.
 26. International Development Association. First Development Policy Operation / Program Document for a Proposed Credit in the Amount of SDR 9.20 Million (US\$13.75 Million Equivalent) And A Proposed Grant in the Amount of SDR 7.60 Million (US\$11.25 Million Equivalent) to

- the Kyrgyz Republic. Washington D.C.: World Bank, 2013. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/118071468266971367/pdf/680570KG0PGD0100Box0377-356B00OU0090.pdf>.
27. International Development Association. Second Development Policy Operation / Program Document for a Proposed Credit in the Amount of SDR 8.99 Million (US\$13.89 Million Equivalent) and a Proposed Grant in the Amount of SDR 7.19 Million (US\$11.11 Million Equivalent) to the Kyrgyz Republic. Washington D.C.: World Bank, 2014. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/393241468047044817/pdf/865160PGD0P126010Box385-211B00OU0090.pdf>.
 28. Independent Evaluation Group of the World Bank. Project Performance Assessment Report: Kyrgyz Republic First and Second Development Policy Operations (IDA-54780 and IDA-52880) Programmatic Governance and Competitiveness Development Policy Operation (IDA-58660). Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099632207202288774/pdf/IDU086b92c0d03f960479009d680d3797f3c505b.pdf>
 29. Independent Evaluation Group. Completion and Learning Review for the period of the Country Partnership Strategy FY14-17. Washington D.C.: World Bank, 2018. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/833391543546920641/pdf/Kyrgyz-Republic-Completion-and-Learning-Review-for-the-Period-FY14-FY17-IEG-Review.pdf>.
 30. Independent Evaluation Group. Implementation Completion Report (ICR) Review for the Project « HEALTH & SOC PROT». Washington D.C.: World Bank, 2016. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/260351469050554000/text/ICRR-Disclosable-P084977-07-20-2016-1469050543899.txt>.
 31. International Development Association. Climate Resilient Water Services Project / Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of SDR 35.9 Million (US\$50 Million Equivalent) and a Proposed Grant in the Amount of SDR 35.9 Million (US\$50 Million Equivalent) to the Kyrgyz Republic. Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/323301650378361478/pdf/Kyrgyz-Republic-Climate-Resilient-Water-Services-Project.pdf>.
 32. International Development Association. Regional Economic Development Project /Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount Of SDR 21.8 Million (US\$30 Million Equivalent) And A Proposed Grant In the Amount of SDR 21.8 Million (US\$30 Million Equivalent) to the Kyrgyz Republic. Washington D.C.: World Bank, 2020. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/240101584324138381/pdf/Kyrgyz-Republic-Regional-Economic-Development-Project.pdf>.
 33. International Development Association. Second Regional Economic Development Project / Project Appraisal Document on a Proposed credit in the Amount of SDR 17.9 Million (US\$25 Million Equivalent) and a Proposed Grant in the Amount of SDR 17.9 Million (US\$25 Million Equivalent) to the Kyrgyz Republic. Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/877841646427657421/pdf/Kyrgyz-Republic-Second-Regional-Economic-Development-Project.pdf>.
 34. International Development Association International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency. Country Partnership Framework for the Kyrgyz Republic for the Period FY19-FY22. Washington D.C.: World Bank, 2018. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/358791542423680772/pdf/Kyrgyz-Republic-Country-Partnership-Framework-for-the-Period-FY19-FY22.pdf>.
 35. International Bank for Reconstruction and Development, International Finance Corporation. Country Assistance Strategy for the Republic of Uzbekistan. Washington D.C.: World Bank,

1998. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/872861468318333378/pdf/multi-page.pdf>.
36. International Bank for Reconstruction and Development, International Finance Corporation. Country Assistance Strategy for the Republic of Uzbekistan. Washington D.C.: World Bank, 2002. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/549631468781155676/text/multi0page.txt>.
 37. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association, International Finance Corporation. Country Assistance Strategy for the Republic of Uzbekistan for the Period FY08-FY11. Washington D.C.: World Bank, 2008. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/251591468127802223/pdf/433850REVISED01PUB-LIC10R20081010513.pdf>.
 38. Independent Evaluation Group. Review of the FY08-11 Uzbekistan Country Assistance Strategy and FY10 CAS Progress Report. Washington D.C.: World Bank, 2011. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/512761468171878288/pdf/Uzbekistan-Country-assistance-strategy-for-the-period-FY08-FY11-IEG-CPSCR-review.pdf>.
 39. Independent Evaluation Group. Review of the FY12-15 Uzbekistan Country Assistance Strategy and FY12 CAS Progress Report. Washington D.C.: World Bank, 2016. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/750531468186845203/pdf/Uzbekistan-Completion-and-learning-review-for-the-period-FY12-15-IEG-review.pdf>.
 40. International Development Association. Energy Efficiency Facility for Industrial Enterprises Project / Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of SDR 16.5 Million (US\$25 Million Equivalent) to the Republic of Uzbekistan. Washington D.C.: World Bank, 2010. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/206601468127807384/pdf/531560PAD0P118101Official0Use0only1.pdf>.
 41. International Bank for Reconstruction and Development. Energy Efficiency Facility for Industrial Enterprises Project / Project Paper on a Proposed Additional Loan in the Amount of US\$200 Million to the Republic of Uzbekistan. Washington D.C.: World Bank, 2018. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/786631517540474166/pdf/PAD2597-CORRIGENDUM-PUBLIC-Project-Paper-P165054-03222018.pdf>.
 42. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association. Uzbekistan: 2nd Additional Financing for Energy Efficiency Facility for Industrial Enterprises Project (IBRD Loan 8826-UZ): First Amendment to the Loan Agreement. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/487331643377513721/pdf/Official-Documents-First-Amendment-to-the-Second-Additional-Financing-Loan-Agreement-for-Loan-8826-UZ.pdf>.
 43. Independent Evaluation Group of the World Bank. Implementation Completion Report (ICR) Review of the Energy Efficiency Facility for Industrial Enterprises Project. Washington D.C.: World Bank, 2018. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/750541525389739814/pdf/Uzbekistan-ENERGY-EFF-INDUST-ENTERPRISES.pdf>.
 44. World Bank. Implementation Status & Results Report: Energy Efficiency Facility for Industrial Enterprises (P118737). Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099355005232210293/pdf/P118737084a6140920bb320f1-780acbb8fd.pdf>.
 45. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association. Advancing Uzbekistan's Economic and Social Transformation Development Policy Operation / Program Document for a Proposed Loan in the Amount of US\$350 Million and a Proposed IDA Credit in the Amount of US\$250 Million and a Proposed IDA Shorter-Maturity Loan in the Amount of US\$220 Million and a Proposed IDA Scale-Up Window Credit in the

- Amount of US\$130 Million. Washington D.C.: World Bank, 2022. URL:<https://documents1.worldbank.org/curated/en/099335011212240491/pdf/BOSIB0719eedb0ba0911e0-d22ebca8a33f.pdf>.
46. Independent Evaluation Group of the World Bank. Completion and Learning Review Uzbekistan: FY16-FY21 Country Partnership Framework. Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/296821653594456765/pdf/Uzbekistan-Completion-and-Learning-Review-IEG-Review.pdf>.
47. International Bank for Reconstruction and Development, International Development Association, International Finance Corporation, Multilateral Investment Guarantee Agency. Country Partnership Framework for the Republic of Uzbekistan for the Period FY2022–FY2026. Washington D.C.: World Bank, 2022. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/558271653576525839/pdf/Uzbekistan-Country-Partnership-Framework-for-the-Period-FY2022-FY2026.pdf>.
48. *Bazbauers A.* World Bank technical assistance: Locating and cultivating sympathetic interlocutors // Development Policy Review. 2019. Vol. 37(5). PP. 638–656. DOI: 10.1111/dpr.12377.
49. *Ika L.A., Diallo A., Thuillier D.* Critical success factors for World Bank projects: An empirical investigation // International Journal of Project Management. 2012. Vol. 30(1). PP. 105–116. DOI: 10.1016/j.ijproman.2011.03.005.
50. *Lannon J., Walsh J.N.* Project facilitation as an active response to tensions in international development programmes // International Journal of Project Management. 2020. Vol. 38. PP. 486–499. DOI: 10.1016/j.ijproman.2020.06.002.
51. *Broccolini C., Lotti G., Maffioli A., Presbitero A.F., Stucchi R.* Mobilization Effects of Multilateral Development Banks. IMF Working Paper WP/19/28. Washington, DC: IMF, 2018.
52. *Dollar D., Levin V.* Sowing and reaping: Institutional quality and project outcomes in developing countries. Policy Research Working Paper 3524. Washington, DC: World Bank, 2005.
53. *Honig D.* Information, power, & location: World Bank staff decentralization and aid project success. Governance. 2020. Vol. 33(4). PP. 749–769. DOI: 10.1111/gove.12493.
54. *Heinzel M., Liese A.* Managing performance and winning trust: how World Bank staff shape recipient performance // The Review of International Organizations. 2021. Vol. 16. P. 625–653.
55. *Denizer C., Kaufmann D., Kraay A.* Good countries or good projects? Macro and micro correlates of World Bank project outcomes // Journal of Development Economics. 2013. Vol. 105. P. 288–302.
56. *Зоидов К.Х., Турсунова Г.Н., Зоидов З.К.* Эволюция трансформационных экономических систем стран Центральной Азии в условиях интеграции и глобальной нестабильности. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 10(48). С. 200–214.

Ekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

Postgraduate student, Junior Researcher at the Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ON THE WORKING PRACTICES OF THE INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSOCIATION IN THE POST-SOVIET STATES OF CENTRAL ASIA

Created to provide financial support to poor countries, the International Development Association (IDA) has been investing heavily in the countries of the Central Asia, especially in Uzbekistan. An analysis of the working practices of the IDA over the past three decades in the region shows that experts often overestimate the ability of Central Asian governments to implement planned transformations and enter the trajectory of sustainable and inclusive growth. The reasons for the low efficiency of IDA-funded projects and programs are often institutional difficulties arising from the poor quality of public administration. Up to mid-2000s, a number of failures took place to achieve the goals stated in projects and programs due to errors made by IDA experts when structuring transactions.

Keywords: IDA, World Bank, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, loans, grants.

DOI: 10.31857/S020736760026577-3

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff**, **eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню **«Мои публикации»** станет активна кнопка **«Добавление Публикации»**, нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле **«Комментарии для редактора»**. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Сохранить и отправить»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gau.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 20.07.2023 г.

Дата выхода в свет: 30.07.2023 г.

Тираж 150 экз. Зак. 13/7а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.

Тел. (499)-128-79-16

E-mail: socpol@mail.ru

16+

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

Свидетельство о регистрации СМИ в Государственном комитете Российской Федерации

по печати № 0110199 от 05.05.1999

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1